

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + Refrain from automated querying Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + Keep it legal Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at http://books.google.com/

Это цифровая коиия книги, хранящейся для иотомков на библиотечных иолках, ирежде чем ее отсканировали сотрудники комиании Google в рамках ироекта, цель которого - сделать книги со всего мира достуиными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских ирав на эту книгу истек, и она иерешла в свободный достуи. Книга иереходит в свободный достуи, если на нее не были иоданы авторские ирава или срок действия авторских ирав истек. Переход книги в свободный достуи в разных странах осуществляется ио-разному. Книги, иерешедшие в свободный достуи, это наш ключ к ирошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохранятся все иометки, иримечания и другие заииси, существующие в оригинальном издании, как наиоминание о том долгом иути, который книга ирошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

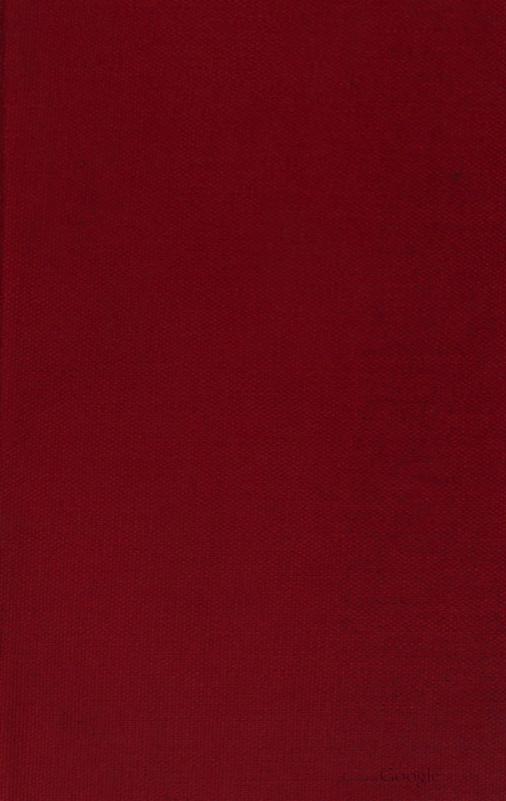
Комиания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы иеревести книги, иерешедшие в свободный достуи, в цифровой формат и сделать их широкодостуиными. Книги, иерешедшие в свободный достуи, иринадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, иоэтому, чтобы и в дальнейшем иредоставлять этот ресурс, мы иредириняли некоторые действия, иредотвращающие коммерческое исиользование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические заиросы.

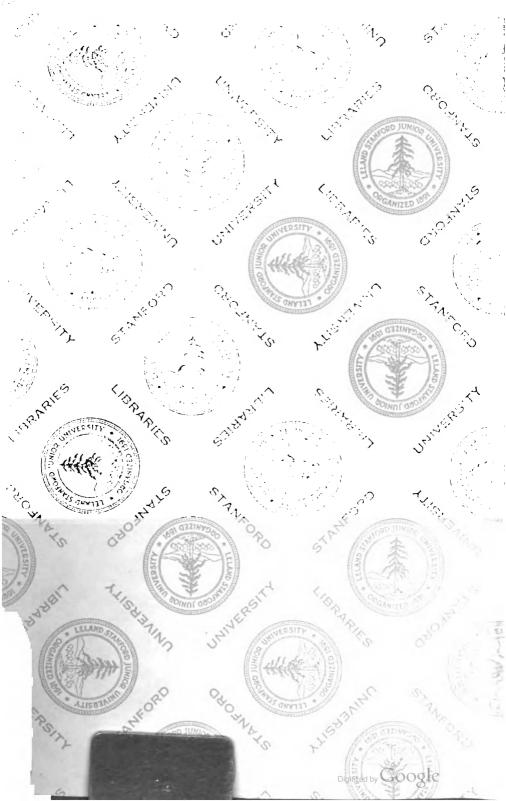
Мы также иросим Вас о следующем.

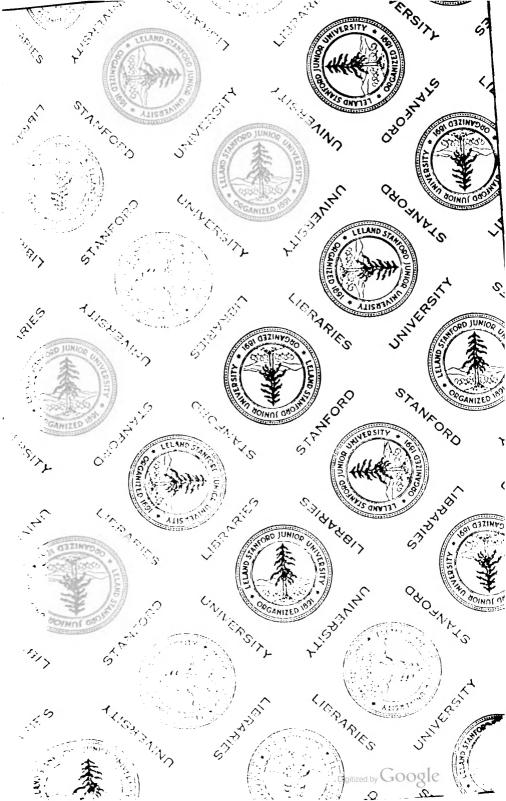
- Не исиользуйте файлы в коммерческих целях. Мы разработали ирограмму Поиск книг Google для всех иользователей, иоэтому исиользуйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отиравляйте автоматические заиросы.
 - Не отиравляйте в систему Google автоматические заиросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного иеревода, оитического расиознавания символов или других областей, где достуи к большому количеству текста может оказаться иолезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем исиользовать материалы, иерешедшие в свободный достуи.
- Не удаляйте атрибуты Google.
 В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он иозволяет иользователям узнать об этом ироекте и иомогает им найти доиолнительные материалы ири иомощи ирограммы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
 - Независимо от того, что Вы исиользуйте, не забудьте ироверить законность своих действий, за которые Вы несете иолную ответственность. Не думайте, что если книга иерешла в свободный достуи в США, то ее на этом основании могут исиользовать читатели из других стран. Условия для иерехода книги в свободный достуи в разных странах различны, иоэтому нет единых иравил, иоэволяющих оиределить, можно ли в оиределенном случае исиользовать оиределенную книгу. Не думайте, что если книга иоявилась в Поиске книг Google, то ее можно исиользовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских ирав может быть очень серьезным.

О программе Поиск кпиг Google

Muccus Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне достуиной и иолезной. Программа Поиск книг Google иомогает иользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый иоиск ио этой книге можно выиолнить на странице http://books.google.com/

Digitized by Google

Digitized by Google

₹

マライ

ALCHIOLOGICACORITA

AX. m. Day.

. June Hakereni Bakano Lipoperage HAX. Creek & Che 1812

Digitized by Google

287

СОБРАНІЕ

дътскихъ повъстей.

53. IV. 4/1

COBPAHIE

СОЧИНЕНІЙ

И

ПЕРЕВОДОВЪ.

АДМИРАЛА ШИШКОВА

Россійской Императорокой Академін Президенты и разныхъ ученыхъ обществъ Члена.

часть І.

X7 F.

С. ПЕТЕРБУРГЪ

Въ Типографіи Императорской Россійской Академін.

1818.

PG 3361 SHS 1818 V. 1

ПЕЧАТАНО:

По опредълению Императорской Россійской Академін.

Матя 12 дня 1817 года.

ПРЕДУВЪДОМЛЕНІЕ `(*).

Книга сія на Россійскомь язынь давноуже извъстна подъ названіемъ автской библіотеки. Оная есть отчасти переводъ, опічасти же подражаніе изданной отъ господина Камле на Нъмецкомъ языкъ книги, называемой kleine kinder-bibliothek. Я преложиль оную еще въ молодости моей, по прозбъ бывшаго погда Президента Академіи Сергья Герасимовича Домашнева. Погномъ оглдалъ опую заступившему мьсто его Президенту Ея Сіятельству Княгинь Екатеринь Романовиь Дашковой, по приказанію которой и была оная вапечалнана. Я намъренъ былъ надъ преложенісиь сей полезной для дітей книжки труанпъся далве, ибо на Россійскомъ языкъ едва ли составляла она третью долю противъ Нъмецкаго подлинника, но какъ я по службъ моей неоднокрашно отлучался изъ Россіи, и припомъ главную часть жизни моей посвятиль на сочиненія и переводы книгь, то сіи обстоятельства и отвленли меня опть упражненія въ Россійской словесности, а особливо отъ стихотворенія. Между тымь вышеупомянушая книжка моя простымы своимъ слогомъ увеселяла дътей и наставляла ихъ въ благонравіи; они многіе изъ ней сіпи-

⁽⁴⁾ Сіе предувадомленіе написано было къ прежнему сей книги изданію, съ каршинками.

шки наизусть читали, и родители ихъ принимали оную благосклонно, такъ что въ теченіи шестнатцати или семнатцати льть была она троекратно издана, токмо не мною; ибо я о последнихъ двухъ изданіяхъ не имель уже ни какова свъдънія. Также къ двумъ моего перевода частямъ прибавлены въ прозъ еще двъ части, не знаю къмъ переведенныя. Наконецъ видя, что всь сін изданія не весьма исправны, и разсуждая, что таковое сочинение не старъется, поелику всегда ново и полезно для возрастающихъ вновь детей, вздумалось мнъ въ первый еще разъ издапь оную самому, перемъня чужеязычное название ея въ Руское, исправя недостатки, и прибава къ прежнимъ сказочкамъ многія новыя, въ спихахъ и въ прозъ, и все сіе украся картинками, изображающими содержание басенокъ; ибо извъстно уже изъ опытовъ, что картинки возбуждають въ дътяхъ любопытство и приманивають ихь къ разсматриванію и чтенію сочиненій насаждающихъ въ младые умы ихъ съмена добродътелей. Такимъ образомъ издаваемая нынь книга сія, хотя, также какъ и прежняя, состоять будеть въдвухъ частяхъ, однакожъ можетъ почесться за совершенно новую, первое по причинь тщательнаго изданів и присовокупленныхъ къ ней украшеній,

а второе потому, что сін двъ части съ прибавленіемъ новыхъ басенокъ почти вдвое больше двухъ прежнихъ частей. Я почту себя весьма щастливымъ, когда принесу чрезъ то нъкоторую отечеству моему услугу.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

				•			Сигран.
I.	Колыбельная песенка, кош	ору	ю	ПО	em	ъ	
	Анюша, качая свою жуклу	•	•	•	•	•	I
2.	Брашъ и сестра	•	•	•	•		2.
3.	Пъсенка, при спеленаніи ди	шя	ши		•	•	
4.	Двв собаки, Змвика зависти	INB	ая	M	Co	-	
•	колка добросердечная .	•	•	•		•	3.
5 .	Пъсенка къ дождику	•	•		•		5.
6.	Три злашоперыя рыбки	. •		•	•	. •	7.
7•	Прекрасныя плашья		•		•	• '	10.
8.	Пъсенка на купанье				•	• .	14.
9.	Къ Машъ, на ея голубку		•	•			16.
10.	Божія любовь	•					17.
ıı.	Злодвиствующій коть и нев	MH	но	CII	тра	• 4	
	дающая Шавка				•		. 18.
ī 2.	Добросердечная Наташа .					•	20.
13.	Великодушіе осмильшняго ог		ока	ì	•		21.
	Сшрахъ въ пошемкахъ				•		27.
	Ягненокъ				•		33 .
16.	Върная собака		. •		•		-
17.	Бълинькой горносшайко .	•					36.
	Набожныя деши						38.
19.	Ръзвая коза		•	•			40.
20.	Къ маленькой дввушкв .			•			42.
	Благодвшельный Мишюша					•	_
	Дишя разсуждающее здраво				•		42.
	Не скоро да здорово						49.
	Дишя, добрымъ наказаніемъ	ис	пра	ВЛ	ень	юе	_
25.	Namenas assess	•,					56.
	Желаніе чшобъ пришла весн						58.
	Маленькой садовникъ						59.
	Осель и верблюдь						6τ·

		Стран.
29.	Каршошные домики	62.
3 0.	Утренняя молитва	64.
31.	Разговоръ между Наппаппи, маппери ея	
	и сопровождательницы Наташиной .	66.
3 ż.	Аннушка и Петруша	69.
33.	Розовой кусшъ	71.
34.	Какъ нужно бышь послушнымъ	73.
3 5.	Дътскія забавы	74.
36.	Плачевная судьба двухъ мальчиковъ	77-
37.	Насшюща и Николаша	80.
58.	Бабочка	8 r.
39.	Опамятованіе	82.
40.	Петруша, который спать не могь	83.
41.	Размышленіе во время зимней стужи .	84.
42.	Щасшливой мужикъ	85.
43.	Удалися отъ зла и сотвори благо, котя	
	бы то было втайнь	86.
44.	Четыре времени года	93.
45.	Петрушинъ ошвътъ	96
46.	Раскаяніе	98.
47.	Подарокъ теткв въ день ел именинъ .	99.
48.	фіялка и терновой кустъ	IOI.
49.	Ръзвый мальчикъ, зрълище для дъщей.	103.
50.	Дъвушка, любившая тюльпаны	139.
51.	Николашина похвала зимнимъ ушвжамъ	143.
52.	Софьющка и машь ев	145.
53.	Услуги снискивающъ любовь	149.
54.	Шутъ и извощикъ	151.
55.	Весна	155.
56.	Молодой быкъ лгунъ	154.
57.	Федюща, которой кочеть быть Княземъ	•
	Худыя следствія неопрятности	

	Сшран.
59. Можно исправишься, когда швердо то	ro
зажочешь	. 164.
60. Колыбельная півсенка, кошорую поеп	T'b
мать качая маленькую свою дочку	. 168.
61. Надлежить быть довольну всемь тем	ъ,
что уставила природа	. 170.
62. Варинька и Николаща	. 171.
63. Кошка, мышь и мышонокъ	. 173.
64. Дишя и няня	. 174-
85. О шыквв и жолудв	. 178.
66. Именины	. 180.
67. Воздержаніе	. 182.
68. Федюща, которой спать не могъ .	. 187.
69. Щасшливо преодоленное на злое двл	0
покушение	. , 188.
70. Машь и семь дочерей	. 191.
д. О согласіи	. 195.
72. Два мальчика	. 199.
75. Болшушка	. 200.
74. Умирающее дввнатцатилвшнее дишя	202.
75. Преодоленное властолюбіе	. 203.
76. Петрушины вечернія мысли	. 206.
77. Разговоръ у Вариньки съ Митюшею	. 207.
78. Алексаппина молишва	. 211.
79. Примъръ великодушнаго благодъщелься	пва 213.
80. Авшняя по ушру песенка	. 217.
81. Естьяи хочешь, чтобъ игра тебя весе-	•
лила, шакъ играй умъренно и сшарай-	
ся бышь прилъженъ	. 219.
82. Гусь и ушка	. 221.
83. Чистосердечныя діния	. 223.
84. Весенняя пъсенка	

	u pan.
85. Великодушное дишя	227
86. Худо бышь непослушнымъ	228
87. Слова бъднаго Николки, когда онъ услы-	
шаль о бользии богашаго Петруши .	23 r
88. Даметъ и Дориса	232
89. Лисица и Левъ	235
90. Виштингтенъ	236
91. Исшинный брашть	239
92. Разговоръ въ саду	241.
93. Весна	_
94. Нашаша	252.
95. Дъщскіе разговоры, толкующіе е ве-	
щахь умешвованиемь посшигаемыхь, ж	
служащіе пищею разуму. Разговоръ І,	
о шомъ чшо шакое тьло	255.
96. Разговоръ II, о разносити между сло-	
вами теловоко и существо	260.
97. Разговоръ III, о шомъ что шакое расть	
98. Разговоръ IV, о словъ признако	271.
•	278.
100. Разговоръ VI, о сходство и несход-	
стев или о подобіи и разлисіи	283.
ют. Бъдный человъкъ и его сынъ	286.
102. Повъсшь о двукъ върныхъ друзьякъ	289.
103. Машь и дочь	294.
104. Върная служанка	295
105. Сила дъщской любви	298.
поб. Униренняя Николашина півсенка	298.
од. Маленькой ппицеловъ	302.
108. Андрюшина пожвала зимв	306
од. Лукаша и машь его	308.
CO. Kons u casuens	309
AVEAUUS M UADMUND & 4 & 4 & 7 A A F	~~~

	CI	пран.
ил. Аюбовь у брата съ сестрою	•	5 09.
112. Кровопусканіе, зрівлище для дівшей	•	311.
из. Собана съ кускомъ миса	•	525.
114. Трое молодыхъ пущещественняковъ	•	327.
из. Брашъ и сестра	•	528.
и 16. Щастіе благодінельства	•	529.
117. Молодой ссель	•	532.
нів. Федюмино упіреннее размыниленіе и м	~	
лишва • • • • • • •		534.
119. Великодушіе и благодарность	•	337.
120. Оселъ и лошадь	•	342.
121. Молодой пупешественникъ	•	343.
122. Нетерпъливый мужикъ	•	344.
123. Власть надъ самимъ собою		345.
124. У добраго господина и слуги добрые	,	449.
125. Голубь и пчела	•	353.
126. Повъсть о трехъ добрыхъ мужахъ		
Волтемадъ, 2 Бусардъ, 3 безъименной	ť	
127. Науки	•	361.
128. Невинность		363.
129. Богъ	•	364.
130. Нечаянное свидание	•	366
131. Солнце	•	373.
132. Птичка и птицеловъ	÷	376
133. Шерстобой Андрей	•	377
134. Гиввъ	•	381
135. Ушренняя пъсня	•	385
136. Самое пяжелое и самое легкое	•	3გ6
. 137. Езопъ		587
138. Лучшій подарокъ	•	388
159. Лисица и осель	•	38 g
140. Къ увядшей розв	a (

				Спгран.
141. Странная благодарность				
142. Роса на розовомъ листив		•	•	3g1.
143. Двяніе справедливости	 •		•	392.
144. Пъсня юнаго мореплаващ				
шеніи бури				394.
145. Смъщной довъ обезьянъ				
146. Награжденное сострадані				
147. Угрь и змвя				
148. Буря				

COBPAHIE

дътскихъ повъстей.

Колыбельная пѣсенка, которую поеть Анюта, катая свою куклу.

На дворь овечка спишъ, Хорошохонько лежишь, Баю баюшки баю. Не упрямишся она, Но послушна и смирна, Баю баюшки баю. Не сердиша, не лиха, Но сповойна и шиха, Баю бающии баю. Щиплешъ ходючи шраву На зеленомъ на лугу, Баю баюшки баю. Весела почши всегда, И не плачешъ никогда, Баю бающии баю. Ласки въ ней ошмвнной въ знакъ. Гладишъ ту овечку всякъ, Баю баюшки баю. Часть І.

Такъ и шы моя душа, Будь умна и хороша, Баю баюшки баю. Есшьли хочешь, чтобъ любя Всв лелвяли тебя. Баю баюшки баю

БРАТЪ и СЕСТРА.

Cecmpa: Мић моя куколна всево на свъmb дороже.

Брать: Не повришь накъ я свою лошадушку люблю.

Сестра: О шы моя дорогая куколка! Брать: О шы моя золошая лошадушка! Сестра: Тебя мнь машушка подарила. Брать: Тебя мнь башюшка пожаловаль.

Оба: О любезные родишели! мы васъ еще больше любимъ, нежели подарки, кошорыми вы насъ шакъ охошно увеселлеше; мы васъ больше всево любимъ.

пъсенка.

При спеленаніи дитяти:

Хошь машушка шебя, Анюша пеленаешь; Не плачь, она любя Добра шебь желаешь. Пеленка хошь и жмешь, Накъ бышь: она полезна, Покой швой бережешь, Анюшушка любезна. Въ дни зрвлой красошы Уже не пеленою Хранима будешь шы, Но машерней рукою.

Не сътуй, коль она Покажешся сурова; То шакже пелена Для сердца молодова.

двь собаки.

Зметка завистливая и Соколка добросердетная.

у одного господина были двр собани раз-

Соколна, върная и доброхошная собана, сшерегла дворъ: а Змъйна злая и зависшливая, любима будучи имъ, находилась всегда при немъ въ горницъ.

Соволна сердечно радовалась, когда господинъ ея ласиалъ Змъйку; а Змъйка всегда начинала ворчашь, когда бъдной ея шоварищъ осмъливался приползашь къ ногамъ господина своего, чшобъ шакже получишь ошънего маленькую ласку. Когда бывало Змвикв дадушъ кусовъ мяса, то Соколка помахиваетъ хвостомъ, и такъ радуется, какъ бы она сама его получила.

Естьми же напрошивъ шого Соколкв бросятъ косшь, то Зивика подниметь такой лай, какъ будтобы домъ горвять: шогда добросердечная Соколка, чтобъ избъжать ссоры, обыкновенно уступить ей недоглоданную кость и побредеть въ свою канурку.

Господинъ, примътя это, сталъ не любить Змъйку.

Въ одинъ день сидя за столомъ кинулъ онъ имъ объимъ вдругъ, Змъйкъ кусокъ мяса, а Соколев кость.

Лишь шольно увидола зависшливая Змойка, что товарищь ея также ночто получиль, кинула съ серцовъ свое мясо и бросилась на Соколку, чтобъ ошнять у нея кость.

Та, по доброму сердцу своему, уступила ей и хотвла ишти опять въ свою канурку.

Однако господинъ кликнулъ ее назадъ, и давъ ей кусокъ мяса, кошорой Змвика бросила, сказалъ:

"тыв, добрая собака! справедливость требуеть, чтобъ ты этоть кусокъ имъла, потому что у тебя отняли твою кость.,,

Змвика вышаращила глаза.

"И какъ шы, продолжалъ господинъ, добросердечна и уступчива, а ша завистлива и нахальна; то будь напредки у меня всегда въ горницъ, а она вмъсто тебя пускай стережетъ дворъ.

,,Возмите, привяжите ее на цвпь.,,

Сказано, сделано. Зметку привязали на цень, а Соколна остолась въ доме.

Тогда-то можно было прямо видъть какое великое различіе между добрымъ сердцемъ и злымъ.

Какъ скоро доброхошная Соколка получала себь лакомой кусочикь, що никогда одна не събдала его, а ошносила всегда часшь въкануру къ Змрикъ, и махая хвосшомъ давала ей знашь, чтобъ она вла.

Также часто ночью добровольно приходила она нъ ней въ канурку, чтобъ сдълать ей товарищество, и нъсколько ее на морозъ посогръть.

Но злая и зависшливая Змейна, вместо благодарности за такія дружескія услуги, всегда на нее ворчала и огрызалась.

Чтожъ напослъдокъ сдълалось?—Зависть и досада на Соколкино щастіе такъ ее измучили, что она скоро издохла.

пъсенка къ дождику.

Васл.

Кань на землю, дождинъ, кань! Хлъбъ на нивахъ пропадаешъ, Вянушъ, вянушъ всв цввшы.

Мишюша.

Кань на землю, дождивъ, кань! Древеса стоять уныло, Сохнетъ, сохнетъ зелень вся.

Вася.

Въ полъ скопъ ослабъвая Томно на небо глядипъ.

Мишюша.

Червь на травит истатвая Безъ движенія лежить.

06a

Ахъ! не дай цвbшкамъ увянущь, Червячку въ шравъ исшльшь, И деревьямъ всьмъ засохнушь. Кань на землю дождикъ, кань!

Продолжение:

Вася.

Вошъ и дождикъ, вошъ и онъ! Пьюшъ цвъточки увядавши, Пьюшъ сухія съмена!

Митюша.

Дождикъ льешся, посмотри! Пыль съ листочковъ омываеть, Оживляются древа. Baca

Скотъ от зноя утомленный Къ нему радостно рычитъ.

Мишюша.

Червь на шравив изнемогшій Насыщается и пьеть!

0 6 a

Ты сего создавшій червя, Всяку шравку, весь сей скошь, Всь древа и всь цвешочки, Будь благословень Трорець!

Три златоперыя рыбки.

Нъто доброй человъть имъль у себя три маленькія рыбки, пригожія собою, и чешуйка на нихъ была будто золотая.

Онъ пустиль ихъ въ чистой прудокъ, и будучи до нихъ добръ, любовался смотря на ихъ свободу.

Часто садился онъ на берегу сего прудка, и бросалъ имъ жлъбной мянишъ въ воду: тогда сіи пренрасныя рыбки приплывали и ъли этотъ мянишъ.

Въ это время онъ имъ всегда говаривалъ: ,,Рыбки, рыбки! берегитесь двухъ вещей, естьли хотите жить всегда такъ щастливо, вакъ вы писперь живете.

"Не ходише сквозь рішешку изъ эшова маленькаго въ большой смежной съ нимъ прудъ, и не плаваише поверхъ воды, когда меня здісь нішь.,,

Но рыбки словь его не разумбли. Тогда этоть доброй человькь самь вь себь подумаль: ужь я имь это какь нибудь растолкую, и сталь подль рьтетки.

Какъ скоро кошорая нибудь изъ нихъ приходила шуда и хошвла проплышь сквозъ рвшешку, що онъ хлопаль по водв палочкою, чшобъ она испугалась и ушла назадъ.

Тоже самое двлаль онь, когда кошорая нибудь изъ нихъ всплывала поверхъ воды, чтобъ она опять ушла на дно.

Теперь чаю онb меня поняли, думаль онь, и пошель домой.

Тогда сін при пригоженьнія рыбки сплылися вибств и начають головками, и не могуть понять, для чего этоть доброй человъкь не хочеть, чтобь онб сквозь ръшетку въ большой прудъ и поверхъ воды плавали.

"Самъ онъ ходишъ по верху, сказала изъ нихъ одна, для чегожъ намъ не всплывашь иногда къ верху?

"И для чего быть здёсь въ заперти? сказала другая; что намъ сдёлается, естьли мы на часокъ въ большой прудъ погулять выдемъ? Конечно это злой челововь, повторила первая; онъ насъ не любить, и не хочеть, чтобъ мы жили весело.

"Я на него не посмощрю, примолвила вторая, и пойду себр погуляю въ большомъ пруду.

"А я, свазала опять первая, всплыву между швиъ на верхъ и шамъ на солнышкв поиграю..,

"Но шрешья злашоперая рыбка была благоразумнте ихъ и шакъ размышляла.

"Доброй этот челов въ конечно им ветъ накія нибудь причины намъ то запрещать.

"По всему видно, что онъ насъ любитъ.

"За чъмъ бы ему приносить къ намъ такъ часто хлъбной мякить, и утъщаться смотря какъ мы его ъдимъ?

"Ньть, онъ конечно не злой человых, и я все то буду дълать, что ему угодно, не взирая на мое незнаніе, для чего онъ этова хочеть...

Танимъ образомъ добриньная эша рыбна осшалась на днв пруда, а другія пошли и исполнили чшо сназали.

Одна переплыла сивозь ръшешку въ большой прудъ, а другая всплывъ поверхъ воды играла на солнышкъ, и объ онъ смъялись надъ шрешьею сестрою своей, что она къ нимъ пристать не хотъла.

Но что сдрлалось?

Лишь шолько первая рыбка вышла въ большой прудъ, шо бросилась на нее щука и ее проглошила.

Адругую увидъла чайка, пустилась внизъ, схватила ее въ когши, и понесла илевать.

Осшалась шолько шрешья благоразумная рыбка.

Добродушной хозяинъ радовался нашедъ ее шакъ послушною, и приносилъ ей каждое ушро самой лучшій кормъ.

Такимъ образомъ жила она всегда въ удовольсшвін и досшигла до глубокой сшаросши.

ПРЕКРАСНЫЯ ПЛАТЬЯ.

Маленькая Аннушка досель носила полошняное плашьице и коженыя башмачки, а волосы у нея сами собою были кудрявы.

Однажды была она вмосто съ другими дотьми, которыя какъ большія госпожи наряжены были, и это ей очень понравилось.

Башюшка сударь, сказала она возвращясь домой, подарише мнр шолковое плашьице и шишыя башмачки, шакъ какъ я у другихъ дршей видрла, и прикажище мнр шакже причесащь волосы.

Пожалуй изволь, сказаль ей отець, ежели ото тебь нравится, только, я думаю, ты этимь скоро наскучить. "Для чего, башюшка сударь? спросила Аннушка.

Для мого, свазаль ошець, чшо шы всегда должна будешь опасашься, чшобь не изодрашь и не замарашь швобго прекраснаго члашья.

А оно въшь много денеть будешь сшовшь, и не льзя его вымышь, ежели однажды замараешся •

"О я уже буду беречься!

Очень хорошо, инъ пускай шакъ, сказалъ ошецъ: и велћаъ ей все сдћашь, чшо принадлежишъ къ наряду.

Канъ малюшна ошъ радости прыгала, когда всъ сіи разноцвъшныя вещи на нее надъли!

Посят объда назначено было ишши гулять и Аннушка въ томъ чисят.

Пришли на одинъ лугъ, гдъ было премножество цвътовъ, вкругъ которыхъ пестрые бабочки летали.

Мальчини и довочни побржали все шуда рвашь цвешни и ловишь бабочень.

Аннушив хотвлось также съ ними побъгать, однакожь ей показали, что трава была нвсколько мокра, и что она свое платье замочить, ежели туда побвжить.

Итакъ должно ей было остаться одной и дожидаться, покуда другіе нарвавъ довольное число цвотковъ возвратились назадъ.

Потомъ надобно имъ было ишпи черезъ маленькіе кустики.

Аннушка, идучи всегда осторожно, чтобъ не заціпиться за терновникъ и не изодрать своего прекраснаго платья, принуждена была оставаться нібсколько позади, между тібмъ какъ прочіе діти бітали и прыгали по кустамъ.

Вдругъ услышали превеликой крикъ.

Прибъжали назадъ и нашли, что Аннушка высокимъ своимъ головнымъ уборомъ зацъпилась за низинькой сучокъ и не могла никакъ освободиться.

Помогли ей въ шомъ; но какъ она волосами очень запушалась, шо въ распушываніи не прошло безъ боли, и уборъ ея весь былъ смяшъ.

Недалеко отошли еще, какъ стала она жаловаться, что шнуровка ее весьма жметъ.

Она бы желала возвращиться домой, чтобъ разшнуроваться; но несправедливо было хотъть, чтобъ всъ дъти оставили для нея свои забавы.

Ишакъ не могши далве ишши, она принуждена была осшашься на одномъ мвсшв и дожидашься, покуда всв двши возврашяшся назадъ.

Тушъ-то ей было скучно! и она часто думала: ахъ! батюшка мой говорилъ мир правду.

Спуста носколько времени прибожали вст назадъ и причали ей: поскорой, поскорой, Аннушка! дождь будеть, большая туча поднимается.

Танимъ образомъ бъднящка, не смотря на то, что шнуровки и узкіе башмаки великую боль ей дълали, принуждена была бъжать изъ всей мочи.

Но при всемъ ея стараніи не могла поспрть за другими, которыя легко были одрты.

Всякую минушу зацвилялась она шо плашьемъ, шо рукавами, шо расшрепаннымъ своимъ головнымъ уборомъ.

Между твмъ нашла шуча и полился сильный дождь въ самое шо время, накъ другія двши прибъжали уже домой.

Аннушну замочило всю; она пошеряла одинъ башманъ въ грязи, и насилу могла дошащишъся до дому.

Надобно ей было переодъщься, и она у видъла, что наряды ея нинуды болъе не годятся.

Сделать и тебе завтра другое шолковое платьице? спросиль у нея отець, видя, что она неутешно планала.

Hbmъ, нbmъ, башющия сударь! ошвbча-

Я вижу шеперь, что дрши худо дрлають, когда думають быть умире отца ж машери: позвольше мир носишь мое прежнее плашьице и просшише мир мою глупосшь.

пъсенка на купанье.

Ребяша, намъ въ полъ Ошъ солнца сторъшь, Дня жарка мнъ боль Нъшъ мочи шерпъшь. Мы можемъ собращься Въ другой разъ сюда. Купашься, купашься, Теперь череда.

Вонъ мяглой травою Покрышть бережокъ, И тамъ надъ водою Я вижу кустокъ; Туда раздъваться Скоръе пойдемъ, Плескаться Водою начнемъ.

Кто даль не смветь, У краишка стой; А кто не робветь, Ступай тоть за мной. Не бойтесь идите, Здвсь омутовь нвть: Смотрите, смотрите, Канъ Миша плыветь. По самыя груди Иду въ глубину. Эй! добрые люди Прощайте: нырну! Каное приволье Купаться въ ръвъ! Раздолье, раздолье, Въ каномъ холодиъ!

Смотрите, Петруша
Плыветь на спинь;
А тамь войь Андрюша
Верхомь на бревнь.
Эй брать! не свалися
Съ коня своего:
Держися, держися,
Прилять на него.

Взгляните, кружками
Здрсь въ кучко стоять,
И воду руками
Полощуть, мутять:
Какіе же визги
У нихъ и содомъ!
А брызги, а брызги
Летають кругомъ!
Ахъ! вонъ тамъ дво утки
Близъ кустика ждутъ,

За ними малюший
Ихъ дъши плывущъ:
Равняется съ врошкой,
А быстро глядищъ;
За мошкой, за мошкой,
Смотри какъ бъжищъ.

А шамъ, гдо песочивъ, Овечки лежашъ, Сосшавя воночивъ Вкругъ малыхъ ягняшъ. И зворю и пшицо, По жаркимъ шоль днямъ, Въ водицо, въ водицо, Пріяшно, какъ намъ.

Ну полно купаться, Я бъль и легонь. Пора одъваться, Пора на лужонь. На милой муравив Хочу полежать; По травив, по травив Хочу пробъжать.

къ машъ на ен голубку.

Видишь, Маша, какъ голубка Любишъ дътушекъ своихъ:

Для спасенія ихъ жизни Не щадишь себя самой; Пищей ихъ своей пишаеть, Отдаетъ изъ зоба имъ Машь горящая любовью Не похожаль на нее, Какъ младенца умиленно Держить на своихъ рукахъ, И при малой самой боли Сострадаеть купно съ нимъ? День и вечеръ весь въ заботь. Часто по ночамъ не спить, И лишаешся покою, Чтобъ дипять дать покой. Такъ-то за тобою, Маша, Ходишь машушка швоя: Ты любя ее сердечно Богу благодарна будь.

вожія лювовь.

A m m s.

Ошъ чего это, батюшка, что вы меня такъ любите?

Ошецъ.

Богъ въ сердце мое вложилъ въ шебъ любовь.

Auma.

По этому Богь такъ милосердь, что Часть I.

онъ меня столько же какъ вы, или еще и больше любить.

Злодвиствующій коть и невинно страдающая Шавка

Злой кошъ, по имени Ургало, находилъ гнусное удовольствие въ шомъ, чтобъ досаждать всегда простосердечной Шавкъ.

Какъ скоро принесушъ кущанье, шо вспрыгнешъ онъ на сшолъ, ушащишъ все, что ему попадешся въ лапы, и уронивъ нарочно кусокъ подлъ Шавки, выскочишъ въ окошко.

Служишели вошедъ и увидя лежащей подль Шавки кусовъ кушанья, счишали ее всегда за вора и безъ всякой вины бъдную съвли.

Иногда *Ургало*, бывши съ нею одинъ въ горниць, столинетъ рюмку, или чашку, или другой какой ломкой сосудъ, и самъ убъжить по обыкновенному.

Тогда Шавку снова съкупъ, счипая ее въ помъ виновницею.

Она съ терпвніемъ сносила побои, пбмышляя сама въ себв: когда нибудь невинность моя откроется.

Однажды лежала она въ сараб близљ куряшника. Не подалену оттуда поставлена была пасть на лисицу, задушившую двухъ курицъ на канунт того дня.

Къ пасши привязана была мершвая курица для приману лисицы.

Ургало, помышляя всегда о новыхъ плутовствахъ, увидоль эту курицу и вздумалъ подвести Шавку опять подъ побои.

"Я унесу эту курицу, думаль онь, и подброшу ее къ глупой Шавкв, чтобъ ей за это вздули спину.,

Танимъ образомъ крался онъ шихо для исполнения своего намърения.

Но лишь допронулся воровскими своими лапами до курицы, какъ крышка упавъ переломила ему кресшецъ.

На вривъ прибъжали въ нему люди; но уже нашли его мершвымъ.

Изъ сего всякъ легко догадаться могь, что и прежнія всё шалости от этова кота происходили, и что бёдная Шавка невинно за него терпёла.

И накъ послъ въ самомъ дълъ нашлось, что по смерти его ничего уже подобнаго не случалось, то и наградили Шавку за всъ претерпънныя ею неправедно муки.

добросердечная наташа.

Наташа сиприал не кочешъ Съ Пешрушей начинать игру, И какъ о шомъ онъ ни хлопочешъ, Не можеть преклонить сестру: Въ великую его досаду Приводишь щаковой ошказь, И хочешся ему хошь разъ Съ ней вивств пробъжать по саду; Но зря ее упорну въ шомъ, Угрозы въ прозьбажь пріобщаеть, Дубинку шолсшую хвашаешь, На коей вздиль онь верьхомь; И въ большему Нашашь спраку Ударишь брдную съ размаху Грозимъ по головъ - - - - И ахъ! Что только въ тутку затрваеть, То, будучи въ шанихъ сердцахъ, На самомъ дълъ исполняешъ! Свершился жалостный ударь: Нашашинъ крикъ въ саду раздался: Петруша смершно испугался, Просшыль шошчась вь немь прежній жарь, И вивсто гиванаго движеныя, Явились слезы сожальныя. Упаль онь нь сестринымь ногамь, Словами нъжными ласкаешъ, Цвлуешъ шу, и плача самъ, Ее онъ плакашь унимаешь:

,,Сестрица, душинька, прости!
,,Виновень я передь шобою;
,,Возьми дубинку и отмети,
,,Ударь меня два раза шою.,,
Въ слезахъ Нашаша вопіеть:
,,Ахъ нъть, голубчикъ брашець, нъть!
,,Раскаянья швово довольно.
,,Тому не льзя ужъ пособить,
,,А въдая, какъ юто больно,
,,Я не могу шебя такъ бить!

великодушие осмильтняго отрока.

Въдной рабошникъ Данила имълъ у себя шестерыхъ дъшей, и трудно было ему доставать для нихъ пищу.

Къ нещастію время настало худое и жльбъ сдылался вдвое дороже прежняго.

Данила день и ночь препровождаль въ шрудахъ, однако не могъ столько получать денегъ, сколько потребно ему было для прокормленія сухимъ хлібомъ голодныхъ дітей.

Онъ созвалъ малюшовъ своихъ и со слезами говорилъ имъ:

"Дътушки, хлъбъ такъ вздорожалъ, что со всею моею прилъжностью не могу я вырабатывать столько, сколько вамъ надобно для насыщенія вашего. ,,Посмотрите, воть за накой хлобець должень я отдавать все деньги, ноторыя въ целой день выработаю.

,, Не подасадуйте, естьли я впередъ по немногу вамъ удблять стану.

"Этова конечно будеть мало, и вы не можете быть сыты, но покрайней мъръ никто изъ васъ не умреть съ голоду.,

Бъдной ошецъ не могъ болье говоришь, смотръль на небо и проливаль горькія слезы.

Дѣши его вивств съ нимъ планали, и наждой изъ нихъ мыслилъ: о боже нашь! помоги намъ бѣднымъ ребятишнамъ, помоги бѣдному нашему отцу и не дай намъ умереть съ голоду.

Потомъ отецъ, раздрля малый хлрбецъ на шесть равныхъ частей, далъ каждому изъ дршей своихъ по частицъ.

Одинъ изъ нихъ по имени Мишюша, не хошръъ своего кусочна взяшь, говоря:

"Я не могу всшь, башюшка; я нездоровъ. Скушайше вы мою долю, или раздвлише ее брашцамъ.,,

Въдное дишя! говорилъ ошецъ, обнимая его, да что тебъ сдълалось?

Не знаю, сказалъ Мишюша, шолько я очень боленъ; я пойду лягу на свою солому.

Пошель и легь.

Опецъ тужа о немъ побъжаль на другое

утро въ лъкарю и просилъ, чтобъ онъ сжаляся помогъ больному его сыну.

Лъкарь этотъ быль доброй человъкъ, тотчасъ прозбу его исполнилъ, хотя и зналъ, что ничего за труды свои не получитъ.

Онъ пришелъ въ больному ошрову, пощупалъ у него пульсъ; но не могъ ни мало дознашься о его болъвни.

Однакожъ кошћъъ ему нѣчто прописать: ,,Не дѣлайше, сударь, отова, сназалъ Митюша; я ничего не приму.

Не примешь? а для чего? спросиль локарь.

Мишюща.

Не спрашивайше у меня, я вамъ не могу этпова сназать.

Лакарь.

Не можешь сказать? А! Митюта, Митюша! мнъ кажется ты не доброй малой.

Мишюша.

Я право, сударь, не для худова чево это двлаю.

Лвкарь.

Хорошо, я не буду шебя принуждашь; да шольно скажу это щвоему ощцу.

Миниюща.

Ахъ! ради бога, сударь, прошу васъ, не давайте знать объ этомъ батюшкв.

Авкары.

Ты чудной малой! но мив надобно непремвино уввдомить швоего ощца, ежели шы самъ не скажешь мив, для чего не хочешь принять лварства.

Мишюша.

Ахъ Боже мой! такъ нельзя мит объ этомъ умолчать. Покрайней мърт прикажите братцамъ моимъ и сестрицамъ вышти отселт вонъ.

Лъкарь вельдъ дъшямъ вышши, и шогда Мишюща говорилъ ему:

"Видише, сударь, въ это сдорожалое вре-"мя бъдной мой отецъ не можетъ выраба-"шывать въ сутки болье одного клъбца.

"Онъ всегда его раздъляещъ намъ; мы по-"лучаемъ по маленькому кусочку, а самому "себъ онъ и совсъмъ ничего не оставляетъ.

"Мив шакъбыло жаль видвшь бвднаго ба-"тюшку, бращцевъ и сестрицъ, претерпв-"вающихъ голодъ, что я хотвлъ лучше самъ "ничего не всть, дабы они могли кусочикъ "мой раздвлять между собою.

,, вошь для чего пришворился я больнымъ, и сказаль, что ничего всть не могу.

"Но ради бога не сказывайте объ этомъ "батюшкв.,

Лъкарь ошерши слезы свои сказаль: ,,Да развъ шебъ всть не кочешся,мойдругь?

Мишюша.

Ахъ, какъ не хочешся; я очень голоденъ, да лучше я хочу бышь самъ безъ пищи, нежели видъшь башюшку и брашцевъ голодными.

Abkapa

Но шы умрешь, ежели ничего кушать не станешь.

Mumoma.

Знаю, сударь: да я и желаю умерешь: у башюшки однимъ сыномъ будешь насъ меньше, шакъ и забошы у него убавишся, а я у Бога просишь сшану, чшобъ онъ ему и брашцамъ моимъ ниспослалъ хлъбъ насущный.

Добросердечной лькарь быль вив себя ошь сожальнія и радосши, слыша сего веливодушнаго ошрока.

Онъ обняль его и прижавъ връцко жъ своей груди сказаль:

"Ньть мой другь, шебь умерешь не дол-,,жно; всеобщій нашь ошець, всемогущій ,,будеть пещися о шебь и о швоихъ.

"Благодари его, пославшаго меня къ вамъ: "я скоро возвращусъ.

Сказавъ сіе побъжаль домой, отвуда вельль человьку нести за собою различной пищи, и поспьшаль итии обратно въ голодной сей семьв. Посадилъ ихъ всбхъ съ Мишюшею за сшолъ и накормилъ до сыша.

Коль прівшно было благод в шельному лъкарю на сіє смошрвшь!

Ошходя ошъ нихъ сказаль онъ Мишюшь, чшобъ онъ не печалился; чшо онъ будешь о нихъ имъшь попечение.

Въ самомъ двав добродушной авкарь это сдвааль: онъ присылаль къ нимъ каждой день столько пищи, что всв они могли бышь довольны.

Другіе добрые люди услышавъ о шомъ шоже дълали.

Иной посылаль къ нимъ пищу, другой деньги, шрешій плашья, шакъ чшо въ корошкое время они больше имбли, нежели имъ было надобно.

Напоследовъ самъ Государъ проведалъ, какое великодушное намерение Мишюща имелъ прошивъ отца своего и бращъевъ, и былъ темъ весъма доволенъ.

Онъ велълъ сшарика Данилу къ себъ позвашь и сказалъ ему:

"Ты имбешь у себя добраго сына.

,,Пошому думаю я, что ты и самъ доб-

"И для шого вельть я шебь ежегодно "давать по сту рублей.

,,доти швои, особливо Мишюша, будушъ

,,ствахъ насшавлены; и когда они что либо ,,доброе выучать, то объщаюсь я имъть о ,,нихъ попеченіе.,,

Данила восхищенный радосшію пошель домой, паль на кольни и благодариль Бога, давшаго ему шоль добронравнаго сына.

СТРАХЪ ВЪ ПОТЕМКАХЪ.

Вонъ облави идушъ!—Кашюшинька! Кашюша! Куда шы дълася?—вричалъ бъднякъ Павлуша, И робко вкругъ себя, луною освъщонъ, Одинъ въ гусшомъ саду оглядывался онъ.

Малюшка ихъ сестрица,
Пребойкая изъ всъхъ ихъ пшица,
Умъла обольстить его:
"Не бойся, братецъ, ничего,

Пойдемъ въ садъ къдядюшив. (Они шанъ называли Сосвда своего, имъ дальнюю родню)

Мы тамь бы поиграли:

Смотри-какая ночь! не уступаеть дню: На чистомь небр ньть ниже мальйщихь пя-

шенъ;

Вода какъ зеркало, и воздухъ шакъ пріяшенъ! Побъгали бы мы, повеселились шамъ:

Что дома двлать намъ? Гдв взять игрушевъ бвднякамъ? А дядюшка богать ужасно; Въ саду его преврасно; Спасибо, что гулять не запрещають въ немъ. Пойдемъ, Павлушинька, пожалуйста пойдемъ!,, Такою ласкою къ нему впилася въ душу,

> Взманила робнаго Павлушу; Пошель гулять онъ съ ней. Катюша непужлива, Смъла, ръзва, шутлива; Послъдуя веселости своей,

Надъ брашомъ пошушишь вдругь вздумалося ей:

Межъ шьмъ, какъ онъ на свышь луны позазвался,

Она шихонько сковъ,
Ушла и спрящалась въ кусшовъ.
Павлуша мой одинъ осшался,
Кольнулъ его сердчишко сшрахъ:
Вср вещи у него въ глазахъ
Съ большими кажушся носами;
Къ шомужълуна покрылась облаками,
И у! какъ сшало вдругъ шемно!
Не льзя не испугашься:
Повсюду шишъ, вездр черно,
Садъ гусшъ, лисшочки шевеляшся.
Павлушу ужасъ взялъ, Павлуша мой,
Не знаешъ какъ уйши домой;
прошянувъ онъ слушаешъ, робрешъ.

То ухо прошянувъ онъ слушаеть, роббеть, То вдругъ сестрв кричить;

Но ша въ кусту сидить, молчить; То хочеть побъжать—но шамо кусть чернветь, На самомъ шомъ пуши, Куда ему ишши.

Межь швы изъ облаковь луна проглянешь паки,

Проглянеть и опять за нихъ уйдеть:
Туть въ страхв новые являются призраки,
То флюгерь на бесвдив тамъ скрыпнеть,
То мыть летучая въ глаза пырнеть,
То вдругь покажется чего и нвть.

Павлуша мой шрясешся, воешь, Въ немъ сердце ноешъ. Кашюща сжалясь наконецъ,

Выходишь изъ куста, хахочеть изъ всей мочи, И брату говорить! хорошь ты молодець! А тоть отвътствуеть: ты очень хороша! Оставила меня средь этой темной ночи; Тебъ смътно, а у меня дрожить душа.

Ахъ, брашецъ, шы какой! кто этакъ трусить?

Съ дубинкой споя ты Пустой пугаещься мечты, Неужъ-то трнь тебя укусить?

,,Ахъ, Кашинька, голубушка моя!

Вонъ шамъ-ну право я--

Не знаю что-то вонъ большое! Сестрица, душиньна, ей ей,

Тамъ что-то шевелится,

Вонъ и рога торчать, и съзади хвость та-

Уйдемъ ощесь скорви,, --

И! брашець, это вусть малины, И тівь качающихся липь густыхь; Пойдемь, я поважу тебь причины Твоихь боязней встхъ пустыхъ. Туда, насильно взявъ его волочить, Сама хахочить.

И говоришь ему: ну видишь ли шеперь, Что швой съ рогами авбрь,

Кошораго шы шакъ пугался и страшился,
Не ввъръ, не домовой, не лъшаго лицо,
Одно просшое деревцо?
Павлуша устыдился,
И долженъ былъ ей слово дать,

Въ пошемкахъ не бояшься,

Но бъгашь съ ней, смъяшься, Ръзвишься и играшь.

Условились, уговорились,
И только лишь бъжать пустились,
Какъ нѣчто тамъ въ прудѣ,
Вдругъ хряснуло, упало,
Заохало, забормотало,
И плещется въ водѣ:

Съ деревъ ошшоль стадами
Вороны поднялись, лешять, шумять прилами.

Прошель Павлушинь смbхь; Кщо хочешь, шошь имbй ошвагу;

Ему не до утвхъ, А какъ бы дать скорве тягу. Но Катя говорить ему: куда? Чу! слышить? ивчто стонеть, Тамъ человъть конечно шонешь, Пойдемъ, пойдемъ шуда.

"Сесшрица, душиньна, ньшь право, я не смью: Ну есшь ли эшо волкь, или еще медвьдь? Ошь сшраха одного мы можемь умерешь.,,— Какой шы шрусь! дай палку мнь свою, я съ

Пойду одна.

Берещъ, и какъ стрва летить она, Летить и робости не знаеть: Самъ Богъ ее сопровождаеть И сввтить ей луна.

Не долго безъ нее Павлуша колебался, Сжалъ сердце и домой, какъ заяцъ, убирался: Она пришла къ пруду: глаза ея шамъ зряшъ,

Что чьи-то ноги лишь торчать, А голова соврыта подъ водою. Какими средствами спасать? У краишка пруда находить місто стать,

> Хватается за кустъ рукою, Црпляетъ за сапогъ клюкою, И надердаяся влечетъ, Ручьями потъ съ нее течетъ,

Трудишся, силишся, въ послъдовъ успъваеть, И на берегъ его щасшливо извлекаетъ. То быль Николушка, единородный сынъ Ихъ дяди богача, пригожій какъ павлинъ.

> Кашюща взявь его качаеть, Цалуеть, тормашить, зоветь; Онь вскорь чувства получаеть,

Глаза всирываемъ, возстаемъ. Веселой, радостной ногою, Соединенно тутъ,

Рука съ рукою,

Къ ощцу они идушъ.

Съ восторгомъ сей, обнявъ Кашюту, Готовъ свою отдать ей дуту:

Тобою, говоришь, я вижу свыть, Смершельну безь шебя я чувсшвовальбы мужу: Проси чшо хочешь шы, шебь ошказу ныть. Кашюща покрасные цалуеть дядю въ руку.

Три раза онъ велишъ Ей смъло объявишъ, чего она желаешъ; Три раза Кашинъка глазенки пошупляешъ,

И наионецъ едва губами шевелипъ: "Мой брашецъ ужъ великъ день ошъ дня становится,

Пора ему учиться. — — Изрядно, мы ему учителя наймемъ; (А тотъ дрожа, какъ листъ отъ грома,

Сидълъ на печят съ носомъ дома);
Но шы забошишься о брашт лищь своемъ,
А дочери моей себт не прочишь мтсша.
Тебя, какъ дочь свою, велю я воспишашь;
Когда же выросшешь и будешь шы невтосша,
Тогда пошщусь шебт приданое я дашь.—
Нъшъ, башюшка сударь! шушъ вскрикнулъ
Николаца.

Когда мы доживемь до эшихь дней, Кашюша будеть наша: Я самь женюсь на ней.

ЯГНЕНОКЪ.

Ягненовъ былъ рвзовъ,
Ягненка машь журила
И говорила:
Не будь, мой сынъ, шаковъ;
Когда ни есшь во время грозно
Бвды шебв не миновашь;
Тогда шы вспомнищь машь,
Да вспомнишь позно.
Ягненовъ былъ упрямъ,
Не ввря симъ словамъ,

И шамъ и сямъ,
По намнямъ, по нусшамъ,
Онъ прыгалъ и скакалъ дошолъ,
Покуда съ горемъ и сшыдомъ,
Бъдняжка сшавши хромъ
Усълся поневолъ.

О дъши! помнише, что скорби и бъды Суть часто лишняго веселія плоды.

върная собака.

Послушайте дети, даже и звери благодарны бывають своимь благодетелямь, то кольми цаче намь таковыми быть надлежить.

Часть I.

Они любящъ своихъ господъ и бывающъ имъ преданы и върны, шокмо одинъ родъ болъе другаго.

Изъ оныхъ собаки паче всъхъ себя ошмъняюшъ: сіе изъ слъдующей печальной повъсши увидише:

Новоторому купцу надлежало събздить въ одно мостечко, для полученія тамъ немалаго числа денегь, которыми должень ему быль одинь тамошней купець.

Онъ побхалъ верьхомъ и върная собака (она прозывалась Стрълка) по обыкновенію за нимъ бъжала.

Получа деньги возвращался онъ съ велинимъ удовольствиемъ домой.

Въ пуши ошвизалась у него киса, въ кошорой былъ мъшокъ съ деньгами, и упала на земь.

Купецъ будучи въ глубокихъ мысляхъ того не примъщилъ, но увидъла это его собана.

Она попышала сперва, не поднимешь ли зубами нисы, чтобъ нести ее за своимъ господиномъ; однако нашла, что она для нея тяжела.

Для шого погналась она опящь за нимъ; и сшала бросашься на лошадь, шакъ громко и неошсшупно лая, что купецъ не зналъ чему то приписать. Онъ закричалъ на нее, но безполезно; онъ ударилъ ее плъшъю, но и шъмъ не унялъ.

Купецъ испугался и подумаль, что она въбъсилась: онъ любилъ Стрълку, и жаль было дойти до необходимости ее застрълить.

Долго старался онъ подилинать ее къ себъ и усмирить, но видя, что ни мало въ томъ не успъваеть, схватилъ напослъдокъ пистолеть и отворотясь отъ нея по ней выстрълилъ.

Бъдная собака упала сперва, пошомъ очнувшись съ великимъ сшрахомъ и визгомъ поползла къ нему.

Сей не могши опть жалости на нее смо-

Ошскававъ ибсколько не могъ онъ сшерпъшь, чшобъ не оглянущься и не посмошръшь на бъдную собаку, живали она еще. И какъ обернулся назадъ, шо и примъшилъ шошчасъ, чшо не досшаешъ у него его кисы.

Тушъ уже не шрудно было ему догадашься для чего Стрвлиа лаяла на него шакъ неопиступно. Жестокосердой я! вскричаль онъ, и оборотя лошадь свою поскакаль назадъ, болье для бъдной застръленной имъ собаки, нежели для потерянныхъ денегь.

Онъ уже не нашель ее на шомъ мъсшъ, на пошоромъ застрълилъ; но по кровавому слъду ея увидълъ, что она уполвла далъе: съ великимъ сожалъніемъ вхалъ онъ по сему слъду, и наконецъ къ неописанной печали своей нашелъ върную Стрълку лажащую при той кисъ, которую онъ пошерялъ, и до которой она съ истощеніемъ послъднихъ силъ своихъ едва доползти могла.

Онъ скочилъ шошчасъ съ лошади долой, съ шъмъ намъреніемъ, чшо не можешъли ей еще помочь.

Но ахъ! . . умирающая собака, въ знакъ любви своей къ нему, шолько смогла полизашь у него руку и издохла.

БЪЛИНЬКОЙ ГОРНОСТАЙКО.

Изъ стада многихъ горностаевъ, Одинъ былъ бълинькой такой, Такой пригожей горностайко, Что всъхъ превосходилъ другихъ. Собою очень онъ маленекъ, Притомъ и нъженъ былъ весъма; А кожица на немъ такая, Какъ мягкой бархатецъ была. Однажды мать ему сказала: Послушай дитятко мое,

Еще ши молодъ, неискусенъ, Не знаешь въ светь никово; Въ немъ швари сошь весьма лихін, Тебъ беречься должно ихъ. Намъ кошка первая злодьйка, Злодвика шакже намъ Сова; Онъ всегда насъ надзирають; Смощри, не попадиси имъ! Но этоть былой горностайно, Щишая умненькимъ себя, Пожалуйте не опасайтесь, Съ усмъшкой машери сказаль, Я бъгать право ужъ умъю! Изрядно, дорогой сынокъ. Но чтоже вскорт съ нимъ случилось? Пошель онь накь то ввечеру Безъ матушки своей покушать, И прыгаль и різвился шамь. А какъ опшоль возвращался, Ошкуда ни взялась Сова, И горностайку цапъ когшями, Схвашила, сжала, помесла. Какое сдълаль я безумство, Пищаль бъдняжичка въ когшяхъ, Когда бы машушки послушаль, Не умираль бы я теперь! Но скольно онь ни плакаль горьно, Не могь слезами пособить; Сова безъ жалости клевала И събла маконецъ ево.

набожныя дети.

Аннушна и Андрюша любили горячо своихъ родишелей, и ошъ нихъ шанже горячо были любимы.

Съ нъкошораго времени повадились оба они, какъ скоро позавшракають, бъгашь въ садъ, и не прежде, какъ по пробытіи шамъ нъсколькихъ минутъ, возвращались назадъ для начинанія своихъ упражненій.

Ошецъ и машь ихъ не мало шому удивлялись.

Прежъ сего обое дъши весьма были прилъжны, и часто въ половинъ завтрана уходили, чтобъ тъмъ скоръе поспъть въ трудамъ и ученію.

А шеперь, кажешся, будшо не имбюшь они большой охошы ни за двломь сидвшь, ни учишься, пошому чшо всегда напередъ въ садъ бъгаюшъ.

Сіе добрыхъ родишелей ихъ весьма печалило: ибо, говорили они, ежели дѣти наши полюбятъ праздность, то изъ нихъ ничего добраго не выдетъ.

Отецъ иногда спрашивалъ ихъ: зачвиъ вы, двти, такъ рано всегда уходите? это бы можно было и тогда сдвлать, когда перестанете учиться.

Однакожъ дъщи молчали и ничего не сказывали, что они въ саду дълають. Напоследовъ машь вознамерилась ишши за ними въ следъ, чшобъ узнашь, за чемъ они шуда бегаюшь.

На другое ушро увидъла она, что Аннушна и Андрюша побъжали въ густую бесъдку, которая на концъ сада стояла.

Она пошла за ними.

И какъ она подошедъ шихо къ бесъдкъ стала къ сторонъ, откуда сквозь зеленую чащу могла нъсколько видъть во внутренность оной, Боже мой! что почувствовало тогда матернее сердце ея, когда она дътей своихъ съ воздътыми къ небу руками стоящихъ кольнопреклонно на землъ увидъли!

Она от радости не могла опомниться, услыта, что Аннутка повторяла тихонько молитву, которую Андрюта такимъ образомъ говорилъ:

"Господи, господи, дай нашимъ родишелямъ долгую жизнь.

"Мы ихъ очень любимъ, и хошимъ, чшобъ они глядя на насъ радовались, когда мы вырасшемъ велики.

"Ахъ, господи! наставь насъ быть смирными и добропорядочными, чтобъ батюшка и матушка каждой день нами упівшались.

"Услышь насъ, милосшивой боже! а мы охошно сшанемъ исполнящь, что въ швоихъ заповъдяхъ написано.,,

Посль сей молишвы оба они вскочили,

поцаловались и побъжали скоро и съ великимъ удовольствиемъ домой.

Машь ихъ радосшными слезами облилася. Она спршила придши въ своему супругу, и прижавъ его съ горячносшію въ сердцу, расказала ему все, что видрла и слышала; и тогда оба они такое чувствовали удовольствіе и блаженство, какъ будто бы они были въ раю.

РЪЗВАЯ КОЗА.

Охошница была поза Великая різвишься, На мьсть никогда Козв не посидишея. Лишь выбржишь на дворь, Снавать и прыгать рада; Тынъ, яма, ровъ, заборъ, Ничто ей не преграда. Рравушку эшу машь Частехоньно журила, Но не могла унять, Чтобъ дочка не шалила. Одиножды коза Дорогу взявши пряму И выпуча глаза Прыгнула черезъ яму: Нещастивой скачокъ!

Бъдняжка получила Такой себь толчокъ, Что ногу изломила. На крикъ ея къ ней машь Не медля прибъжала, И шакъ увъщавашь Ее въ печали стала. Когда бы мой совъшъ Не презрвнъ быль тобою, Дочушечка мой сввть, Выла бы ты съ ногою. А дочка говоришъ: Когда бы я то знала, Какъ ножинька болишъ, Во врки бъ не сканала. Брегись доколь бъда Тебя не постигаеть, Раскаянье шогда Уже не помогаеть. Коль разъ узнавъ напасть Кому случится снова Идши въ шакуюжъ паспіь, Проступка онъ такова, Вкусивъ того весь вредъ, Не саразенъ впередъ.

къ маленькой дъвушкъ.

Скачи, Анюшушка, играй, Всегда въ забавахъ упражняйся, Младыя льта провождай, Ръзвись, пляши и ушьшайся. Пусть радости въ груди твоей И всв веселья обищающь, Тебъ пусть свищеть соловей, Тебъ цвъшки благоухаюшъ. Гав ступить ножка липь швоя, Вездъ шамъ пусшь растушъ цвьточки; Ты прсенки всегда поя Плети изъ нихъ себь ввночки. Не врано будешь шы играшь; Съ весною дней швоихъ просшися Доколь время есть скакать, Сначи, малюшка, веселися!

влагодътельной митюша.

Старинъ Благонравъ при захожденіи солнца сидълъ подлъ своей хижины.

Маленькой его сыновъ Мишюща выбъжавъ изъ лъску остановился вдали, и упирая себъ глаза взглядывалъ часто на небо.

Отецъ этому удивился.

Кликнулъ его къ себb. Мишюща услышавъ голосъ своего родишеля шошчасъ послушал-

ся и прибъжаль въ нему, а Благонравъ съ ласкою посадиль его въ себь на кольни.

Что тебь сдвлалось, моя душинька? спросиль у него старикь, глядя ему въ глаза, которые отъ слезъ покраснвли. Не ушиб-

Мит: Нъпъ.

Благ: Да о чемъже шы плакаль?

Mum: Tanh.

Благ: Не льзя шакъ плакашь; кшо нибудь шебъ досадилъ.

Мит: Не спрашивайте меня объ этомъ, батюшка.

Благ: Для чегожъ не спрашивать; развъ у тебя есть что нибудь такое, чего ты отцу сказать не хочеть?

Мит: Нъшъ, сударь.... да я не отъ досады планалъ.

Благ: Такъ по этому отъ радости; чтожъ тебя такъ обрадовало?

Мит: Вошъ башюшка, вы меня шеперь принуждаеше вамъ сказашь, а сами анагдась говорили, что естьли удастся сдълать какое нибудь добро, то не надобно тъмъ хвастать.

Благ: Танъ, мой другь; однакожъ отъ меня тебь таиться же хорото, а должно мнь сказывать все, что съ тобою ни случится, дабы я могь порадоваться,

есшьли шы впрямъ чшо вибудь доброе сдълалъ.

мит: Коли вы шово хошише, бащюшка, шакъя долженъ васъ послушашься.

Часъ шому назадъ, какъ пошелъ я къ бращцу на пассшво и понесъ ему ужинашь. Идучи сквозь лесокъ услышалъ я, что въ кусту некто ворошится: я подошелъ шихонъ-ко, чтобъ посмотреть, кто тупъ шакой.

Анъ это быль бъдненькой старичокъ; онъ сидъль на землъ опершись рукою на беремя дровъ, которое подлъ него лежало. Лице у него было сухощаво и блъдно, а глаза отъ слезъ покраснъли.

Сшоя за кусшомъ услышаль я, что онъ печально самъ съ собою разговариваетъ.

"Боже мой! говориль онь, умилосердись, ,надь моею скудостію!—бъдная жена! бъд-,,ныя ребятитки!— но я не могу больше, ,,силь моихь нъть!,,

Сназавъ сіе сунулся онъ головою на дрова.

Я постояль тупь еще немного, и какь увидьль, что онь заснуль, то подкрался полегоных и положиль ему въ головы всю пищу, которую и несь къ братцу.

Посль шого побъжаль я къ машушкь, выпросиль свою пищу и ошнесь ее къ брашцу.

Проходя назадъ мимо шово кусша, гдъ

лежаль спиарынь, разбудиль я его своимь шумомь.

Что явижу! всиричаль онь, увида передь собою харбь, янцы и молоко. Не ангель ли божій быль здрсь и захотрав спасти меня и ребятищень монхь, оть смерти!

Но имо бы шы шаковь ни быль, добродвшельная душа! кошорой осшавиль мив сію пищу, Богь благослови, Богь награди шебя!— Слезы при сихъ словахъ кашились у него по лицу.

Ахъ нещасшный! продолжаль онъ, какъ найду я шеперь дорогу изъ льсу? Богь пошлешь ко мнв проводника, чшобъ я двшей своихъ насышиль.

Говоря сіе всшаль онь, подняль ношу свою съ великимъ шрудомъ, и побрель согнувшись и охая домой.

Я забъжаль нарочно впередь и ворошил-

Здорово, дѣдушка! сказаль я идучи мимо его; чаю шяжело шебь несши шакое беремя? дай мнь свою корзиночку съ хльбомъ и съ яицами и положи на плечо ко мнь руку, я шебя поведу.

Старинъ съ радостнымъ удивленіемъ посмотръль на меня и положа но мит на плечо руку сказаль: Богъ послаль тебя, дитя мое, вывесть меня изъ сего льсу, въ которомъ я заблудился. Я спросиль у него, куда идши ему надобно, и вывель его изъ лъсу.

Идучи дорогою расказываль онь мнв со слезами, какь, во время сна его, Богь нечаянно показаль нады нимы свое милосердіе, и какь онь сожалветь, что не ввдаеть, кто таковь быль его благодвтель.

Денно и нощно, говориль онъ, дъщи мои будуть за него молить Бога; онъ ихъ отъ голодной смерти избавиль.

Также и шебя, дишя мое, примолвиль онь, сшанущь они воспоминашь всегда съ благодареніемь, что шы помогь мив выдши изъ лвсу и придши къ нимъ прежде, нежели они померли съ голоду.

Я довель его почти до самой хиживы.

А шеперь предсшавиль я себт радосшь бъдныхъ отихъ ребятишекъ; какъ чаю они прыгали, когда увидъли, что отецъ ихъ возвратился домой и принесъ имъ нтипо по-кушать! Размышление о семъ привело меня въ такую жалость, что я заплакалъ.—

Я изъ послушанія къ вамъ расказаль ощо, башюшка; а то бы оть меня ни одинь человъкъ о томъ не услышаль.

Тупъ онъ умоляъ, а Благонравъ прижалъ его съ горячностію въ своей груди.

Теперь умру я спокойно, сказаль онь, ибо знаю: что оставляю по себь сына, которой добродьтелень будеть и щастливь.

дитя разсуждающее здраво.

Мы ребящищки Любимъ играшь; Наши умишки Мягки какъ воскъ: Много надъ нами Можеть примврь: Что ни увидимъ Мы у большихъ, Тоже за ними Дълать хотимъ, Лишь соразмврно Силь своей. Вмфсто сердиныхъ, Ръзвыхъ коней. Мы на дубинкахъ ъздимъ верьхомъ; Домы огромны Строимъ изъ картъ; Малой прудочикъ Море для насъ; Сложимъ бумашку, Вошъ и корабль! Весело правда Такъ намъ играшь, Лучше однакожъ Есшьли бы насъ То веселило, Польза въ чемъ есшь; Естьлибъ увидя Книги въ рукахъ, Мы ребящишии Сами чишащь Маленьки книжки Стали всегда. Вишь какъ велики Вырасшемь мы, Наши дубинки Въ печь полешинъ, Домы огромны Всв упадушъ, Прудъ ужъ не моремъ Вудешъ прудомъ; Вывсто пляжелыхь, Грозныхъ судовъ, Будушъ бумажки Плавать однь: Такъ все исчезнешъ, Все пропадешъ; Лишъ не исчезнешъ, Не пропадешь, иквшин им ошЬ Въ книжкахъ своихъ.

не скоро да здорово.

Два мальчика побъжали къ яблоку, которое издалека увидъли они на землъ

Мое оно будеть, сназаль Федюша, я прыте те тебя бъгаю; и говоря сіе уже дъйствительно нъсколькими шагами опередиль своего товарища.

Но что сдравлось?

Какъ онъ ошъ великаго спрку не смошрълъ передъ собою, що спошкнувщись на колошенъ, кошорой лежалъ на дорогъ, упалъ и ушибся больно.

Ктожъ получилъ яблоко? Не скорой, да осторожной.

дитя,

добрымь наказаніемь исправленное.

Имъя на спинъ велину ношу дровъ, Согбенъ подъ оною бъдняга Добросердъ, Дорогой идучи печально размышляешъ: Севодни изъ лъсу я поздо возвращаюсь, Позднъе нежели во всъ другіе дни; Жена моя шеперь я думаю въ слезахъ, И съ нею можешъ бышь Пешруща вмъсшъ плачешъ,

Не зная моему медленію причины. Любезное дишя! онъ весь родился въ машь.

Часть Т.

И есшьли милосшь Богь надъ нимъ свою продлишъ,

Подобно будешъ ей онъ шихъ и добронравенъ; Я всю мою лишь въ немъ надежду полагаю. Теперь они меня я чаю оба ждушъ. Когда я съ ношею предъ ними появлюсь, Съ какою радосшью и чувсшвіемъ сердечнымъ Ласкать они меня мнр бросяшся на шею! Такъ мыслить Добросердъ и въ свой шалашъ пришелъ.

Жена его шогда рукой облокошясь

Въ слезахъ и горесши сидъла на посшълъ,
Петруша передъ ней шушъ сшоя на колъняхъ,
Вздыхая у нее бралъ руку цаловать,
Которую она стараяся отнять
Казалося ему на то не позволяла.
Не плачьте, Добросердъ пришедши имъ въ-

Вошъ сколько я вамъ дровъ севодня нарубилъ. Но вы не скажите мнв оба ничего? Петруща, ты меня никакъ не обласкаещь? За трудъ не получу себв я поцалуя? Не ужъ то наказать за поздной мой приходъ Хотите вы меня? но я невиновать, Изълвсу выходя вотъ что со мной случилось: Лить только я дрова связавти поднимаю, Притель туда старивъ; бъднятка чуть добрелъ,

Изъ шой деревнивонъ, чшовнизъ ръкилежишъ. Здорово, сшаричокъ, сказалъя поклонившись, Мир нажешся ужь шы гораздо ушомился. Ахъ Боже мой!.... онъ мир симъ вздохомъ ошерчалъ,

И больше говоришь от слабости не могь. Безсильному помочькто въ нуждо отречется, Тоть въ Бого своего помощника лишится. Я сжаляся надъ нимъ свое беремя свергь, Схватилъ скорби топоръ и дровъ ему насбкъ, Межъ том от отдохнувъ немного укропился; Тогда связавъ я ихъ взвалилъ къ нему на плечи: О какъ меня старикъ за то благодарилъ, Въдуто своей мой домъ стократъ благословя! Потомъ идти домой я съ ношей торопился, Но сногъ мно помощалъ... о чемъ же ты вздыхаеть?

Не ужъ-то я еще передъ тобой неправъ, Любезная жена?

,,Нещастливой отедъ!

Канова родила тебъ я злова сына!,,

Петруша золъ?.... Ахъ нътъ онъ такъ
добросердеченъ!

Онънвсколько рвзовъ, що сълвшами пройдешъ; Какъ вырасшешь великъ.....

"Онъ будешъ люшъ какъ звъръ!,, Не будешъ онъ шаковъ, я за эшо ручаюсь... Но шы молчишь, сынокъ, не взглянешь и робъешь?

Конечно сдвлаль шы худое чио нибудь? ,,Худое самое.,,

Въ немъ есшь однаномъ сшыдъ,

Хошь это хорото при драв нехоротемъ. Чтожъ савлалъ онъ?

Ябъ лучше умолчала: Печальнымъ и шебя я сдрлаю сказавъ.,, Я знашь хочу, скажи.

,, Смотря не йдешь ли шы
Я часто на верьху окошко открывала;
Вънего влетвла вдругъпригоженькая птичка,
Озябщи бъдная чуть чуть могла порхать;
Тихонько подошедъ поймала я ее
И въ пазуху къ себъ согръться посадила.
Гляжу, бъжить къ мнъ Парата со слезами;
Она спотинулася и палецъ у себя
Упавши занозила. Я бросилася къ ней,
А птичку подержать Петрушъ поручила.
Межъ тъмъ какъ я у ней занозу вынимаю
И плачущу ее стараюсь утътать,
Петруша съ птичкою укрылся въ уголокъ
И тамъ.

Что сдвлаль онь? ,,у бъдной етой птички Всв терья ощиналь.,,

Всв перья ощипаль?

Оставиль у нее лишь крылышки одни. И выбросиль ее на стужу изь окна. О естьлибь видьль ты какь бъдная порхала, Какь мучилась она и какь она стонала! Я вспомнить не могу безь жалости о томъ. Подумай ты себь, какь выростеть великь,

Жакую будешь онь имbшь злонравну душу! Вошь чисо меня крушишь. . . . Какъ шы въ его быль лbша,

Ты не быль столько золь: я часто говорила: Петруша мой въ отца и жалостливъ и добръ, Но воть онъ сталь наковъ, о Боже, Боже мой!,, Любезная жена, не плачь и успокойся, Господь на небесахъ молишвы добрыхъ внемлешъ;

Когда нашъ сынъ злодви, Онъ будешъ милосердъ;

Возьменть его ошъ насъ.. Поди сюда, мой сынъ, Смошри, канъ шы ошца и машь свою печалишь!

Ты плачешь? плачь со мной. . . Подай свою мнb руку,

Приложь въ груди моей: mы прежъ сего въ ней жилъ,

Ты въ сердно быль моемъ и я шебя любиль; А нынь, нынь я.... о сынь неблагодарный, И ошческой любви ни мало недостойный, Еще шебя люблю, и въ горесшной душь, Кошору шы крушишь, жалью о шебь! Пойдемъ, жена, сберемъ ощинанныя перья, И здъсь передъ собой на сшънкъ ихъ повъсимъ:

Когда мы горячо любишь его начнемъ. На перья взглянемъ мы и скажемъ межъ собой: Жесшокія сердца любови недосшойны. Ты чаешь, сынъ!.... Сиди, сиди въ монхъ колбняхъ....

Ты часшь, чшо морозь шу пшичку къ намъ загналъ?

Ньшь, Богь ее послаль, чтобь мы ее спасли, Онь тварей всьхь щадить равно какь человьковь,

А шы быль шань жесшонь!... ну есшьли безъ одежды

На цілу ночь тебя поставлю я на сніть? Ты это заслужиль, но быль бы я тогда жестовосердь какь ты... Поди ко мні, поди, ты весь дрожить, не бось; не плачь и усповойся:

Еще любовь моя къ meбb не охладьла, Поступокъ только твой противенъ мнb весьма.

Осынъ, любезный сынъ! я съ машерью швоей При сшарости тобой ласкался ушвшаться, А шы. шы гонишь насъ во гробъ! , , , , ахъ простите!

,,Просши мнb, папинька! ахъ маминька, просши!

"Не буду ужъ шаковъ, не буду я впередъ. "Все дълашь доброе, все доброе я сшану, "И право, право ужъ я васъ не опечалю!,

Легко смягчаются родительски сердца: Петруша быль прощень, Петруша сталь хороть;

Не пришворялся онъ родишелямь въ угодносшь,

Ho въ самомъ двав сшалъ и шихъ и добронравенъ.

Однажды онъ смошрвлъ, смошрвлъ печально вверьхъ,

Гдт перышент пучонт на нишочит вистль: Машь видя то пошла и лесницу сыснала, "Взойди, Петрушиньна, она ему сназала, Взойди по леснице и перышки сними; Брось ихъ скорти въ огонь, ты скучент видя ихъ.

Ошецъ швой на сіе конечно согласишся: Не правдаль Добросердъ?,,

Съ охошой позволяю. ,,Брось, душинька, ихъ въ печь; пускай они горяшъ

Проканшыя въ огић!,,

"Нѣшъ, машушка, нѣшъ, нѣшъ!
"Пускай они мнѣ шо всегда напоминающъ,
"И есшъли Богъ велишъ мнѣ выросши велику,
"И буду я когда своихъ имѣшь дѣшей,
"Тогда съ слезами я на перъя показавъ,
"Смошрише, имъ скажу, я нѣкогда былъ
злобенъ,

"Имълъжесшокой нравъ, нежалосшливу душу, "А что исправился, за то благодарю "Я Бога и честныхъ родителей совътъ.

дерзкая молодая муха.

Эта молодая муха съ матерью своей сидъла неподалеку от горшка, въ которомъ была горячая похлебка.

Старой мухв надлежало отлучиться, и для того отлешая сказала она своей дочкв:

,,Сиди на мосто, покуда и не возвращусь.

Для чего, машушка? спросила у нее остринькая дочка.

"Я опасаюсь, ошвъчала старушка, чтобъ ты не подлетьла близко въ этому кипячему колодезю. (Она чрезъ сіе разумьла горшовъ).

Молодая.

А для чего бы не могла я къ нему близко подлешащь?

С парал.

Для moro, что шы шуда упасть и утонуть можешь.

Молодањ

Для чего упасшь?

С тарая.

Причины я шебь сказать не могу, но повърь моему свъденію: всякой разъ когда бывало случалось мухъ лешьшь черезъ шакой колодезь, изъ кошораго паръ идешъ, видала я, что она туда упадещь и никогда уже изъ него не выдеть.

Старушка думала, что она довольно сказала въ предосторожность своей дочкъ, и полетъла.

Но дочка подергивая носикомъ сама съ собою разсуждала:

"Куда право сшарухи всь какія хлопошуньи!

"Не льзя будшо мнв сей невинной имвшь "забавы, чшобъ перелешвшь черезъ эшошъ "парной колодезь!

"Словно какъ бы я была безкрылая, или "бы не довольно имбла у себя смысла, "чтобъ остерегаться!

"Словомъ, машушка сударыня, что бы "ты ни изволила мнв проповъдывать о "твоемъ свъдъніи, однакожъ я для забавы "вкругъ этова колодезя полешаю.

> "Посмотримъ, кто меня шуда втянетъ! Сказавъ сіе вострушка моя была такова.

Но едва стала она пролетать поверхъ горшка, какъ исходящій изъ него паръ ошняль у нея всв чувства.

Она упала въ кипяшокъ и шолько лишь сіе сназать успъла:

"Нещасшливы mb дbmu, кошорыя почишающь себя разумные сшарыхъ людей.

ЖЕЛАНІЕ ЧТОБЪ ПРИШЛА ВЕСНА.

Приди, любезный Май, приди, Одрнь листочками древа, Вели на берегу ррки Фінлкамъ маленьнимъ цврсти!

О какъ мив хочешся опящь Фіялочку въ поляхъ узрвшь! О какъ мив хочешся шеперь На мягкой шравив погуляшь!

Хошь можно множество забавъ И въ зимнемъ времени найти: Снъжки по вечерамъ катать, Бросать комочками изъ рукъ,

Класть разны домики изъ картъ. Кататься въ санкахъ, выбзжать, Въ гулючки, въ фанты иногда И въ жмурки также поиграть;

Однако же когда весной На въшвяхъ пшички запоющъ И сшанемъ въ полъ прыгашь мы; Забавы ужъ не шъ пойдущъ!

Анюшина нечаль меня Всего жесточье крушить; Какъ кочется бъдняшкь ей Дождаться полевыхъ цвытковь! Игрушевъ сколько ни давай Не льзя ее развеселишь; Сидишъ на креслицахъ своихъ, Какъ словно пшичка на гирадъ!

Ахъ, есшьлибъ сшало вдругъ шепло, И вырасла въ лугахъ шрава!— Приди нашъ Маюшка драгой, Приди, ребящовъ насъ ушъшь.

Приди и принеси съ собой Фіялочекъ побольше къ намъ, Побольше шанже соловьевъ И рябинькихъ кукушечекъ!

маленькой садовникъ.

Николаша часшо слыхаль ошъ своего башюшки, чшо дъши не могушь знашь, чшо для нихъ полезно или вредно, и чшо для шого надлежишь имъ всегда совъшыващься съ шъми, кошорые ихъ сшаръе.

Но онъ сего или не разумблъ хорошенько или забывалъ.

Дали имъ съ брашомъ его Андрюшею по грядочив, чшобъ каждой изъ нихъ имвя свой маленьной садикъ, свялъ въ немъ и садилъ чшо ему угодно.

Андрюща вспомнивъ шогда слова своего

отца сказаль садовнику: Яковушка! присовый мнв, что посадить въ мой садикъ.

Яковъ далъ ему кустики, которые никакой въ себъ пріятности не имъли и походили на худую траву и на хворость. Андрюща по его слову посадилъ ихъ на своей грядочкъ.

А вамъ, Николай Петровичъ, сказалъ садовникъ, датьли также что нибудь въ ватъ садикъ 2

Не надобна мив шакая дрянь, ошввиаль Николаша, и усадиль весь свой садикь нарванными цввшами.

Яковъ далъ ему волю двлашь чиб хочешъ.

На другой день увидьль Николаша, что вст его цвытки завяли, и посадиль туда другіе, которые онъ снова нарваль.

Однакожъ и сіи скоро завяли. Напослъдокъ наскучило ему сажашь всегда свъжіе цвъщы на мъсто завялыхъ.

И шакъ маленькой садикъ его заросъ весь шравою,

Спусшя носколько времени увидоль онъ, что у брата его въ садико на кустикахъ ночто красноется: братецъ, братецъ! закричалъ онъ, что шакое это у тебя на кустикахъ?

Тушъ прибъжали они оба и увидъли, чшо эшо была самая вкусная земляница.

Ахъ! сказалъ Нинолаша, для чего я не вельлъ эшой шравы посадишь въ моемъ садины!

Пошомъ спусшя еще нъсколько времени увидълъ онъ у своего браша въ садикъ на жворосшахъ нъчшо подобное прежнему; а какъ они съ нимъ ошвъдали, шо нашли, чшо это была самая сладкая малина.

Ахъ! сказалъ опять Николаша, для чего я также и хворостовъ этихъ не вельлъ посадить у себя въ садикь!

тые! сказаль ему брашь, какъ бы они твои были. Но—примолвиль Яковъ—не презирайте, сударь, впредь совтовъ людей старыхъ и знающихъ.

осель и вервлюдъ.

Оселъ.

Здорово брашъ, верблюдъ!

Верблюдъ.

Я брашъ шебъ ? прямой шы шушъ !

Оселъ

А для чегожъ meбb я братомъ быть не смвю: Я спину какъ и шы навьюченну имвю.

Верблюдъ.

Пусть такъ; но можеть ли твоя спина Выть равнымъ бременемъ съ моей отягчена?

Оселъ

Я съ ношею швоей шушя пойду чрезъ гору!

Верблюдъ

Безумецъ! но она и мир лишь шолько въ пору.

Оселъ

Пожалуй пересшань пусшое лепешашь; Подай ее сюда, я съ ней могу плясашь.

Верблюдъ.

Изрядно, господинъ осель, возмите. Вошь вамь она!

Оселъ

Ой, ой! пропаль я! помогише!

Вербяюдъ

Кто за достоинствомъ гоняется большихъ, Тотъ чувствуй, какова при томъ и тягость ихъ.

картошные домики.

Поди брашецъ сказаль Пешрушт бълокурой Оединька, поди помоги мит мой домъ построить, а тамъ я тебт твой построить помогу.

Что мир нужды до твоего дому, отврчаль Петрута; я строю свой, а ты съ своимъ какъ хочеть дравися. Осдинька строиль. Но какъ они оба за однимъ столомъ сидвли, и часто его толкали, то всегда домики ихъ рушались.

Не толкай столь! говориль съ досадою Петруша.

Да какъ же мив быть? отввчаль Оединька: вишь я тебв сказываль, складемь сперва одинь домикь; вольно тебв было этова не хотвть.

Въ споръ они нъсколько разгорячилися; всякой желалъ свою работу скоръе окончить, и столъ шатался еще больше.

Вдругъ Пешрушинъ почши уже гошовой домикъ обрушился и упалъ.

Онъ хошрлъ ево подхващить, и толкнулъ нечаянно столъ, отъ чего и Оединькинъ домикъ также повалился.

Сестрицы ихъ сидя въ углу хохотали. Они вст четверо принялись за работу на похвалу, кто изъ нихъ по признанію матушнину поставить лучшей домикъ. Не простячкили вы, кричали онт имъ; сами вы похвалу свою упустили.

Вонъ идетъ матушка: у насъ уже все сдълано, для того, что мы другь другу помогали; а у васъ еще ничего нътъ, потому что вы между собою были несогласны.

утренняя молитва.

Въ восторго радостномъ всиричала Елена дочерямъ своимъ: Подите, двти, посмотрите, Какое ушро Богъ намъ далъ! Какъ солнечны лучи прекрасны! Помолимся Творцу небесъ. Тогда съ весельемъ прибъжали Чешыре маленькія къ ней Ея всь дочки сирошинки, Которыя лишась отца, Безъ помощи и безъ покрова, Въ великой жили нищешь: Такую учаски добродетель Имфенъ часто на землр. Сія любезная семейка Кругомъ обстала машь свою, . Она молишву имъ чишаешъ, Онь безмолвіе храня Словамъ благочестивымъ внемлющъ, И купно съ нею изъ очей Ліють богопріятны слезы. Молитва кончилась. Ихъ мать Объемленъ важду сердолюбно И говоришь намь Богь ошець: Вы помня то смиренны будьте, -Приближился полудня часъ, Голодны дъшки запричали: Любезна маминька, пора,

Дай намъ чево нибудь покушать!

Печально возсшаеть она,

Идеть задумчиво къ поставцу

И ищеть пищи для дьтей....

О Боже! пусто все! ни хльба,

Ни чорствой даже корки ньть!

Смущенна, горестна, безмольна,

Недвижимо стоить она

И взоры обратить не смьеть;

А сердце, сердце страждеть въ ней

И томна грудъ ея трепещеть!

Приходить старшая туть дочь,

И слезы матерни ліются

На бъдное сіе дитя!

,, О чемъ, ахъ маминька, ты плачешь? ,,Знашь пищи нътъ у насъ. Не плачь! ,,Сама читала ты недавно , ,,Что Богъ спаситель нашъ сказалъ: ,,Тебя въ бъдахъ я не оставлю; ,,Отецъ небесный нашъ сказалъ! ,,Тебя я въ скорби не покину.

Съ горячносшью объемленъ мань Сію любезную сирошку:
Такъ, жизнь моя, конечно шакъ,
Господь шерпрнье испышуетъ,
Онъ сирыхъ не осшавить насъ.
Сказала шакъ, и шакъ то было.
О естьлибъ не былъ въ мірр Богъ.
Часть І.

Коль страшно былобъ человъку На свътъ человъкомъ быть!

РАЗГОВОРЪ МЕЖДУ НАТАШИ, МАТЕРИ ЕЯ И СОПРОВОЖДАТЕЛЬНИЦЫ НАТА-ШИНОЙ.

мать.

Куда шы деньги свои девала?

НАТАША.

Я ихъ опідала, машушка.

мать.

Romy?

наташа.

Одному мальчику.

MAT b.

Развъ онъ шебъ какую услугу показалъ, или шы сжалилась надъ бъднымъ его сосшояніемъ?

НАТАША.

Нътъ, сударыня.

мать.

Такъ по этому наградила его за какое нибудь доброе дъло?

наташа.

Напрошивъ, машушка; я для шого отдала ему ихъ, чтобъ онъ впредъ худова не дълалъ. Вишь всъптички принадлежать Богу?

мать.

Конечно, равно какъ и вст прочія швари, Имъ созданныя.

наташа.

Ну, шакъ эшошъ мальчикъ унесъ у Бога пшичку и мић ее продашь хошћаъ. Бъдная эша пшичка билась у него въ рукахъ и кричала, а онъ зажималъ ей носокъ, видно опасаясь, чшобъ Богъ не услышалъ и на него за шо не разгивался.

мать.

Чтоже ты сдрлала?

наташа.

Я отдала этому мальчику вст свои деньги, а птичку пустила на волю. То-то чаю она теперь радуется! (Прыгаетт сама отб радости).

МАТЬ.

Такъ душа моя; и me6b одолжена она за свою свободу.

НАТАША.

Можеть быть мальчикь этоть принуждень быль оть недостатка это сделать.

мать.

Можеть быть.

НАТАША (сопровождательницо своей).

Такъ я и хорошо сдрлала, чшо вср денъги ему опдала.

СОПРОВОЖДАТЕЛЬНИЦА (матери).

Мы между собою споримъ. Нашаша безъ счешу вср свои деньги ошдала мальчику, не спросивъ чшо онъ за пшичку хочешъ, а ж говорю, чшо ей сего дрлашъ не надлежало.

НАТАША.

Кто изъ насъ правъ матушка ?

мать.

Ты не совство права, душа моя; ну есшьлибь послт шого попался шебт другой мальчикь съ шакою же ншичкою, а у шебя бы денегь уже больше не было?

наташа.

Тогда бы я нъ вамъ пришла, матушка.

мать.

А есшьлибъ у меня не было ?

НАТАША.

Ну-тогда-

мать.

Надобно и для того иногда беречь, чтобъ

больше можно было сділашь добра. Впрочемъ вошь шебі швои деньги назадъ.

НАТАША.

Благодарствую, машушка.

МАТЬ

И вошъ meбb еще поцалуй за mo, что ты такъ жалостлива.

аннушка и петруша.

Петруша съ Аннушкой осшалися одни: Родишели пошли къ объдни помолишься. Межъ шъмъ какъ дружески бесъдующь они, Вдругъ сшало на дворъ шемненько сшановишься

И туча поднялась Послушай какъ гремить! Петруша Аннушко со страхомъ говорить. Чего боишься ты, Анюта отвочаеть, Вить громъ по Божьему велонію бываеть. Межъ томъ вдругь молніи простерся быстрый блескъ,

За онымъ слъдовалъ громовый спрашный прескъ:

Петруша поблъднълъ и говорить съ боязнью: Конечно гитвенъ Богъ и угрожаетъ казнью! (*)

^(*) Въ прежнихъ изданіяхъ сін два сшиха сказаны были слідующимъ образомъ:

"Богъ гновенъ? Богъ? и неба и земли шворецъ? Какой робеновъ шы! онъ нашъ прямой отецъ. Мно ото сказывалъ сегодня мой родитель; Неправды вишь не скажеть онъ, ты знаеть самъ.

"Конечно шакъ; но мнb мой сказывалъ учищель,

Что естьми по его не йдемь заповъдямь, То онь, хоть какь ни милосердь, но гнъвъ покажеть,

И всякаго за преступленіе накажеть.

"Пусть такь; не сділавши худова ничего Конечно ужь не я прогнівала его, Севодня матушка меня разцаловала, За то что заповідь я эту твердо знала: Чти матерь ты свою и своего отца, Да будеть благодать иміти оть Творца.—

Лить только Аннушка сіє проговорила, Петруша плакать сталь.— Что сділалось съ тобой?

Пешруша побладналь и говоришь скеозь слезы:

Конечно гнавень богь и двлаеть уерозы.

Сочинишель написаль ихъ въ молодости, увлеченный худымы примарами. Чрезъ упражнение и опышы почувствоваль онъ потомъ, что таковыя рифмы (слезы и уерозы) не совмастны съ чистото языка, въ которомъ есть слова: слезы, слеза, слезлиев, но не сліозы, сліоза, сліозлиев. Заражать симъ простонароднымъ выговоромъ книги весьма нехорото. (См. разсуждение о семъ въ разговорать о словесности). — Къ сему признанию сочинитель такъ больте почитаеть себя обязаннымъ, что книгу его читають дать, которыя отъ худаго примара легко могушъ получить худой навыкъ.

Снажи мир: съ ласкою Анюшушка спросила. Конечно я шебя прогиваль, Боже мой! Сегодня по ушру я бранными словами, Ахь! дядьку огорчиль: сказаль онъ со слезами. Тогда и Аннушка ну вмрстр съ нимъ рыдать. А молнія межъ шрмъ сверкнула вдругь опять, И громъ удариль шакъ, что стрны задрожали Петруша съ Аннушкой на землю оба пали. И Богу молятся. Анюта говорить: Молись, Петрушинька, Богъ милостивъ, простивъ,

Лишь только передъ нимъ ты искренно признайся,

И дълащь що впередъ уже остерегайся.Усердная сія молитва обоихъВзошла на небеса и Богъ услышаль ихъ.

розовой кустъ.

Кто подарить мир деревцо въ мой садикъ? говорилъ Миша братцамъ своимъ и сестрицамъ.

Ошецъ наждому изъ нихъ далъ по грядочив, чшобъ они садили на ней чшо хошвли.

Я не дамъ! я не дамъ! закричали изъ нихъ двое. Я, я шебъ дамъ, сказала добросердечная Лизанъка: какое шебъ надобно?

Розовой кусть, отвътствоваль онъ: ты видить, что мой уже совство засохъ.

Хорошо, сказала Лизанька, и взявъ лопашку сшала его выкапывашь.

Накъ? всиричалъ Миша, у шебя ихъ шольно два и есшь, да и що одинъ маленькой! по крайней мъръ дай мнъ вонъ эщошъ, которой поменьше.

Ньшъ, ньшъ, сказала Лизанька; шошъ шакже завянешъ; а мнь все равно, я и у шебя въ садикъ могу его видьшь, какъ онъ разцвъшать сшанешъ.

Миша взяль кусшикь и быль очень радь. Тогда шель мимо ихъ садовникь и несъ

Тишпанскую сирену.

 Посадить ли тебь ее на мъсто твоего розоваго кустика? спросиль онъ у Лизаньки.

,,Естьли она вамъ не надобно,,,

"Ньть, сказаль садовникь, я хотвль ее бросить, для того что садь и такь отъ множества деревьевь загуствль. Выговоривь сіе посадиль сирену.

Пришелъ Май: Мишинъ кусточикъ принесъ множество прекрасныхъ розъ.

Лиза получала ошъ нихъ себъ каждое ушро по свъжему цвъшку на голову и на грудь.

А сирена распусшясь шакую отъ себя дала твнь, что Лизанька въ сильнвишій полуденной зной могла подъ нею укрываться и даже самъ родитель ея приходиль часто подъ сіе дерево и въ прохладной онаго швии расказываль имъ нравоучишельныя поввсти.

какъ нужно быть послушнымъ.

Иванушна и брашъ его Петруша просили въ одинъ вечеръ у отща своего позволенія идти поиграшь въ саду.

Подише, свазалъ имъ ощецъ, шолько нижуда ошшуда не уходише.

Они пошли и играли носколько времени съ великимъ удовольствиемъ.

Напоследовъ Иванушка увидя, что калитка позади сада отворена, сталъ брата своего звать туда,

А башюшка приказываль, чтобъ мы ни куда не уходили, сказаль ему брать.

О! говорилъ Иванушка, онъ приказывалъ только въ большія ворота на улицу не бъгать; а сюда идти прогуляться въ кусшахъ можно и ничего намъ не сдълается

Пойдемъ, брашецъ, посмотри накъ здъсь жорошо! говоря сіе вышелъ онъ за налишку и бращъ за нимъ.

Долго бъгали они взадъ и впередъ по кустамъ, покуда не примътили, что уже темно стало.

Тогда хошбли они ворошишься назадъ,

но не знали дороги найши: шушъ начали они жесшоко плакашь и кричашь.

По щастью отець ихъ, услышаль кринъ, прибъжаль и ихъ сыскалъ.

Видите, сказаль онь имь, каково бываеть съ тъми, которые совъщовъ разумныхъ людей не слушають.

Я зналь, что естьли вы изъ саду выдите, то назадъ не сыщете дороги, и для того не велъль вамь изъ него выходить.

Теперь ужъ я не пущу вась въ садъ играть, опасаясь, что вы и въ другой разъ тожъ сдълаете.

ДЪТСКІЯ ЗАБАВЫ.

у насъ всё утёхи
у малыхъ дётей,
Игрушки и смёхи,
И много затей;
Мы бродимъ и ходимъ
Въ лёсу по кустамъ,
Шалимъ, колобродимъ,
И рёзвимся тамъ.

Кто сидя кропочеть На мъсть одномь, Тоть развъ быть кочеть Съдымъ старикомъ? Какъ весело въ полв, Гдв ишички поющъ, Лешаюшъ по волв, Пшеничку клююшъ.

Теперь насъ ребятокъ, Когда сощитать, Здрсь будетъ десятокъ, Намъ любо играть. Покуда маленьки Поскачемъ дружки, Какъ будемъ стареньки Поврсимъ носки.

Эй брашцы смотрите, Воть бабочка спить, Тихонько ловите, Она улетить; Воть это вертится Дружокъ ея знать Онъ станеть крушиться, Пустите опять.

Какъ громко въ долинъ
Поетъ соловей!
Ахъ вонъ на вершинъ
Сидитъ онъ ей ей!
Тихонько бъгите,
Чтобъ онъ не слетълъ,
И пъсни хвалите,
Чтобъ долъе пълъ.

Спустись въ намъ пониже, Любезной дружовъ, Дай видътъ поближе Себя на часовъ. О вавъ ты любезенъ, Сударчивъ ты мой! Пожалуйста пъсенъ Побольте намъ спой!

Куда онъ дъвался
Куда вдругъ пропалъ?
Знать онъ испугался:
Зачъмъ ты свисталъ?
Ахъ вонъ онъ мелькаетъ,
Не хочетъ ужъ къ намъ. .
Пускай инъ летаетъ,
Не тронь ево тамъ.

Какіе цвіточки
Здісь миленьки есть,
Мы станемь віночки
Изъ нихъ себі плість.
Кто сыщеть фіялку,
Тоть будь Генераль,
Дадимь ему палку.
Ахъ воть я сыскаль!

Ужъ солнце садишся, Насъ гонишъ домой; Ахъ дай поръзвишься, О солнце, постой! Пришло разсшаващься, Пора ужъ и спашь; Чуръ завшра сбирашься Опяшь здёсь играшь.

плачевная судьба двухъ мальчиковъ.

Во Франціи въ Парижћ живетъ купецъ, который предъ недавнымъ временемъ имћлъ у себя двухъ сыновей.

Оба они родишелями своими чрезмърно были любимы?

Отпу ихъ, по своимъ дъламъ, надобно было часто и далеко иногда ъздить верхомъ.

Для шого важиваль онь всегда съ собою шару заряженыхъ пистолеть.

Возвращаясь домой обывновенно высшррливаль онь ихъ, или дома разряживаль, дабы оными не сдрлаль вшо самому себр или кому другому вреда.

Сверьхъ сего дътямъ своимъ запретилъ онъ накръпко, чтобъ никто изъ нихъ ни пистолетовъ, ни другова какова огнестръльнаго оружія отнюдь въ руки не бралъ, потому что дъти не умъютъ съ ними обходиться бережно, и легко могутъ самихъ себя или кого другаго застрълить.

А главное правило предписаль онь имъ, чтобъ они и велики вырасши подобными оружіями никогда не шутили; ибо изъ того уже часто выходили нещастія.

Въ одно время купецъ сей возвращился изъ своего пушешествія домой, и какъ надобно ему было вскорт опять ташь, то онъ на этоть разъ пистолетовъ своихъ не выстролиль и положиль ихъ въ горницт.

Онъ ни малаго не имблъ подозрвнія, чтобъ двти стали ихъ трогать, понеже онъ имъ що напрвпио запретилъ.

Но что сделалось? на другой день по утру, какъ отецъ ихъ вышель, Николаша съ Фединькой (такъ назывались оба сыновья.) вошедъ въ эту горницу стали резвиться.

Пистолеты лежали на столв.

,,Сшанемъ солдашами играшь, сказаль ,,Николаша меньшому своему брашу, взявъ ,,одинъ писшолешъ себъ, а другой подавая ему.

,, Эй брашець! отврчаль Фединька, развр, ,, ты забыль, что намь запрещено брать въ, ,,руки пистолеты.

"Это правда, сказаль Николаша, но вишь "мы внаемь, что они не заряжены; батюшка "недавно говориль, что онь ихъ всегда вы-"стръливаеть, когда возвращается домой.

,, А испоршить мы ихъ пакже не можемъ. ,,Посмопри какъ уже я хорошо умбю взво-

,,дишь курокъ.,,—И взвелъ курки у обоихъ ,,пистолетъ.

"Башюшка чаю съ швиъ говорилъ, чшобъ "мы заряженныхъ писшолешъ не шрогали.—

"Ну! стань ты тамь и слушай, какь я ,,буду повельвать; когда я закричу: пали! ,,то ты за это жельзцо потяни къ себь.,,

Такимъ образомъ стали они другъ противъ друга и Николаща повельвалъ:

"Слушай!——нъ заряду!——принладывай-"ся! пали!,

Съ симъ словомъ оба вдругъ спустили курки, и оба въ крови своей залившись упали.

На сей сугубой выстрвль прибъжала нъ нимъ смущенная машь; и какое, о Боже, представилось ей зрвлище!

Безчувственна упала она подлъ своихъ дътей, которые въ то время уже послъднее дыханіе испускали.

. А когда от прибъжавших служителей она приведена была паки въ память, тогда дъти ея были уже мертвы.

Последовавшій за симъ ужасной вопль машеринъ, и безмольное оцепененіе прискорбнаго ошца, познавшаго, возвращясь домой всю повесть изъ единаго на окровавленныхъ сыновъ своихъ воззренія, не можетъ описащь никакое перо.

настюша и николаша.

но навъ мнв. . . . я чушь не плачу.

Нас: О чемъ?

Ник: Видишь мы сколько башюшка и машушка пожаловали намъ опяшь подарковъ, а мы шакъ малы и слабы, чшо не можемъ имъ за шо ошплашишь.

Нас: Ежели мы всегда будемъ вести себя порядочно, такъ они и довольны будутъ.

Ник: То то меня и печалить, что мы еще не такъ тихи и хороши, какъ бы они того хотоли.

Нас: Богъ намъ поможешъ сд влашься лучшими.

Ник: Пойдемъ же помолимся ему и попросимъ, чтобъ онъ ниспослалъ намъ свою святую помощь.

(Становятся на колфна)

Нас: Боже милосшивой! мы бы весьма хотъли добрымъ своимъ поведениемъ ушъшашь нашихъ родишелей.

Ник: Господи! однакожъ мы иногда дълаемъ худо.

Нас: Мы объ этомъ шужимъ.

Ник: Весьма тужимъ.

Нас: Для шого просимъ шебя, Бога нашего; шы все можешь, всьмъ помогаешь, помоги намъ весши себя порядочно и не дълать худова.

Ник: Помоги намъ, Боже; шы всесиленъ!

Нак: Помоги Господи!

Ник: Помоги намъ. Аминь.

БАБОЧКА.

Нътдъ малая пичуга Пестра бабочка жила Середи зелена луга, И прекрасная была.

У ней крылья голубыя
Въ красныхъ искрахъ вст блестятъ
На нихъ краишки златыя
Будто въ яхонтахъ горятъ.

Всякой часъ она лешаешъ Со цвъшочка на цвъшокъ, То гвоздику посъщаешъ, То ясминовой кусшокъ.

Именчеть въ уши встит лешая: Какъ уборъ прелестенъ мой! Естьли пшичка здтоь такая, Чтобъ сравнилася со мной?

Хвастовства сего во время
Вдругъ на встрвчу ей пчела,
Сладное имва бремя
Въ улій медъ она несла.
Часть І.

Бабочка кричить гордяся: Прочь замаранная дрянь! Пчелка ей на то смъяся Въ домъ мой, говорить, заглянь,

Есшьли знашь меня желаешь, И суди о мир пошомъ. Ты красою щеголяешь; Я искуствомъ и трудомъ.

ОПАМЯТОВАНІЕ.

Я не хочу безъ тебя идши въ садъ, сназала Параша своему братцу, и для чего не хочешь шы мнв сдвлать удовольствія, погда я тебя о томъ прошу?

Для шого, чшо мић не хочешся, ошвђуалъ Николаша, и сћъъ облокошись въ креслы.

Параша пошла въ уголокъ и стала плакать.

О чемъ шы илачешь? спросила у нее вошедши машь. Не досадилаль шы ч ъ нибудь брашу, ніто онъ сидишь не весел...

,,Да какъже машушка сударыня, онъ не ,,хошрлъ идши со мною въ садъ!,,

Правда ли это, Николата? спросила мать; да не сдълалаль она тебъ чего?

Нѣтъ, сударыня, я передъ нею виновать, отвъчаль Николаша, и взявъ Парату

за руку, сказаль: пойдемь сестрица, я съ тобой пойду.

Параша ошерла шошчасъ слезы и спросила у него съ ласкою: да кочешсяль шебь?

петруша,

который спать не могв.

Въ маленькой своей постельно малюшка, Петруша лежа плакаль, сперва тихонько, а потомъ громче, такъ что отецъ его и мать, спавшіе подло него, то услышали.

"Что тебъ сдълалось, Петрушинька, спросиль отець; мнъ кажется ты плачешь?

Петр: Ахъ башюшка!

От: Что такое душа моя, скажи намъ.

Петр: Ахъ я боюсь, чтобъ вы этуночь не умерли!

Om: Не дай Богь — да что тебь это вздумалось?

Петр: Ахъ! развъ вы не знаете -

Om: 4mo maroe?

Петр: Ажь! что я севодня-

Om: Hy!

Петр: Быль непорядочень.

От: Такъ чтожъ?

Пепр: Вы мий давичь сказали, чио я вась огорчиль. Я шеперь объ эшомъ вспомниль, и мий подумалось: ну ежели башющия

въ эту ночь умреть, а я его такъ огорчиль; и ежели ужъ не удастся мнъ хорошимъ поведеніемъ опять его утьшить—Ахъ, батютна сударь, не умрите!

Om: Pasab бы meбb жаль было; есшьлибъ я menepь въ общему нашему отцу взять быль на небо?

Вмосто отвота полились у дишании горячія по лицу слезы.

Тогда преисполненный жалостію отець, поднявь его съ маленькой постельки и обласкавь съ горячностію, положиль подлі себя и его матери, а потомъ оба они поцалуями своими осущили лице его омоченное слезами.

РАЗМЫШЛЕНІЕ,

во время зимней стужи.

Среди зимы жестокой сей,
Миф любо, въ шеплый мъхъ одъту,
Подъ кровлей въ горницъ моей,
Быть сыту, веселу, согръту,
И день препроводя въ игръ
На мягкомъ сладко спать одръ.

Но горе бъдному, кошорый, Насущной пищи бывъ лишенъ, Одинъ на голой лавкъ хворый Валяется отпятощень, На стужь, въ нуждь, безъ одежды, Безъ помощи, и безъ надежды!

Духъ брашолюбія! воспрань, Спіши, возчувсшвуй чужду муку; И щедрую ошверзя длань, Дай помощи ему шы руку: Кшо медлишъ брашу пособишь, Тошъ не досшоинъ щасшливъ бышь.

щастливой мужикъ.

Пожалуйше, бояре, вы не байше Съ насмъшкою о мужикахъ шакой, И чшо по больше васъ, вы эшо знайше, Живемъ довольны сами мы собой.

Въ шрудахъ безъ всякихъ прихошей жизнь наша,

Безъ зависти и безъ хлопотъ течетъ; Ломть хлъба чорнова, да щи, да каша, Какъ есть у насъ, тамъ намъ и горя нътъ.

Намъ ваши всяки лакомства несладки, Отъ жиру натъ животъ не заболитъ; До вашихъ слизкихъ устрицъ мы непадки, Муживъ безъ кислаго лимона сытъ. Перинъ мы мягнихъ съ снукой и забошой Слезами ночью, право, не вропимъ; Но ушомленные дневной рабошой Въ избъ своей раскинувшись храпимъ.

Хощь клюбь свой въ пошь мы лица снъдаемъ, Но по трудакъ пріяшенъ намъ покой; Забавны пъсни громко воспъваемъ, Какъ съ поля веселясь идемъ домой.

удалися отъ зда и сотвори благо, хотя бы то было втайнъ.

Старинъ Честнодумъ съ младшимъ сыномъ своимъ Тимошею пошелъ далено въ поле гулять. Тогда былъ пренрасный осенній день, но еще нъскольно жаронъ.

Башюшка, сказалъ Тимоша, идучи мимо одного сада, кошорой сшоялъ середи поля, мив очень пишь хочешся!

И мић шакже, душа моя, ошвћчалъ ошецъ, да надобно пошерпћшь покудова придемъ домой.

Тимоща.

Вонъ стоитъ груша и на ней висятъ множество грушъ.

Чесшнодумъ.

Вижу, да она въ саду.

Тимоща.

Тынъ не высокъ, можно перельзть.

Чесшнодумъ.

А что бы намъ сказалъ тотъ, чей это садъ, естьли бы онъ здрсь былъ?

Тимоща.

O! его здрсь нршу; да и никово нршъ, жию бы ему пересказащь могъ.

Честнодумъ.

Ты ошибаешься мой другь; есть нѣнто, который точно это увидить и должень будеть наказать насъ за худыя наши дѣла.

Тимоша.

И! да кто это такой ?

Честнодумъ.

Тошъ, которой вездъ присутственъ, всегда насъ видитъ, всегда знаетъ, что мы дълаемъ — Богъ!

Тимоша.

Ахъ! да! я объ этомъ не подумалъ.

Въ самое сіе время всшаль человінь, которой до того лежаль за тыномь въ траві. Это быль самь хозяинь сада, и онь сказаль Тимоті:

"Благодари Бога, дишя, что благоче-

стивой отецъ твой не допустиль тебя идпи въ чужой садъ за овощами.

Знай, что у меня подъ этою грушею поставлень для воровь клепець, въ которой бы ты конечно попался и целой веть свой быль безъ ноги.

Но что напоминание отца твоего о невидимомъ Богт тебя устращило, и что отсталъ ты от несправедливаго своего желания, за то пойду и принесу я тебт лучтихъ плодовъ съ дерева.,,

Сназавъ сіе пошель онъ, пошрясь дерево, и принесъ Тимошь цьлую шляпу корошихъ грушъ.

Чесшнодумъ котвлъ ему заплатить за нихъ деньги, но онъ не бралъ.

Для чего? спросиль Честнодумъ.

Для шого, ошвъчалъ хозяинъ сада, что томужъ самому Богу, которому не угодно, чтобъ мы дълали злое, благоугодно, чтобъ мы дълали доброе и помогали ближнему своему всъмъ, чъмъ только можемъ.

Чесшнодумъ пожалъ у него дружески руну, поблагодарилъ его, и пошелъ съ Тимошею далбе.

Тимоша,

Какой это доброй человькъ?

Чесшнодумъ.

Доброй конечно, да и вст шт шаковы,

котпорые съ примъчаніемъ смотря на вседневныя свои приключенія изъ оныхъ научаются знать, что правосудный Богъ не оставляеть ничего добраго безъ награжденія и ничего худаго безъ наказанія.

Тимоша.

Не ужъ то бы Богъ наназаль насъ, есть-

Чесшнодумъ.

Развъ шы не слыхаль, чтобы съ нами случилось.

Тимопа

Да вишь не Вогь поставиль туда клепець.

Честнодумъ

He онъ самъ, да безъ его воли и въденія ничто не можеть сдълаться.

Господь управляеть всеми делами на светь, и онь такь устрояеть ихь, чтобы они доброму человету служили из награжденію, а худому из наказанію. Послушай, я раскажу тебе одну быль, которая случилась на моей памяти.

Я быль шакь мальеще, какь шы, и жиль въ домб у своего ощца, а швоего дбдушки. Подлб насъ жили два сосбда, одинь по правую, а другой по лбвую сторону; одинь прозывался Кузнецовъ, а другой Мбльниковъ.

у Куэнецова быль сынь по имени Трофинь, а у Мъльникова шакже сынь по имени Сидоръ.

Позади нашего дому и домовъ нашихъ сосъдей находились небольшіе садини, кошоры со одинь ошь другаго ошдълены были изгородою.

Кузнецова сынъ Трофимъ имблъ весьма дурную повадку бросашь всегда каменьями, не осшерегаясь, чшобъ не ушибишь кого нибудь.

Часто дёлываль онь это бывь у отца своего въ саду, и бросаль наменьями то къ намь въ садъ, то къ сосёду нашему, такъ что от его бросанья не было намь почти проходу.

Ошецъ его примъщилъ эшо однажды и запрешилъ ему шо дълашь накръпко.

Но по нещастію этоть робеновь или не вслушивался или забываль, что худова ділать не надобно, хотя бы никого при томь свидітелемь не было; ему или не сказывали, или онь не хотіль того помнить, что Богь везді присутствуєть и видить все, что мы ни ділаемь.

Однажды быль онь вь саду одинь, и захошьлось ему опяшь пошвырящь каменьями: и какь онь зналь, чшо ошца его ньшь дома, що и думаль, чшо ему эшо двлашь можно.

Въ самое що время другой сосъдъ нашъ Мъльниковъ былъ съ сыномъ своимъ Сидоромъ у себя въ саду. Этотъ Сидоръ имблъ за собою тотъ порокъ, что онъ думалъ: довольно коли при людяхъ не дблаешь худова, а коли никово нбтъ, такъ все можно дблать, что ни захочешь.

Ошецъ его принесъ съ собою заряженное ружье, чшобъ сшръляшь воробьевъ, кошорые у него всъ вишни поклевали. Они сшояли въ бесъдкъ и дожидались, какъ воробьи нале-шяшъ; но вдругъ пришли къ Сидорову ошцу сказащь, чшо къ нему госшь пришолъ.

Онъ осшавиль ружье въ бестава и сказаль ошходя Сидору: смошри шы не шронь ружья!

Сидоръ остался одинъ. Что мит сделается, думалъ онъ, кота бы я и поигралъ немного ружьемъ? вить я никово не застрелю, да и батюшка же теперь ушелъ домой.

Подумавъ сіе схвашиль онъ ружье и сшаль имъ дълашь на нарауль. Пошомъ захошълось ему попробовашь, можешъли онъ взвесши курокъ.

Онъ положилъ на изгороду ружье, дуломъ прямо въ садъ къ Кузнецову, взялъ за курокъ и началъ взводишь.

Вь это время Трофимъ на бъду изъ своего сада бросилъ черезъ изгороду острой камень, и попалъ Сидору въ глазъ. Сидоръ отъ велинаго страха и боли выронилъ ружье изъ рукъ, курокъ спустился, дробъ полетъла, и закрачали въ обоихъ садахъ: ай, ай! Сидору вышибли глазь, а Трофиму вся дробь попала въ ногу; тоть сталь кривь, а этоть хромь, и такими остались во весь свой вркъ.

Тимоша.

Ахъ бъдненькіе!

Чесшнодумъ.

Они конечно оба жалки, особливо по тому, что каждый изъ нихъ не только са-маго себя, да и другаго вмвств съ собою сдвлалъ нещастнымъ.—Однакожъ входя обстоящельно въ двло, можно сказать, что это случилось къ общему ихъ благополучію.

Тимоша

Какъ это, батюшка!

Чесшнодумъ.

Я шебъ это растолкую, душинька. Когда бы Богъ не наказалъ сихъ дътей, такъ бы они оставаясь на единъ всегда продолжали дълать худое.

Но шушъ они сами собою испышали, что всякое худое доло, котораго люди не видять, от Бога не можеть быть закрыто, и безъ наказанія упущено не будеть.

Ощъ шого оба они поправились, сшали смирны и хороши, и удалялись ошъ всякаго вла, хошя бы шо случилось въ самомъ шайномъ мъсшъ.

И сего - mo самаго Богь, наказуя ихь, от нихъ желаль; ибо сей небесный отець не для чего инаго наказуеть нась, какъ для нашего чрезъ то исправленія.

Тимоша.

Не стану же я дрлать худова, хотя бы тодлиню зналь, что ни одинь человыть о томь не сврдаеть.

Чесшнодумъ.

Богъ ушверди шебя въ сихъ мысляхъ, дишя мое!

Тупть они возвращились домой.

четыре времени года.

Ахъ, ежели бы все зима была! сказалъ Петруша, послъ того какъ онъ игралъ въ сивжки и катался на горъ въ санкахъ.

Ошецъ его приназаль ему сіє желаніє записашь въ записную нишжку, и онъ шо мсполниль.

Зима прошла, наступила весна.

Петруша сшояль съ ощцомъ своимъ подль одного цвьтника, въ которомъ розы, лилеи, гіяцинты и нарциссы разцвытали; и быль внь себя отъ радости.

Весна цвъшы сіи съ собой приносить, сказаль ошець, съ ней они и пройдушь.

Ахъ, ежели бы все весна была! от въчалъ Петрупа.

Отецъ вельть ему и сіє желаніе записать въ книжку, и онъ записаль.

Миновала весна, льто настало.

Въ одинъ прекрасной день Петруша съ своими родителями и нъсколько другихъ робятишекъ потли въ ближнюю деревню и цълой день тамъ пробыли.

Вокругъ ихъ видна была зеленая пажишь и долины, множествомъ цвътовъ испещренныя, и луга, на которыхъ индъ играли ягнята, индъ бодрые жеребятки прыгали.

Тупть они вли вишни и другія льтомъ растущія ягоды и проводили время очень весело.

Не правдали сказаль ошець возвращаяся домой, что и льтомъ можно имьть множество забавъ.

Ахъ! отвъчалъ Петруша, я бы желалъ, чтобъ всегда было льто!

И сіе желаніе записано было въ запис-

Напоследовъ пришла осень.

Вся семья ошправилась на несколько дней въ виноградные сады.

Не было уже шакихъ жаровъ какъ лъшомъ; но воздухъ былъ благорастворенной и небо свътлое.

На лозахъ виноградныхъ висбли зрблые

грозды, на грядахъ лежали благоуханныя дыни, а въшви деревъ ощъ спълыхъ плодовъ нъ землъ приклонялись,

Тушъ-що любо было Петрушт, которой до всянихъ овощей великой былъ охошникъ!

Сіе прекрасное время скоро минешъ, сказалъ ошецъ; зима уже на дворъ и осень проходишъ.

Ахъ! сказалъ Петруша, я бы желалъ, чтобъ вима никогда не приходила, и чтобъ все стояла осень!

Право бы шы шого желаль? спросиль ошець?

Право, отвъчаль онъ.

Но посмошри, продолжаль ошець, вынимая записную книжку изъ кармана, посмошри, что здрсь написано; на, читай!

"Я желаю, чтобъ всегда зима была.,, А воть на этой страниць прочитай что написано?

"Я желаю, чтобъ всегда весна была.,, А вощъ на этой?

"Я желаю, чтобъ всегда льто было.,, Знаешь ли ты, примолвиль отець, чья рука это писала?

Моя, отврчаль Петруша.

А чего же шы шеперь желаешь?

"Я желаю, чтобъ всегда была осень.,, Но это очень чудно, сказаль отець, зимою ты желаеть всегдащией зимы, весною всегдашней весны, льшомъ всегдашняго льша, а осенью всегдашней осени?

Подумай, чему изъ сего слъдовашь должно. ,, Что всъ времена года хороши. ,,

Конечно шакъ; чшо вст они преисполнены радосшію, преисполнены разными для насъ дарами, и чшо Богъ лучше умтешъ управлять свтомъ, нежели мы слабые человти!

Естьли бы прошлая зима въ швоей воль состояла, то бы у насъ ни весны, нильта, ни осени не было.

Ты бы землю покрыль врчнымъ снргомъ, для того только, чтобъ играть въ снржки и кататься съ горы въ санкахъ; и сколькихъ же безчисленныхъ другихъ удовольствій ты бы насъ лишилъ.

Щасшливы мы, что не въ нашей воль состоить управлять свытомь, мы бы съ получениемъ власти сей тотчасъ его разрушили.

петрушинъ отвътъ.

Дорогой школьникъ шелъ
И финикъ онъ нашелъ:
Къ сласшямъ ребяща падки,
А финики вишь сладки,
Такъ школьникъ финикъ съблъ,
И финикъ школьнику гораздо полюбился,

А въ немъ нашелъ онъ кость. Мой школьникъ въ мысли углубился: Знашь эти ягоды, онъ мыслить, могуть рость;

Конечно это свия; Чвиъ разиножается ихъ племя; Такъ эту косточку я въ землю посажу, И погляжу,

Что изъ того родится; Авосьлибъ ихъ у насъ и много расплодится.

Пришель домой и прямо въ садъ Бъжишъ мой школьникъ безъ огладу, Пответь и копаетъ гряду, Какъ будто ищетъ кладъ. Отецъ его на эту пору

Зашель и сына зришь въ шрудахъ, Канъ крошъ копаешъ нору,

И держить косточку въ зубахъ. Узналь отець трудовь причину

И говорить онъ сыну:

Мой другь! напрасно шрудъ швой пропадешь: Ты финики сажаешь;

Долгонько ихъ прождешь! знашь шы еще не

Что это дерево едва чрезъ дватцать льтъ Съ плодами поспъваетъ.

Узнавъ по голосу отца, Привсталь, и стерши поть съ лица, Петруша отвъчаеть:

Коль время наградишь мои шруды, Часть І. Чего я ожидаю, Такъ я съ шого, чшо нынт насаждаю, При сшаросши вкушу плоды.

PACKAЯНІЕ.

Машь.

О чемъ шы плачешь, Машинька?

Машинька.

Ахъ, матушка, посмотрите, что я нашла въ Библіи!

Машь.

Такъ шы объ эшомъ плачешь? да чиожъ шакое, раскажи мнb, душинька.

Машинька

Ахъ, подумайте! они распяли Жриста какіе злые люди!—а Онъ, какое милосердіе!— Онъ и на кресть-то за нихъ молится! Они наругались надъ Нимъ, а Онъ, умираючи, говорилъ: Отче! помилуй ихъ, они не въдающъ что творятъ.

Мать.

Нравится тебь это, что **Хрис**тосъ и за враговъ своихъ молился?

Машинька.

Конечно, сударыня. Какъ чаю молишва Его была пріяшна Вогу!— и я думаю Онъ вподлинну эшихъ людей просшиль.

Машь

А шы вчера разсердилась на Ивана за шо, чшо онъ изломаль у шебя игрушку, шакъ чшо и просшишь ему не хочешь; разсуди же, душа моя, хорошо ли эшо ?

Тушъ Машинька ошъ сшыда закрыла лице свое ручонками и прижавшися жъ машери горько заплакала.

подарокъ теткъ въ день ея именинъ.

Севодня множество мнв из радостямь при-

Севодня, шешушна, день вашихъ именинъ, Изъ всъхъ моихъ вещей желалъбы я конечно, Вамъ лучшую ощдашь, любя васъ шакъ сердечно.

Ни чоть я не могу шакъ много дорожишь, чего бъ вамъ не хошоль ошь сердца подаришь. Но какъ ни хочешся, однако это чудно, Есть вещи у меня, а выбрать очень трудно.

Врновь и изъ пвршовь мир песшринькихъ соплесыв,

И шешушкъ моей любезнъйшей поднесть: Изъ розъ и васильковъ, которы разцвътаютъ? —

Но ахъ! цвршы, цвршы шакъ скоро увядаюшъ!

Съ ясминами въ кустовъ мий дапъ въ пода-

И выбрашь лучшинькой? — Но нbшъ! любви моей,

Аюбви шоль искренней, любви чисшосердечной,

Кустокъ есть слабой знакъ, весьма недолговъчной.

Ахъ, вошъ что! парочку прекрасныхъ птичекъ вамъ, Чтобъ пъли здъсь онъ, я, тетушка, отдамъ; Вчера на гнъздышкъ поймалъ яихъ легонько,— Но ахъ! лишь чирнаютъ онъ, и то тихонько!

Такъ чтожъ мир подарить? одно еще, одно: Воть сердце вамъ мое! хоть молодо оно, Однако же цвртку подобно не увянеть, Покуда будеть жить, всегда любить васъ станеть.

фіялка и терновой кустъ.

Ни мало не гордяся
Своею прасошой,
Расшя и веселися,
Довольная собой,
Фіялочна въ льсочив
Не въ пышносши была,
При шерновомъ пусшочив
Смирнехоньно цвъла.

Одиножды терновникъ Свазалъ цвътку сему: Я знаю кто виновникъ Веселью твоему; Конечно ты щитаеть, Здъсь крате нъть тебя, О какъ ты мало знаеть Бъдняжечка себя!

Взгляни какъ роза рдвешъ Красиво средь луговъ, Царицы видъ имвешъ Она между цввшовъ! Тебя здвсь и не видно, Не слышенъ запахъ швой! Какъ можешь шакъ безсшыдно Ты хвасшащься собой?

Фіялочка смиренно. На ръчь сказала ту: Я здось уединенно
Въ спокойствіи цвоту;
За многимъ не гоняюсь,
Завидовать порокъ;
Довольно коль щитаюсь
Я добринькой цвотокъ.

Хошя не проливаю
Я запахъ въ цълый лугъ,
Однако наполняю
Имъ малый свой округъ;
Не ръдко осшавляешъ
Румяный розовъ цвъшъ
Пчела и прилешаешъ
Съ меня брашь сладкій медъ.

Ошъ солнечнаго зноя
Пасшушка ушомясь,
Для хлада и покоя
Въ мъсша сіи склонясь,
Не ръдко воздыхая
Творца благодаришъ,
Чшо сладко ошдыхая
Фіялочку въ нихъ зришъ—

Сосъдушка, пріяшель, Не должно намъ ропшашь; Вселенныя Создашель Умълъ кому чшо дашь. Безумно наше чвансшво Прошиву Вожьихъ двлъ: Онъ posb даль убранство, Мнв малой бышь велвль.

Р**ъ**ЗВЫЙ МАЛЬЧИКЪ

Зрвлище для двтей.

Двиствующія лица:

Господинь Златогоровь.

Николаша, Златогорова десятильтній сынь. Фединька, племянникь Златогоровь, сирота, воспишываемый имь, однихь льть съ Николашею.

Маша, дочь Злашогорова, девяти льть.

Лизанька (двь маленькія барышни, прівхавАнюта шія въ'гости къ Машь.

Федотка, осмильтній мальчикъ.

явление первое,

Николаша и Фединька.

Фединька, (сидя за столомо и пишути.)

Врашецъ! не ужъ-що шы цриой часъ все играшь будещь?

Николаша. (рвзеясь и прыеая круеомв по еорницв.)

Еще немножко!

Фединька.

Но шы забыль, что въ четыре часа надобно намъ отдать переводъ свой любезному нашему Ивану Карповичу?

Николаша.

Еще крошечку!

. CANHENA

Предоброй учишель! какъ онъ всегда радуешся, когда видишъ насъ прилъжными.

Николаша.

Ну еще немножно, прошечку!

фединька.

Вошъ ужъ шри чешверши бъешъ; мнъ осталось дописать только два слова, такъ я и гошовъ. Вошъ и конецъ!

Николаша. (бъжить къ столу.)

Канъ? ужъ шри чешверши било? ахъ каная бъда! канъ мнъ успъть!

фединька.

Вишь я шебъ говориль.

Николаша.

Теперь я стану какъ можно спішить; авосьлибо еще успію. — Смотри! ужъ три строки написаль! — воть какъ у насъ машуть! то-то любо! (при сихо словахо вскакиваето ото радости, опрокидываето тернильницу и заливаето свою бумагу). О какая біда! что я сділаль!

Фединька.

Какой шы шалунь, Николаша! Николаша

Право это не нарочно.

Фединька.

Не нарочно? объ этомъ никто и не думаеть; кто станеть нарочно это дълать? —однакожъ отъ шалости, братецъ, отъ великой ръзвости. Этотъ порокъ сильно въ тебъ укореняется.

Николаша.

Я поскорве снова начну; можно еще успвшь. (пишеть опять несколько строкь; кагается на стуле, размышляя о словахь, и опрокидывается на взнигь) ай!

Фединька.

Опять новая шалосшь! Николаша, Николаша, вишь шы эшакъ голову себъ проломишь можешь!

Николаша.

Провлятой стуль!

Фединька.

Скажи лучше: проклятая різвость и бідной стуль! посмотри, ты его изломаль: матушка за это спасибо не скажеть

Николаша.

Пропаль я! какъ мив бышь со своимъ переводомъ? — брашецъ голубчикъ! не осшавь меня, дай мив списашь съ швоего перевода.

Фединька.

Списащь ? да какая шебъ отъ этова

Ниволаша.

Ну чтобъ учитель на меня не осердился.

.

Не ужъ ли ты думаеть, что онъ этова не примътить? да хотя бы и не примътиль, какъ смъть от него это утаить? стыдно! вить то хотъть его обманывать.

Николаша (заплакаев.)

Да какъ же бышь, — что мив скажеть Иванъ Карповичь, когда ты ему свой переводъ покажеть, а я нвтъ?

Фединька.

Послушай, брашець! все что я для тебя сділать могу, состоить въ томъ, что я не хочу въ глазахъ любезнаго нашего учителя бышь лучше тебя: вотъ смотри! (издираето свой переводо). Пойдемъ теперъ на верхъ и сважемъ откровенно Ивану Карповичу, что мы севодня літивы были, и что завтра постараемся быть приліжніте.

Николаша.

Ну спасибо шебь, брашець! (цалуеть его вь плето).

ABYEHIE BLOLOE

Прежніе в Маша

Mama.

Фединька! Иванъ Карповичь позволиль тебъ остаться здъсь въ низу. Лизанька съ Амьютою будуть по мнъ въ гости, и мы копимъ, чтобъ и ты былъ съ нами.

Николата.

А обо мир шт не просила?

Маша.

Нъшъ брашецъ!

Николаша.

Для чегожъ нъшъ? онъ шебъ шолько двоюродной брашъ, а продной.

Mama.

То то и худо, что ты родной братецъ, а поступаеть такъ, что любить тебя не льзя столько, какъ двоюроднаго.

Николаша.

Да что я тебь сдълаль?

Mama.

Со мною можешь шы обходишься какъ хочешь, я не о себь говорю; но мнв жаль, чшо шы самъ себь вредишь, двлая шо, чшо ни одинъ человых не хочешь бышь съ шобою вивсшь.

Николаша.

Упожь шаное я долаю?

Mama.

Что ты дълаеть? все безъ разсудку: безъ ума талить, безъ пути ръзвиться. Когда ты войдеть въ горницу, то можно объзакладъ удариться, что какая вибудь непріятность случится: либо ты что нибудь изломаеть, либо раздереть, либо замараеть, либо такой шумъ подниметь, что ути прокричить, либо помътаеть намъ играть, либо начнеть браниться. Вст постороннія дъти за тъмъ не талиться. Скажи правду, что что лизанька съ Анютою севодия сюда пріткать объщали. Скажи правду, Фединька, хороть ли онъ и каково поведеніе его?

фединька.

Я надъюсь, что онъ исправится. Такъ ли Николаша.

Николаша.

Върно шакъ; во всю мою жизнь впередъ шаковъ уже не буду.

фединька.

Просши ему и позабудь, сестрица, его проступки! я пойду съ нимъ къ Ивану Карповичу и попрошу, чтобъ онъ позволилъ
ему остаться съ нами въ низу, я ручаюсь

за него, что онъ будетъ себя вести порядочно. (уходито со Николашею).

Mama.

Я желаю, чтобъ это такъ было.

ABAEHIE TPETIE.

M а m а. (одна)

Братецъ Фединьна очень хорошъ!—коли бы братецъ Николаша шаковъ же былъ! (она ставито стулья по містамо, вытираето столо, и гитаето лоскутки бумаги, лежащіе на полу). Теперь нажется все порядочно?—мно думается—(стугатся во двери, и она біжито туда).

явление четвертое.

Маша, Лизанька и Анюша

Маша

А! здравсшвуй, милая Лизаньна! здравсшвуй милая Анюшушка! (обнимаются и цалуются).

Акзанька.

Мит нажения, и ужъ цтоой годъ съ тобою не видалась!

A H 10 III a.

Въ самомъ дълъ давно ужъ: почши при недъли.

Mama

Безъ малова: въ прошедшее воскресенъе было ровно двр недрли, какъ и у васъбыла.

явленіе пятое.

Прежнія, Фединька и Николаша. (Фединька устиво кланяется гостямь; Николаша прыгая и распъвая вбъгаеть въ горницу, и не смотря на прівэжихь барышень вскакиваеть на стуль, стоящій подлів его сестры).

Николаша (поетъ.)

Лай, лай, лай, веселись Николай!
Вашъ, башъ, башъ, севодни шабашъ!
(оно хогето вскогить на плеги ко сестре своей, которая не могши его удержать присъдаето, ото тего оно упадаето со стула и сбиваето ее со ного долой).

Фединька.

Николаша, Николаша! что ты опять напроказиль? (всё они прибёгають поднимать Машу).

Николаша.

Ничего, бездълица! (повертывается на одной ногв и насинаето опять прыгать).

Лизанька.

Ахъ, моя душа! не ушиблась ли шы?

Кажется нътъ. Не осердитесь, мои ми-

аж, что это случилось: вы видите, что е я этому причиною.

А н ю ш а. (цалул ее).

Hbmъ ничего, коли шолько шы не ушибнась.

Mama.

Нътъ, ужъ прошло. Сядемше, мои милыя. (фединька для каждой изъ нихъ ставить стуль).

Лизанька.

Не трудитесь!

фединъка:

Никакова шруда нъшъ!

Mama.

Фединька охошно это двлаеть. (подаеть ему руку во знако ласки). Я бы желала, чтобъ братецъ Николаша такъ услужливъ былъ, какъ онъ.

Николаша.

O! я буду севодня очень услужливь: шы увидишь ошо. (двека приносить тайной приборь). Напримъръ я стану разливать.

Маша.

Чтобъ опять что нибудь изломать! пожалуй оставь это мнв. (наливаетв и подаетв сахарницу кругомв). Кому угодно сахару?

Лизанька.

Благодарствую, моя душа! мы привыкли пить безъ сахару.

Никола ша.

Такъ инъ я за всъхъ возьму. (хватаетъ кусокъ за кускомъ, такъ сто сестра напослъдокъ принуждена отдернуть отъ него сахарницу просъ).

Mama.

Какъ шебъ не сшыдно, Николаша!-

Николаша.

Я пошутить хотбль. Ты увидить, что мно столько не надобно—(хотеть сахарь положить назадь вы сахарницу, но поступаеть при томы такы неосторожно, сто до половины выпитую ташку свою проливаеть Анють на платье).

Анюша

Ахъ, боже мой!—навъ я пришедъ домой поважусь машушкъ? что мнъ дълать?

Маша.

О какой бъщеной! (къ Николашъ) да ужъ по крайней мъръ не стой какъ столбъ: принеси поскоръе стаканъ воды. (прежде нежели Николаша съ мъста тронулся, фединька уже побъжаль за водою),

Анзанька.

Говорять лучше всего былымы платкомы вышереть. Воть у меня чистой платокь— (оны подходять ко Анюты: Лизанька держить, а Маша вытираеть. Между тымо Николаша, словно како бы ему до слугившагося никакой нужды не было, продолжаеть пить тай и

выливаеть всв сливки изь молошника къ себв въ сашку. Фединька приносить стакань воды).

Лизанька.

Теперь ужъ не надобно воды; благодаримъ тебя, милой Фединька. Мы ужъ вышерли, послъ можно замышь.

Маша

Кажется теперь хорошо: посмотри, Лизанька, почти ничего не льзя примътить.— (показываеть ей залитое мъсто у платья).

Лизанька.

Чушь видно, а когда высохнешь, шань и совсьмь будешь не примышно,

Аню ша.

Ну слава Богу! а я было испугалась: новое плашье, и машушка за него дорого заплашила.

Mama.

Сядемъ опящь, мои милыя; (кв Николашв) а ты пожалуй будь отъ насъ подалве. (хотеть наливать, но находить молошникь пустымь, и смотрить на Николашу). Это право такъ невъжливо, какъ не льзя больше! (кв Фединькв) Подумай, между твмъ какъ мы тамъ хлопо-тали, онъ всв сливки изъ молошника выпиль! (Фединька взглядываеть на него съ неудовольствемь). Ахъ! я было и забыла. Севодни одна изъ дввушекъ нашихъ именинница, она

Часть I.

давича принесла во мић прекрасной врен дель,—(фединькѣ, которой всталь со стула и хогеть идти) прикажи ево къ намъ подать, да также и сливокъ еще принести.

Лизанька

Для меня не надобно: я ужъ сшолько напилась чаю, что не хочу больше.

Аню ша

А я шакъ напугалась, что не могу пишь.

Mama.

Чтожъ намъ дълать? не поигратьли не множно?

Лизанька

По мив пожалуй. Да во чтожъ мы станемъ играть?

Николаша.

O! я много знаю игоръ! въ жмурки — въ гулючни—въ короли—

Лизанька.

Съ вами играшь мы не хошимъ.

Николаша

Для чего?

Лизанька.

Для moго, что мы любимъ глаза свои, носъ, руки и ноги.

Маша.

Вошъ Фединька идешъ—у него спросимъ, во что играть.

явление шестое.

Прежніе и Фединька.

Лизанька.

Мы васъ дожидались, чтобъвы сказали, какую намъ игру начать.

Фединька.

Я оставиль на дворь маленьнаго музыканта; ежели вы хотите, такъ онъ намъ что нибудь съиграеть или споеть.

Mama.

Маленькаго музыканша? маленькаго музыканша? да кшо онъ шакой? ошкуда шы ево взяль?

Лизанька,

Это очень, очень хорошо! съ Фединькой право весело быть вмрстр: онг умреть нанъ угождать.

А и ю ш а.

А я навъ люблю, когда поющъ или шанцующъ!

Фединька.

Да мы же еще и добро сдвлаемъ: это бъдной деревенской мальчикъ, которой ходитъ съ гудкомъ и сбираетъ милостыню. Я посулилъ ему пять копъекъ, и онъ объщалъ мнъ за это цвлой часъ играть.

Лизанька.

Нъщъ! нъшъ! пусть всякая изъ насъ дасть ему особливо что нибудь.

Аню ша.

Всякая, всякая особливо.

Фединька.

Такъ позвашь его сюда ?

Позови, позови, да гдф онъ?

Тамъ у ворошъ стоишъ. (уходитв).

явленіе седмое.

Прежніе.

(Дъвка приносить крендель. Николаша хотеть ухватить е́го съ тарелки, однако Маша ему въ томъ препятствуеть).

Николаша.

Ну что? я хотвль только его раздвлить!

Mama.

Оставь это на мое попеченіе; ты бы также хорошо разділиль какь сливки. (разламываеть крендель на сетыре куска, подносить двумь гостьямь, береть сама, и тарелку съ остальнымь кускомь ставить на столь).

Николаша.

Это мнв? (хогеть взять сь тарелки).

Маша. (отнимая прось оную).

Погоди, еще Фединька не кушаль. На вошь шебь по поламь со мною! (отламываеть оть своего кренделя и даеть ему).

Аню па.

Прекрасной крендель! оставте пожалуйста Фединькъ, а не то, я ему свой кусокъ отдамъ.

Лизанька

И я свой.

явленіе осмое.

Прежніе, Фединька и Федопка съ гудномъ.

Фединька.

Вошъ я привелъ къ вамъ своего музыканша.

Маша.

Ошнудова шы мальчинь?

Федошка.

Изъ деревни Скудихи.

Лизанька.

Есть ли у шебя отецъ и машь?

Федопка.

Мачка померла, а бачка живъ еще.

Аню ша.

За чвиъ же шы сюда пришель?

Вишь ты, бачка хворъ; работать никому; исть ницаго; такъ я брожу съ гудкомъ, да хлибъ добываю.

Mama.

Ну-ка съиграй намъ что нибудь.

Федошка.

Пожалуй изволь, боярышня; шольно я не горазно въ ившомъ смышліднъ; мараную да не много.

Фединька.

Играй, какъ умбешь! для насъ шы довольно хорошо будешь играшь. (Федотка налаживаеть свой гудокь, Анюта между тёмь подаеть Фединькъ тарелку съ остальнымы кускомы кренделя, которую онь принявь держить въ рукахъ. Федотка пробуеть смыскомь, нагинаеть играть и припъваеть).

Парнишко я бидной,
Гудить не гораздъ:
Грошишко кто мидной
Мнъ смилуясь дастъ,
Тому, мой гудоцыкъ,
Спасибо ты спой.
Што хлибца кусоцыкъ
йонъ далъ намъ съ тобой.
Своимъ прибобудкомъ
Михей говоритъ:
Съ пустымъ де жолудкомъ
Струна не брянцитъ.

Фединька.

Ага бъдняжка! видно шы голоденъ: на вошъ шебъ кусокъ кренделя.

Федошка.

Нишъ, боярцыновъ: эшо самъ ишъ. Мнъка дай ломшикъ цорнова хлиба съ солью.

Федицька.

Возми когда шебь даюшь. Черной хльбъ и самъ какъ и шы всть умыю.

Федошка.

Ну инъ спасибо! шолько я ишова не стану топерь исть: отнесу бидному бачат свому: іонъ обрадуется.

Mama.

Бъдному опцу? жаль мнb, чшо я уже свой кусовъ събла!

Амзанька,

Для, лего шт не притет сюча немнож-

Анюта

у меня еще половинка осталась. На! отдай и это отцу своему.

Федопка.

Ой нишъ, приврасная боярышня! ишъ сама. Полно ему и одново ишова полизашь—вешь ишо не цорной хлибъ.

Аню ша.

Събшь самъ этотъ нусонъ.

Федошка.

Нишь, нишь; ужь кали милосшь швоя такая, такь я лутце возму оба съ собою; заверну въ плать. (ищеть). Ека парень! платчишко свой забыль въ жупань. Кабы клоцокъ бумашки.—

Mama.

Постой, я тебь дамь чистой платокъ.

Между шты пусшь крендель швой полежить покамтств на окнт.

Федопка.

Дильно, преузорочная, дильно; спасеть тебя Богь! ну топерь я гудить стану? Фединька.

Съиграй-ко, съиграй намъ еще чшо нибудь.

Федоптка.

Исть у меня заздравная писенка; яна не наша крестьянска, не шакъ што бы оцень толковита; однако я всю знаю набумъ. Бач-къ моему написаль ее какой-то грамотей. (играеть на гудкъ и прилъваеть):

Не въ нъгъ я родился, Не въ роскоши я жилъ, Рабошалъ и шрудился, И хладъ и зной сносилъ. Терпя различны муки Боролся я съ судъбой, Мои суровы руки Не знали что покой.

Я солнечнаго всходу Ни разу не проспаль, Въ жестовую погоду Укрышься не искаль; Но плугомъ раздирая Утробу я земли, То дрогнуль промокая, То весь горбль въ пыли.

За разными трудами
Меня зрвлъ солнца бвгъ,
Здвсь твердыми ствнами
Одвлъ я дикій брегъ;
Тамъ каменные домы
Воздвигнулъ для другихъ,
Чуть крышку изъ соломы
Имвя для своихъ.

Земную жилу роя,
Въ пещерахъ погребенъ,
Я солнечнаго зноя
И свъща былъ лишенъ;
Въ количесшвъ премногомъ
Я злашо находилъ,
Но въ рубищъ убогомъ
Весь въкъ мой проводилъ.

Однакожъ въ ото время, Бывъ молодъ и здоровъ, Не чувствовалъ я бремя Сихъ тягостныхъ трудовъ; Безъ всякаго излитку Довольно собиралъ, Кормилъ свою семьитку, Пилъ, блъ, и сладко спалъ. Но младость промелькнула, Ее ужъ больше нътъ, Сворбь люшая согнула Упругій мой хребеть. Мой одръ, гдъ я стоная, Убогъ, лежу и сиръ, Злой смерти ожидая; Сталъ нынъ весь мой міръ!

(Дъти слушають со вниманіемь, приходять постепенно вы жалость, подступають ко нему ближе и утирають глаза свои наполненные слезами. Между тъмь Николаша прыгаеть кругомь, подбъгаеть ко тарелкъ и съъдаеть на ней два куска кренделя).

Фединька. (взлев Федотку за руку)

Бъдной малой! по этому ты весьма нещастливъ!

Mama.

Отець въ нищеть, при смерти, а сынъ еще такъ маль: какое жалостное состояние!

Федошка.

Нишъ, боярышня: я ужъ шаки слава Богу великонекъ: смогу бродишь. А какъ исшь кусокъ хлиба, шакъ мнв и полно, и бачку на кормлю. Вошъ бида какъ хворосшь нападешъ: ну шогда Богъ подасшъ. А вишь коли господь по душу пошлешъ, шакъ и ницаго не надышь, кромв ямы, а ямъ-шо вездв много.

Mama.

Доброй малой! шакъ шы доволенъ своимъ сосшояніемъ?

Федошка.

Я не знаю, боярышня, што ты басть. Мата

Ты не шужишь о шомъ, что шы бъденъ? Федошка,

О цомъ тужить? лишь бы бачив Богь даль здоровья, а то я и гадки не маю.—Што ищо што ли мнв погудить?

Фединька.

Какъ вы думаете? мнb кажется довольно. Надобно ему дать что нибудь. (ищеть у себя въ карманъ денегь).

Лизанька.

Постой, мы всв сложимся. Вошь мои пять копбекь.

Аноша.

Вошъ и мои.

Mama.

Вошъ, Фединька, два пяшикоп вишника. Ты своего не давай.

Фединька.

Нътъ, этова удовольствія я не хочу у себя отнять. (береть у встх деньги и отдаеть ихь федоткъ).

Федошка.

Нишъ, ишова много! куда мнъ столько!

шы, бояринъ, посулилъ мит пяшь коптекъ: съ меня и будишъ.

Фединька.

Возми, возми; мы шебь это охотно и съ радостію даемъ. Возми, не отговаривайся.

Федошка.

Ну коли шакъ, заплаши вамъ господи! (къ Машъ) шы боярышня, хошъла мнъ влоцокъ бумашки пожаловащь.

Mama.

Ахъ! чушь было я не забыла. — (вынимаеть изь комода бълый платокь): Вошь шебъ! онъ не множно шоновъ, однаво можно въ него завернушь.

федопка.

Нишъ, нишъ! куды мнв шакой дорогой плашъ? я ни смвю взяшь.

Маша.

Возми не бось, возми! машушка позволила мнр ошдашь ево кому хочу.

• е до m к а.

Ну инъ помилуеть тебя Богь, боярытня, помилуеть Богь! (идеть ко окошку, взять крендель, и между тъмо кладето гудоко свой на поло).

Mama.

Постой, я пособлю тебь завернуть.

Федощка. (песально.)

Да тутотка ницаго нить!

Mama.

Какъ? что это? Николаща, Николаща, върно ты.

Николаша. (смутясь)

Да, я задумавшись съблъ-я забыль, что это ему отдано было.

Маша.

О какой несносной баловень! фуй, брашецъ, какъ это можно.

Федошка.

Не бранись, прикрасная боярышня; ну какъ жо бышь; мало ли цаго бываешъ; бида не велика.—Нишъ ли у васъ свижаго яицка, я бы бидному бачко своему отнесъ.

Фединька. (съ великою досадою.)

А я дуракъ еще за него просилъ!—сестрица голубущка—дай мнв въ займы.—

Маша. (вынимаеть изв кармана кошелекь, сто двлають также Лизанька и Анюта.)

Я тожъ самое думала. На тебь!

Лизанька.

На и мои.

Анюша.

На еще и мои — (каждая по грошу кладеть фединькъ въ руку, которой все отдаеть федоткъ).

Федошка.

Царь небесный! Царь небесный! O! иmo ужъ съ лихной много! Фединька. (съжалостным в сердцем в протлеивал ему руку.)

Какъ бы я желалъ дать тебь ньчто болье! но—я такой же сирота, и живу чужими благодьяніями? — пятикопьищникъ свой я тебь отдаль.

Федопка

И! Творецъ мой милосердой!—и! бояринъ, доброй бояринъ! да на штожъ ты себя обижаешь? возми пятакъ свой назадъ.

Фединька.

. Не печаль меня и-поди.

Федошка.

Господь пошли шобь! Богь надвли шобя и здоровьемъ и живошомъ!

Н в в о л а ш а. (подумов ивсколько.)

Постой, постой немножно! я пойду и принесу также ему что нибудь. (сказаво сіе бъжито ко двърямо, наступаето ото неосторожности на гудоко, лежащій на полу, и его раздавливаето). О какая бъда! (уходито испугаєщись).

Федощ в а. (ослинующие на судова сеой.)

Охши мий, пропаль и бидной! гудовъ мой! гудовъ мой! охъ што со мною поприпцилось! (льти избясляють страхь свой и песаль); безталанный и! все мое житье бытье!— пымъ топерь стану и кормить бачку? вись изломался! вись въ кусоции! што мий ди-

лашь? ой! што мнb горюхи дилашь? (пласеть и рыдаеть неутьшно).

Маша

О какой безпушной шалунь! — право — я не знаю — у меня ужъ ничего ньшъ больше — развь — Фединька, брашецъ! —

Аизанька.

у меня есть еще два грошевика: на тебь!

Федотка, (продолжая плакать.)

Спасещъ Богъ, моя милосливая боярышня, хоша на ипо гудка и не купишь. — О бидной бачка мой!— юнъ пяшнашцать лить на нюмъ гудилъ.—

Аню ша.

На—все что у меня есть! (высыпаеть изь кошелька, но въ немь нитего нъть, кромъ нъскольких денежекъ и полушекъ.)

М в ш а. (отошедь ко мошеску, во которомь работа ел лежала.)

Вошь мой серебряной наперсшокь. Поди бъдной малой, продай его; я могу и мъдной употребить.

фединька.

Постой, бъдняжка! я кочу также тебъ помочь. (наклоняется выстегиваеть у себя серебренныя пряжки и даеть ему.) У меня останутся еще томпаковыя. — За это дадуть тебъ рубли два или три. Покойница матущка мнъ ихъ пожаловала. (Маша по-

даеть ему наперстокь, а Фединька пряжки, но онь не принимаеть).

Федопка.

Ника, ника, кудымно съ эстимъ! яни смою: ища бачка подумаеть, што я утащиль гдо нибудь, оть цаво боже упаси!

Mama.

На, я meбb говорю, на, возми мой наперстокъ!

Фединька.

На, возми мои пряжки—или я разсержусь—на, возми!

Маша.

Ежели шы не возмешь, шо.-

Федошка.

Ну што мни правотко дилать?—о владыко царь мой!—да вить ито, бояре, вамъ самимъ надыть, а вы мника отдаете?

Фединька.

Пожалуй не забошься: Богь насъ за эшу малосшь щедро наградишь. Тебв и ощцу швоему всшь нечево; я благодаря Бога сышь, и у меня нвшь ощца, кощораго бы кормишь надлежало.

Mama.

Поди, поди скорбе нъ ощцу своему.

Да возми хошь шы, боярышня, напир-

Mama.

Нъшъ, нъшъ, нъшъ!

Амзамька

Приходи когда нибудь въ намъ, мы шебъ шакже что нибудь подаримъ.

A H m m .a.

Да, да, приходи; а мы живемъ подлъ самаго мосту.

Федонка.

Заплаши вамъ Господи, милосливые мон доброхоты! — Охъ! — шолько яни знаю какъ бышь — кабы гудишко мой цълъ былъ — не взялъ бы я, нишъ, не взялъ бы ни зашшо. —

Фединька.

Пересшань хлопошать! поди, брдняжка, поди, покуда башюшка не пришель.

Федопка

Вашъ бачка? — іонъ топерь сюда буде ?

Да, поди, поди!

Федошка. (секозь слезы.)

Охь!—охъ! што дилать, надыть взять! ну да какъ іонъ васъ за ито бранить станетъ?—ау право, то то добрые, то-то милосливые бояре!—(уходить).

явление девятое.

Маша, Лизанька, Анюша, Фединька.

Аизанька.

Какъ мнb жаль вашихъ пряжекъ! Часть І.

A n no ter a.

Мы у васъ перенимань станевъ.— • с д в в ь к в

О ившъ! не у меня: я самъ это пере-

Mama.

Ежелибъ я небя не любила, брашецъ, такъ бы я не достойна была имфть у себя такова родственника. Ты своимъ примъромъ сдълалъ меня гораздо лучшею, нежели я была до тъхъ поръ, понудова ты не жилъ у насъ въ домъ.

Фединька (важимал ей рукою роть.)

Эй Машинька! накъ шебъ хочешся меня слыдить?—однакожь какъ намъ бышь, сиазапь ди башюшив о севоднишнихъ Николашиныхъ поступкахъ? онъ себя очень дурно велъ.

Matua.

Я право не знаю—мы ево опечалимъ—а! да вопъ и самъ онъ. —

явленіе десятое.

Прежніе; Златогоровь, Федотка. (дъти нъсколько смущенно сбираются всъ въ куску; Маша и Фединька смотрять съ нъкоторымъ изумленіемъ на маленькаго Федотку.)

Злашогоровъ. (къдвумъ еостыямь.)

Здравствуйте, мои дорогія! насилу вы къ моимъ дътямъ прівхали. Здоровъ ли вашъ батюшка и матушка? Анзань на

Слава Богу, сударь.

Анюша.

Они приназали вамъ планяшься.

Злашогоровъ

Эшошь мальчивь на дорогь увязался за мною и нейдешь ошь меня прочь. Я не знаю, чево ему хочешся. (ко федоткв) Ну говори, малюшка, чшо шы мнь шакое лепешаль?

Федошка (кв Машв и Фединькв.)

Не погивнись на меня, мой милосливой боярциновь, и шы, моя милосливая боярышня, ради Хрисша не погивнишесь! не могу и инова гриха на душу приняшь, шшобъ шайкомъ ошъ вашева бачки шшо нибудь у васъ взящь: я видаю, шшо дишя безъ спросу ощца своего ницаво даващь не можишъ.

Злашогоровъ

Что пакое вы съ нимъ дълали?

Ницаво, цесной бояринъ, ницаво худова! все доброе! — итопъ боярциновъ кликнулъ меня съ улицы, штобъ я на гудишив своемъ посмыцалъ. Тутъ былъ другой боярциновъ, не такой доброй накъ итотъ. —

Златогоровъ

Онъ это про Николашу говоритъ?

Не погибвись, шшо я шакъ баю: шшожъ дилашь, коли надышь сказашь? я здика сшою и гужу знашъ шы какъ смышлю: милосливыя дишки швои, вошъ ишошъ боярцинокъ и боярышня, пожаловали мни колацика и плашъ во шшо завернушь, да надавали мни шакую куцу денегъ, шшо я и смешы не дамъ.

Злашогоровъ

Hy?

Федопка.

Ну шушъ пришолъ другой боярциновъ не такой доброй какъ ишошъ и съцлъ у меня калацъ, кошорой хошилъ было я снесшь къ моему хворому бачкъ: и шо бы нишъ ницаво, да вишъ шы на биду гудишко мой лежалъ на полу, а юнъ расбижался, да насшупилъ на ево и раздавилъ въ кусоцки.

З латогоровъ, (кв Машв и Фединькв.)

Правда ли это, дђти? (оба они поту-пляюто глаза.)

Федошка.

іонъ не нарокомъ ищо сдилаль: не сердись на ево.

· Златогоровъ.

Тебъ за гудовъ швой заплашящь, мой другь, не шужи! все ли шы свазаль ?

Федотка.

Нишъ ища, бояринъ, выслухай меня—я стою знашъ ты и горько плацу, какъ вошъ ити дътии Твои—Господъ Богъ помилуетъ ихъ—сълихвой хотили вывесть меня изъ изъяна.—Прикрасная ита боярышня отдала мни

жа свой серебрянной напирстокъ, а доброй итпотъ боярцинокъ свои сиребряныя пряжки. Только я не хоцу взять ихъ, нитъ!—бачка мой подумаетъ ища, што я ихъ укралъ! я вслухался, што ты сюда идетъ, то и хотимъ тобъ объ итомъ сказать: я видаю, што у робятъ своему быть нецаму, и безъ отца брать у нихъ не пригожо. Нитъ, владыко меня отъ итова сохрани! хоща бы гудитко мой и пропалъ—охъ! мой гудокъ! охъ! бидной бачка!

Злашогоровъ.

Боже мой—я не знаю—тебя ли мив, или васъ, любезныя мой двти, обнять прежде?— но нвть! тебя, безпорочная душа, тебя прежде!—подойди ближе, дай мив прижать тебя къ моему сердцу!— въ совершенной бъдности—въ крайней нищетв—и такъ честенъ! (обнимаеть его).

Федотка.

Цаму дивищца, бояринъ? бачка мой цасто мнт бантъ, живи правдою, не завидуй цужому, и помни всегда эту прибабудку: тотъ не богатъ, у ково много палатъ: а тотъ не убогъ, ково любитъ Богъ. "Вотъ кабы ты кормилецъ мой смиловался, да купилъ мнт другой гудишко, такъ бы и вся бида прошла.—На, возми назадъ напирстокъ свой и пряжки!

Злашогоровъ

Знаешь ли что мальчивь? останься съ нами: ты воть отому боярчинку (указывая на Фединьку) служить будеть, а тамъ посмотримъ.

Федошка.

Итому пормильцу? — ты въ забыль баетъ? — о! я радъ умереть съ имъ! (бъжито съ великою радостію поцаловать руку у Фединьки, но вдруго останавливается и говорито петально), а ктожъ бидново бачку моево кормить станетъ! я буду здрсь набивать брюко, а юнъ одинъ голодной сидрть будетъ? нитъ ито не дило!

Завиогоровъ

Предоброй малой! ито твой отецъ?

Федопка.

Хворинькой старицовъ; іонъ цуть живъ и ужъ не сможетъ бродить: я своимъ гудишкомъ хлибъ ему добываю, не въ доволь правда, ну да цаво иногда не добуду, такъ Богъ терпънье дастъ.

Златогоровъ.

Хорошо! я и ощца твоего также пристрою; у меня не годалену отсель въ деревнъ выстроена для престарълыхъ и увъчныхъ крестьянъ моихъ больница, гдъ за ними смотрятъ и всякое попечение имъютъ; я тамъ ему дамъ мъстечно. Ф с д о щ в в. (св радостным в приком в бреал въ грезвысцином в восторев по горницв.)

О царь мой небесный!—мать пресвятая Богородица!—бачка! бачка! я тебь радость принесу!—нить не смогу больше! серцо у меня въ пазухъ такъ и прыгаетъ!—пустите! побъту, побъту къ нему! — о сердешной мой бачка!—о—хъ! о!—(уходитъ).

Златогоровъ (утираеть себь елаза и у двтей текуть слезы по зицу.)

О любевныя деши мон! наной для насъ щастливой день! вамъ благодаренъ в за эту радость. (садится). Подите но мив, дайте мнв себя обняшь! (всв брасаются кв нему и ивсколько минуть продолжается душеумилительное молганіе) Ты, Фединька, (положа на щеку ко нему свою руку, которую сей со великимо жаромо цалуеть.). Ты отнынь будь сынъ мой, исплинный мой сынъ! шы досщоинъ въ сердцъ моемъ имъшь одинаное мьсто съ другимъ моимъ сыномъ: попеченія мои о шебр не будущь ни въ чемъ различны ошть попеченій моихъ о немъ. (обнимаеть фединьку, которой охвативо его руками безмолвено висито у нево на шви).-О ежели бы Николаша мой шаковъ быль какъ шы!--да гдв отопть шалунь?

Когда онъ по неосторожности наступилъ на гудокъ, то испугался и ушолъ отсель. Анзанька.

Вошь онъ.

явленіе послъднее.

Прежніе; Николаша.

(Николаша входить сь потупленными глазами, держа вь рукахь кусокь золотаго позументу: взглядываеть изь подлобья и видя другихь дътей вь объятіяхь отца своего, со стыдомь останавливается).

Злашогоровъ.

Что пы нейдеть ко мнb, Николаша? Николаша.

Не могу-батютка!

Злашогоровъ.

Для чего ?

Николаша.

Я недосшоинъ шакой любви ошъ васъ, какую вы имбеше къ другимъ вашимъ дбшямъ.

Златогоровъ.

Сердце твое тебя въ томъ уличаетъ? (Николаша пласеть) поди во мнь! я знаю все, что ты сдълаль.

Никодаща.

Нъщъ — ежели бы все знали — вы бы не спали говоришь со мною пакъ милоспиво. Накажите меня, батюшка! я заслуживаю быпь наказанъ.

Злашогоровъ

За что ?

Никола ша. (снатала не можеть от слезь промолешть.)

Я—во всемъ вамъ признаюсь. — Сперва вмъсто того, чтобъ сидъть за переводомъ, я скакалъ все по горницъ, и затъмъ урока своего не могъ доканчить. — Фединька былъ такъ добръ, что не желая отличить себя передомною, изодралъ для меня свой переводъ.

Злашогоровъ (ласкаеть Фединьку.)

Предоброе дишя!

Николаша.

Потомъ выпросиль онъ мнв у Ивана Нарповича позволение остаться внизу, и отввчаль за меня, что я конечно ничего худаго
не сдвлаю. — Но лишь только сошли мы
внизъ, какъ я вспрыгнуль на стуль, упаль
съ него и уронилъ сестрицу на полъ.

Злашогоровъ

Эшова я не слыхаль!

Николаша.

Ахъ! от еще не все! послъ того пролиль я чашку чаю на Анютино платье, и между тъмъ какъ другіе старались его вытирать, я о томъ ни мало не заботился, и выпиль всъ сливки изъ молошника.

Златогоровъ.

Въпреность и скорость пвоя не допустили тебя разсудить, что это непристойно и дурно?

H m n o z a m e.

Да, башюшка сударь!—пошомъ съблъ я крендель убранова мальчика, и когда побъжалъ ошсель съ шьмъ, чшобъ принесшь ему шакже чшо нибудь, шо насшупилъ на ево гудокъ и раздавилъ.

Злашогоровъ

Что же ты въ сердир своемъ чувству-

Никодаща (есхлипывал.)

A-axb!

Злащогоровъ

Я увбрень, что ты все это саблаль не нарочно и безъ умыслу; однакожъ отъ вътрености, от прометчивости, от того. что ты никогда о другия своих не размытляешь. Разсуди сколько шы досадиль другимъ! и каная бы могла произойти изъ того бъда, ежели бы швое щастіе, или паче мидость божеская тебя оть оной не избавили? себя самого и сестру свою могь шы убить; браной мальчинь и отець его хворый старикъ отъ тебя лишились бы своего пронишанія: оть тебя! — подумай это, ты бы причиною быль ихъ голода, можешъ бышь ихъ смерши-ты, мой сынъ!-Дътская ръзвость и необузданность хотя не есть насшоящій порокъ, однакожъ дурная, очень дурная привычка, ошь которой часто такоеже зло приключается, какъ и отъ самого порока. Ежели ты все таковъ будеть — николата.

Нътъ, башющия сударь, нътъ, и никогда шаковъ не буду!

Злашогоровъ

Дай Вогъ, чипобъ шы слово свое сдержаль.— Да чипо это у щебя за позументь въ рукахъ?

Николата

Я спороль ево съ моей старой шляпы, и котбль отдать этому мальчику. Я по всему дому искаль васъ батюшка, чтобъ вамъ объ этомъ сказать, но не могъ найти; а другова у меня ничего не было.

Злашогоровъ.

Ну это не вина.—Пойдемте, любезныя дъщи, въ матери вашей, и сважемъ ей какой севодни у васъ былъ празднивъ. Какъ я сожалью о тебъ, Николаша, что сердце твое въ нашей радости неприметъ никакого участія!

дъвушка, любившая тюльпаны.

Одной осмильшней дьвушив нравилась чрезмырно въ саду ощца ем гряда, усаженная шюльпанами.

Подобно пригожей бабочив перелешывала она ошъ одного цввшка из другому и не могла довольно ими налюбоващься.

Между шћиъ нивогда не пеклась она о коренъяхъ сихъ цветовъ.

Однажды пришла осенью въ садъ къ своему ошцу въ шо самое время, когда онъ всв шюльпаны велвлъ поломашь и осущенныя луковицы снова посадить въ землю.

Съ велинить смущениемъ и удивлениемъ смошрвла она на рабошу ошца своего.

Напоследовъ жалкимъ голосомъ сказала ему:

Ахъ, башющия! что вы это такое сдъзали?

За чомъ вы.... (туто она прослезилась), за чомъ вы всо прекрасныя тюльпаны поломали, и выосто ихъ насадили такихъ негодныхъ луковицъ?

Отець отврияль ей, что она не знаеть для чего это дрлается, и хотрль ей растолковать, что сіи луковицы суть коренья, изъ которыхь въ будущую весну новыя тюльпаны выростуть; однакожь Анвушка (такъ называлась сіе дитя) повтореніями жалобъ своихъ не дала ему ни слова выговорить.

Ошецъ видя, что она въ сіе время не въ состоянів была его выслушать, веліть ей замолчать в идти домой.

Послі того, когда бывало зимою стануть говорить о цвітахь, то Аннушка всякой разь вздохнеть и сама про себя тихонько скажеть; куда жаль, что башющка приказалъ испоршишь шаную прекрасную гряду съ шюльпанами!

Пришла весна, выросли шюльпаны.

Аннушка не была еще въ саду; совъшу-

Долго не соглашалась она и говорила, что она съ шъхъ поръ, какъ поломали тюльпаны, не находить въ саду никакова удовольствія.

Напоследовъ однакожъ пошла.

Канъ велино было ея удивленіе и радосшь, когда глазань ея вдругь сшольно пушисшыхь шюльпановь предсшавилось!

Сперва въ радостномъ смущении стояла она неподвижно, потомъ бросилась въ объятия въ своему отцу и благодарила его, что онъ велълъ вырыть луковицы и насадить опять тюльпановъ.

Ошецъ увъряль ее, что этова не было, но что тюльпаны выросли изъ тъхъ самыхъ луковицъ, которыя она въ прошлую осень видъла какъ ихъ садили.

Этова она не могла понять, покуда отецъ не показаль ей того выдернувъ изъ земли одинъ тюльпанъ и съ луковицею.

Тогда Аннушка усшыдясь стала у него просить прощенія въ томъ, что прошлую осень такъ безразсудно жаловалась на его поступки.

"Я тебъ это охотно прощаю, душа моя,

"ла, какъ легко могушъ ошибашься дъши, "когда они пересужающъ поступки возму-"жалыхъ людей.

"Я надъюсь, что сіе привлюченіе сдь"лаеть тебя такь осторожною, что ты
"впредь скорье въ собственномь мивній сво"емь усумниться, нежели станеть хулить
"дъла такихъ людей, которые и старье
"тебя и искуснье.

Такъ, башюшка сударь, ошвъчала Аннушка, я впредь конечно шакъ посшупашь буду, и ежели когда покушусь счесть себя разумнье другихъ, то тошчасъ вспомню о шюльпанахъ.

Отець по просыбь ся принуждень быль сдрать ей врерь, на которомь съ одной стороны нарисованы были разбросанныя тюльпанныя луковицы, а съ другой прекрасной пукеть изъ тюльпановъ.

Даже предостерегаеть она разговорых маленькой своей подружки, (съ симъ добрымъ намбреніемъ, чтобъ то ей также къ исправленію служило), и когда та начнеть о чемъ нибудь разсуждать скоро и не подумавти, то она тотасъ покажеть вберъ и потепчеть ей дружески на ушко: сестрица голубутка, а тольпаны!

николашина похвала зимнимъ утъхамъ.

Хопъ весною И тепленько, А зимою Холодненько, Но и въ спужь Мив не хуже: Въ зимній холодъ Всякой молодъ, Всв игривы, Всв шупливы: Въ долгу ночку Къ огонідчку Всь сберушся, Стары, малы, Точашь балы И смвюшся... А какъ машки Придупъ свяшки, Тупъ-то грохопъ, Игры, хохоть; O rarie Тупъ дурные На игрищи Есть личищи! А плушишкамъ Ребяпишкамъ Тамъ и нравно

Гдв забавно, Гав пирушки, Гдв игрушки, И гдв смвхи, Скачки, пляски, Прсни, сказки, Всв утвхи. А снржки-шо? Комъ свернися! А коньки-то? Сшань, кашися! А солавии? -Эй ребята! По подвязки Нада съ браща: Привлжите: Ну! везите: ъдемъ въ Пишеръ. Я пусть кучеръ, Вы лошадки Ръзвоноги ---Прочь съ дороги! Держи право! Ай ребяшки! Ну ужъ браво! Накашались, Наигрались, Вилошь до ночви; Не видали Какъ часочки

Пролешали. Тольколь двла Что натайся? Чьмъ изволишь Забавляйся: Отъ ученья За веселье, Ошь веселья За ученье. Всяко время, Мив не бремя, И зимою Какъ весною, Слава Богу, Не скучаю, Но вкушаю Радость многу.

СОФЬЮШКА И МАТЬ

Машъ

Для чего Аннушка пошла ошъ шебя съ слезами прочь, а шы сидишь одна и шанъ пасмурно?—что ты мнв не отввчаеть? Софью шка.

Ахъ! машушка, сударыня—

Что такое? те запинаещься? это не доброй знавъ. Часть I.

Digitized by GOOGLE

Софьюшка.

Ей хошрлось моей кунлы — машь.

Hy!

Софью шка.

А и не дала ей.

Машь.

Не дала? да развъ нувам съ щобою здъсь не было?

Софьюшка,

Была.

Машь

Или тебь самой играть хотьлось?

Софьюшка

Hbms.

Машь

Такъ развъ Аннушка неосторожно поступаеть съ куклами и ломаеть ихъ?

Софьюшка

Нъщъ, я у нее недавно изломала куклу. Мамъ.

Канаяжъ была причина, что ты не да-

Софьюшка

Такъ-мив не хотвлось.

Машь.

Тебъ не хотвлось сдълать сестръ своей удовольствия? этова я от тебя никогда не ожидала.

(Софью шка плачешъ) Машь

Не плачь; слезами не поможень. Скажи мнр лучше, какъ это было. Сперва прозьба ея тебр не понравилась, и ты хотрла, чтобъ кукла твоя была при тебр; такъ ли? Софьютка.

Такъ, машушка.

Машь.

Ты не разсудила, что ты отказомъ своимъ сдълаеть сестрь неудовольствие, такъли?

(Софьюшка плача.)

Такъ сударыня.

Машь.

Но шы видишь, чио случаешся съ шъми, которые не хотять другимь дълать удовольствія. Она пошла от тебя и запланала—ты осталась одна—веселоль тебь было?

(Софьюшка плача.)

Нъшъ, машушка.

Машь.

Ошъ чевожъ невесело? ошъ шово ли, чио шы сдълала хорошо; или ошъ шово, чио худо?

(Софью шка плача.)

Ошъ шово, что худо.

Машь.

Конечно шанъ: хорошо сдълавши не льзя бышь печальну, а худо сдълавши не льзя быщь

веселу. Давъ ей свою куклу шы бы сдълала ей удовольсшвіе; шакъли по швоему?

Софъюшка.

Такъ сударыня,

Машь

Помнишь какъ она радовалась вчера, когда шы уступила ей свои каршы?

Софьюшка

Помню, сударыня.

Машь

Вишь и шебь самой весело шогда было на нее смошрьшь?

Софьюшка

Весело.

Машь.

А теперь весело ли meбb сидвть здвсь одной?

Софью пка.

Ахъ, нъшъ сударыня.

Машь

Ну такъ ты видишь, что всевозможнымь образомь должно стараться всякому дълать угождение. Помни впередъ, что когда тебя о чемъ просять, а ты могши то сдълать и не сдълаеть, такъ лишишься собственнаго своего удовольствия. Когда бы ты сестру свою утъшила, то не сидъла бы теперь потупя носъ одна въ углу.

услуги снискивають любовь.

услужливой Федюта пошель съ сосвдомъ своимъ Васею искать цввтовъ. Оба они на дорогу съ собой взяли по пирожку.

Въ полъ встрвшилась съ ними бъдная женщина, а за нею бъжалъ мальчишко и плакалъ.

Ахъ, милое дишяшко, сказала она Bacb, пожалуй мальчишкъ моему кусочикъ пирожка; онъ ужъ цълыя сушки ничего не ълъ.

Мив самому всть хочется, отвычаль Вася, и отвернулся отв нее.

Но что сдрлаль Федюща?.... Онъ хотя самь быль голодень, однакожь видя мальчишку въ слезахъ отдаль ему весь свой пирожовъ. Мальчишко самь себя от радости не помниль, и мать стала за Федющу Богу молить.

Попюмъ мальчишко побржаль и показаль ему одно мрсіпо, гдр много было цвріповъ. Федіоша рваль, а мальчишко ему помогаль.

И такъ Федюща возвратился домой съ большею вязью цвртовъ, а Вася-съ маленькою.

На другое ушро пошли они за шрмъ же самымъ, и съ ними былъ еще шрешій мальчикъ, Мишюша.

Какъ они отошли нъсколько, то Митюша сказалъ: братцы! я потерялъ пряжку, пособите мнъ ее сыскать.

Мить недосугь, ошвычаль Вася, и побыжаль далье. Федюща, ворошился назадь и сшаль съ Мишюшею искащь пряжки.

Они скоро ее нашли, и пошомъ шанже побржали за цвршками.

Мишюща сколько ихъ ни нашелъ, подарилъ вст шому, кшо пособилъ ему сыскашь пряжку, а другому ничего не далъ.

Такимъ образомъ и въ этотъ день Федютъ больше досталось цвътовъ, нежели Васъ; отъ того тель онъ весело домой, а тотъ пасмурно.

На третій день пошли они тудаже иснать цвіщовь, но на дорогі встрітился съ ними тоть мальчишно, которому Федюта от даль свой пирожовь, и у него было много пригожинькихь цвітковь, которые всі подариль онь Федюші; ибо онь нарочно для него ходиль ихь искать.

Вася хошьть было шакже нарвать себь ньсколько цвьтковь, но не нашель ни одного. пошому что мальчитко уже всь ихъ-сорваль.

И такъ у Васи въ этоти день не было ни одного цвътка.

А какъ они возвращались домой, шо всшръпился съ ними маленькой Мипюша.

"Пойдемъ пожалуйста нъ намъ, у насъ "въ саду севодня будетъ много ребятишенъ "и мы станемъ играть.

"И башюшка мой шебя очень полюбиль! "онъ велълъ мнъ шебя позвашь; онъ самъ "хочешъ севодня съ нами играшь, и много "новыхъ игоръ намъ покажешъ.

Фединька съ радосшію побъжаль къ нему въ садъ; а Вася.... принуждень быль съ скукою осшашься одинь, пошому что ево туда не звали.

Тушъ узналъ онъ, какъ корошо бышь ласковымъ и услужливымъ прошивъ каждаго! Онъ сшалъ шаковъ, и съ шого времени шакъ ко какъ и Фединька сдълался всъми любимъ.

шутъ и извощикъ.

Шуть однажды тель черезь поле.

На пуши встрошился сънимъ извощикъ, которой по весьма каменистой и негладкой дорого лошадей своихъ такъ гналъ, что они принуждены были божать во всю прыть.

Могули я, спросиль онъ у шута пробзжая мимо его, севодня къ вечеру посибть въ городъ?

Шутъ отвъчаль: ежели ты тише поъдещь. Этоть человъть конечно не въ своемъ умћ, подумалъ извощикъ, и погналъ лошадей еще болће.

Къ вечеру шушъ возвращаяся по тойже дорогъ назадъ, нашель этова извощика опять почти на томъже мъсть и въ великихъ хлопотахъ.

Ошъ шого, чшо онъ по каменью гналь, изломалось у него колесо.

И такъ онъ принужденъ былъ съ коляскою остаться на одномъ мъстъ и тупъ ночевалъ.

Не говориль ли я meбb, сказаль шушь, что надобно bxamь mume, ежели хочешь поспbть въ городъ?—

Этотъ же шуть имбль чудную привычку смбяться, когда идеть на гору, и плакать, когда съ горы на другую сторону спускается.

Для чего бы онъ ото двлаль?

Когда я на гору всхожу, сказываль онь, то помышляю о пріятной долинь, въ которую съ другой стороны горы спускаться буду, и заранье тьмь увеселяюсь.

А когда на низъ схожу, то думаю, что, скоро другая гора на пути мнр встретится, и напередъ представляю себр трудъ, которой буду я имрть всходя на оную. Не худо было бы, примолвливаль онъ къ тому всегда, естьлибъ вср люди во время щастія и нещастія своей жизни тожъ дрлали:

меньше бы они въ щасшіи были горды, а въ нещасшіи малодушны.

BECHA.

Полно, полно прятать нось: Теплый дышеть вътеровь, Минуль холодь и морозь, Распускается листовь:

Таюшъ снъги на горахъ, Ръчки быстрыя текутъ, Травки и цвътки въ лугахъ Зеленъяся растутъ.

Вьешся ласшочка кругомъ, И, какъ въ моръ корабли, Долгимъ шянушся гужомъ Длинноноги журавли.

Слышенъ пшичекъ звонкій гласъ, Веселишся взоръ и грудь: Всякой день и всякой часъ Вновь увидишь что нибудь.

Тамъ раскинулся пучокъ, Тамъ соловушка запълъ, Тамъ явился червячокъ, Тамъ листочикъ зашумълъ. Изъ просшой шравинки шамъ Незабудка сшала вдругъ, Зелень зришся по кусшамъ, Испещренъ цвъшами лугъ.

Зашрубиль пасшухь въ рожокъ, Заблеяль барашинъ мой, Сначешъ прямо на лужокъ: Ахъ нанъ весело весной!

молодой вынь лгунь.

Одинъ молодой бынъ имблъ дурную привычну всегда лгашь.

Когда онъ събольшими быками на пасшвъ былъ, що находилъ глупое удовольсшвіе въ шомъ, чшобъ ихъ пугашь и надъ ними смъяшься.

Онъ пряшался иногда за нусшы и вылъ по волчьи.

Сшарые быви услышавъ вой прибъгали шошчасъ шуда, чшобъ не допусшишь волка поймащь кошораго нибудь изъ молодыхъ быковъ.

Однако на томъ мъсть, гдъ слышанъ былъ вой, ни ково они не находили, кромъ этова молодова быка лгуна, которой всегда въ сіе время притворялся, будто онъ спитъ.

Они скоро примъшили, что это онъ

проказничаеть, и не стали ему съ што коръ ни въ чемъ въришь.

Въ одинъ вечеръ эшошъ молодой быкъ лгунъ, поудалившись нъсколько ошъ нихъ, нечаяно увидълъ насшоящаго волка, кошорой изъ за-кусшовъ выскочилъ.

Онъ не могши ошъ него ни уйши, ни обороняться, подняль ужасное рычанье.

Му! му! му! рычаль онь; що есшь помогише, помогише, волкь!

Однакожъ изъ сшарыхъ быковъ ни одинъ не разсудилъ за благо къ нему бъжашъ, думая, что онъ ихъ опящь обманываетъ.

Тогда голодной волкъ напалъ на него, ужващилъ за горло и началъ его жращь.

Ахъ! умирая сказаль онь со вздохомь, какъ худо бываешь швмъ, кошорые обманываюшь другихъ!

ФЕДЮША,

которой хогеть быть Княземь.

Федюща говориль всегда: я хочу быть Княземь.

Для чего? спрашиваль у него ошецъ.

Тогда вст люди стануть мит давать деньги, ответствоваль онь, и должны будуть исполнять мою волю. Въодно время идучи по улицъ случилось Федюшъ увидъть, что двухъ разбойниковъ въшають. Сіи нещастные привели его въ жалость и онъ спросиль у своего дядьки:

'За что ихъ умерщвляють? гдв Князь? и для чего онъ сіе терпить?

Сказали ему, что доброй Князь не только сіе терпъть, но и повельвать должень.

Для чего это? спросиль Федюща.

Для moro, ошвочаль ему, чио подданные его не будушь безопасны ошь разбойниковь, ежели сихъ не сшанушь наказывашь.

Онь эшо поняль.

Посло сего не слышно было, чтобъ онь когда нибудь пожелаль быть Княземъ; а говориль всегда, что онъ купцомъ быть хочеть.

Для чегожъ не Княземъ? спросилъ у него опецъ.

Нъшъ, отвъчалъ Федюща, неравно опять придутъ разбойники, и мнъ надобно будетъ приказать ихъ повъсить, этова я не могу!

Такъ, моя душинька! сказаль ошецъ, чъмъ выше сшепень, шъмъ шрудное должности.

Кшо благоразуменъ, шотъ дълаетъ какъ ты шеперь; не шщится быть большимъ человъкомъ, для шого, что съ великими достоинствами сопряжены всегда великіе труды и попеченія.

Сему научиться можно изъ басенки: Осель и Верблюдь. (см. выше, сшран. 79).

жудыя слъдствія неопрятности.

Тимоша быль изрядной мальчикь; учился прильжно и слушался своихь родишелей.

Да шолько имблъ шощъ одинъ за собой поровъ, что небережливъ былъ на платье и ходилъ всегда неопрятно.

Иногда у него руки грязны, иногда ногпи не острижены, иногда лице замарано, иногда рубашка черная, иногда чулки опустились, иногда кафтанъ засусленъ либо изодранъ.

- Самыя прекрасныя вещицы, которыми отець и мать его дарили, въ рукахъ его не долго были прекрасны: онъ ихъ либо запач-каетъ, либо изломаетъ, либо потеряетъ.

Хошя ему и очень чувсшвишельно было слышашь, когда бывало его за шо осуждали, шакъ чшо онъ неръдко ошъ шого плакалъ, однако шакую уже сдълалъ къ сей лъносши и нераденію привычку, чшо всегда въ шошъ же порокъ опяшь впадалъ.

Въ одинъ день бъгалъ онъ съ бращцами и сестрицами своими по саду и пошерялъ пряжку.

Лоть ему было подумать хорошенько, не вспомнить ли гдо это случилось, и пойти туда поискать; а между томъ безъ пряжки ботать неловко, башмакъ сваливается.

И такъ сталь онъ просить пряжекъ у

братца своего Николаши, которой быль вы сапогахъ.

Услужливой Николаша позволиль ему взяпь свои пряжки, и сказаль гдb онb лежашь.

Тимоша побъжаль скорве домой, схвашиль Николашины пряжки, засшегнуль ихь кое какь на скорую руку, спвша обрашно въ садъ, и черезъ часъ мвсша и шв опящь пошеряль.

Какъ бышь? гдв взяшь пряжки? на другой день ошецъ его узналъ объ эшомъ и сказалъ ему: ну Тимоша! я шебв много разъ говорилъ, не будь шакой рохля.

Вошъ шы не шолько свои, да и брашнины пряжки пошеряль. Когда шы вещей своихъ беречь не хочешь, шакъ будь безъ нихъ. Безъ пряжекъ выходишь не льзя: и шакъ сиди дома.

Тимоша заплакаль.

Другь мой, сказаль ощець, самь шы слезь своихь причиною. Мий очень жаль шебя, да нечего драшь: купишь шебр пряжки, ощо бы было пріучашь шебя къ шому пороку, за кошорой я давно уже шебя осуждаю, и ошь кошораго, ежели бы шебя кшо ошъучишь могь, я бы шому шысячу пряжекь дашь не пожальль.

Башюшка сударь, сказаль въ слезахъ Тимоща, я знаю, что я виновать, очень виновать, и буду конечно стараться исправить себя; но поли вы не просшите меня, и не пожалуете мив пряжень, такь я цвлое лвто должень буду не выходить изъ горницы.

Я шебя охошно прощаю, сказаль ошець, да шолько не могу шебь помочь. Ты самь на себя навлекь эшу великую бъду, шо и должень самь себя ошь ней избавляшь.

Ахъ, башюшна сударь! да навъ могу н этмо сдълать?

Я радъ вивств съ шобою думать о способв, сказаль отець. Мнв помнится—да! врядъ можно ли найши лучше этова способа, мнв помнится, мать швоя выучила тебя вязать снурки: ежели ты ихъ столько навяжеть, что продавъ можеть за эти деньги купить себв пряжки, тогда надвнешь ихъ и свободенъ будеть выходить изъ дому.

Какъ ни шяжко было для Тимоши сидъть дома и вязать снурки въ то время, когда другія дъти гуляють, и хошя этова не могь онъ сдълать скоро, однакожъ радъ былъ, что покрайней мъръ имъещъ надежду когда нибудъ побывать опять въ саду.

Онъ шрудился весьма прилъжно надъ снурками, и не одинъ разъ далъ себъ върное слово впредъ бышь осшорожное и опряшное.

И дрисшвишельно нрсколько времени посль того быль таковь; но пряжки были уже куплены, горе прошло, старая привычка береть всегда силу надъ трми людьми, ко-

шорые ей кошь чушь усшупающь, забывая сколько ошь ней посшрадали; Тимоша ръдко приводиль себь эшо на памящь, и шакъ опусшился опящь по прежнему.

Между шъмъ башющка его, машушка, брашцы, сестрицы, и еще два сосъда ихъ съ своими семьями, собирались ъхашь къ одному пріяшелю своему, которой жилъ от нихъ верстахъ въ пящидесящи.

Давно уже сговаривались они бхашь къ нему въгоспи, но все какъ-то не удавалось.

Порздна эта обрщевала много пріятности и веселія, а особливо для дршей.

Во первыхъ это было въ самую лучшую льтнюю пору, когда уже многія ягоды поспьли; во вторыхъ для лучшаго удовольствія положено было вхать рькою на большемъ суднь; въ третьихъ дьтей было такое множество вивств и всь между собою дружны; наконецъ въ четвертыхъ господинъ этоть, къ которому вхали, быль человыкъ также семьенистой, жилъ на прекрасномъ мьсть и имълъ у себя большой садъ, гдв было множество всякаго рода ягодъ, и сверхъ того еще пруды, качели, бесьдки, рощицы и разныя увеселительныя мьстечки.

И шакъ для дъшей ощо былъ большой праздникъ: онъ очень обрадовались, какъ услышали, чшо день къ ошъъзду уже назначенъ.

А больше вста радовался Тимоша, которой дружень быль съ дтшьми эшова госмодина, и кошорому очень коштось шуда ташь.

День насшаль, всв собрались; пришли сказать, что судно у берегу стойть готово: послали за двтьми, они всв прибвжали прыгая от радости, вътомъчислви Тимота.

Но наное нещастіе! вст дти одтим были порядочно, кромт Тимоши, у котораго намзоль быль залить чернилами, чулки съ дирами, шляпа вся въ салт, кафтанъ измаранъ, продранъ и пуговицы на немъ многія оторвались, а другія чуть вистли.

Ответь и мать увидя его покрасивли ответь стыда. Ответь взяль его за руку, подвель из большому зеркалу и сказаль: посмотри на себя, Тимоща, похожь ли ты на господскаго сына? не всякой ли, взглянувь на шебя, подумаеть, что ты поваровь сынь, и что должность твоя чистить на кухив кострюли?

Надобно о шебъ всякому сказывашь, чшо шы сынъ мой: безъ шого не повърящъ; да пришомъ еще и шо къ сшыду моему долженъ я воображашь, чшо всякой обо мнъ подумаешъ: вошъ какой ошецъ! какъ худо смошришь онъ за своими дъщьми!

Жаль мир шебя, но съ собою взяшь не льзя: шы долженъ осшащься дома.

Часть І.

Можно себь представить, каково было Тимошь услышать сіи слова: онъ весь побльднь, и минуту опуста залился горькими слезами.

Вст надъ нимъ сжалились; отецъ, сколь ни считалъ нужнымъ и полезнымъ для него такое наказаніе, однакожъ, видя жестокую печаль его и раскаяніе, хотть перемонить свое слово и взять его съ собою, дождавшись покуда онъ переодънется.

Но по нещастію хотя и можно было перемінить чулки, однако шляпа такъ была замарана, что трудно было ее вычистить; да притомъ хотя и было у него два кафтана, но другой отданъ былъ портному, которой не успіль еще починить его, для того что онъ также очень быль засуслень и изодранъ.

И шакъ ни какимъ образомъ не льзя было Тимошу взяшь съ собою.

Всь порхали, а онъ одинъ остался дома.

Трудно изобразить скуку его и горесть, какую чувствоваль онь во все то время, покуда побздка эта продолжалась: какъ не прекрасна была погода, онь ни разу не вышель изъ горницы, и даже не подходиль къ окошку.

Печаль его долго и тогда не прошла, когда уже всв вазвратились, для того что двти безпрестанно между собою разгова-

ривали и воспоминали mb веселости, которыя онb шамъ имbли, и всегда швердили: ахъ! накъ жаль, Тимоша, что шебя съ нами не было: что это за садъ! что за веселіе!

Случай этоть и долговременная печаль Тимошина послужили однакожь ему въ пользу. Испытавъ худыя слъдствія неопрятности, онъ приняль твердое намбреніе всегда себя осматривать, и мало по малу такъ пріучился въ чистоть, что уже никому въ томъ не уступаль.

Сперва ему нъсколько трудно было къ тому привыкать; онъ часто забывался, однакожъ вскоръ приводилъ себъ на намять какъ скучное вязаніе снурковъ, шакъ и пріятную для другихъ, а не для него, поъздку въ гости; и чтобъ чаще напоминать себъ о томъ, то вышвердилъ онъ слъдующую пъсню, которую бывало всегда пъвалъ.

Дъти, дъти! неотмънно Должно чисту быть всегда; И каменье драгоцънно, Естьли пылію покрыто, Естьли грязи въ немъ набито, Не годится никуда.

Чистота имбеть свойство Въ насъ раждать веселый нравъ; Легкость, здравіе, проворство,

Ловность, въжливость вселяеть; Вялость, грубость отнимаеть, Тьму приносить намь забавь.

На источникъ вы взгляните
И съ болошною водой
Воду чистую сравните:
Та подъ тиной въ ямъ плачетъ,
А сія бъльясь скачетъ
По каменьямъ съ быстриной.

можно исправиться, когда твердо того захочешь.

Вамъ, дъши, впадшія, по нещасшію въ кажую либо худую привычку, вамъ во утьшеніе скажу я ньчто, изъ чего бы вы увидьли, что всякой порокъ исправить можно, когда только твердо того захочеть.

Маша, премилая довочка, до шести лошъ возраста своего была утбхою своихъ родителей.

Пошомъ, не знаю какимъ образомъ, заняла она негодныя повадки, приличныя шолько шъмъ собакамъ, кошорыхъ называемъ мы злыми и сердишыми.

Когда бывало услышить она, что ее за дурныя поступки не хвалять, то всегда надувала губы. А когда кто нибудь возметь нъчто изъ ел вещей, то она бросалась на того съ такою злостію, что рада была его укусить.

Есшьли прикажущь ей сділать, чего она не хочешь, или отнажуть въ томь, чево ей хочется; то она или заворчить нахмуривтись, или идучи съ сердцемъ изъ горницы хлопнеть изо всей силы дверью.

Съ шъхъ поръ ощцу своему и машери наводила она великую печаль, и не было ни одного человъка въ домъ, кошорой бы ее любилъ.

Хошя часто приходила она въ раскаяніе, и сділавши худо иногда горько о шомъ планала, однакожъ впередъ ошъ шого не воздерживалась.

Въ одинъ вечеръ (ото было въ святки) вбъжала она за матерью, которая въ покрытой корзинкъ принесла нъчто, въ другую комнату.

Машь не хошя, чтобъ она туть была, вельда ей вышти вонъ: туть-то насупилась она и хлопнула дверью такъ сильно, что окна задрожали.

Спусшя полчаса машь кликнула ее къ себъ. Какъ удивилась она, когда вошедъ увидъла, что вся комната освъщена была, а по срединъ стоялъ покрытой столъ и на немъ множество разныхъ игрушекъ лежало! Она не могла выговорить ни слова.

Подойди ближе, Маша! сказала машь, и прочитай вошь эту бумажку, для ково все это сдълано.

Маша подошла и развернувъ бумажку, которая поверьхъ игрушекъ лежала, нашла въ ней сіи слова: тихому дитяти во награжденіе за его послушаніе. — Она тотчасъ потупила глаза и не сказала ни слова.

Ну, Маша! спросила машь, для ковожь это?—Не для меня, отвриала Маша, и слевы навернулись у нее на глазахъ.

Вошъ здъсь другая бумажка, сказала машь, посмошримъ, шушъ не о щебъли сказано.

Маша прочишала: упрямому и непослушному дитяти, которое признается въ своемъ порокъ и захотеть исправиться—Это я, это я! вскричала она и бросилась съ горькими слезами къ машери своей на шею. Машь ея также заплакала и отъ печали, что видъла дочь свою въ худомъ поведеніи, и отъ радости, что привела ее къ раскавнію.

Ну шакъ возьми ихъ себь, когда они швои, сказала она помолчавъ носнолько, и дай Богъ, чтобъ шы сдержала швое шеперешнее объщание.

Нъшъ машушка, отвъчала Маша, я не хочу ихъ прежде взять, покудова не буду такова, какъ въ бумажкъ написано. Возъмите

вы ихъ къ себь, и шогда мнв пожалуйше, жогда я подлинно шаковою сдвлаюсь.

Сей ошвъшъ весьма обрадовалъ машь; она убрала всъ игрушки вь сундучокъ, и ошдавая ошъ него дочери ключъ, сказала: на, Машинь-ка, держи ево у себя, и когда шы сама въ себъ почувствуеть, что щы ничево худова не дълаеть, то бери себъ игрушекъ сколько кочеть.

Шесть неділь прошло, какъ Маша ни одново проступка не сділала, и вела себя весьма порядочно.

Посль того въ одинъ день приласиалась она нъ матери и печальнымъ голосомъ у нее спросила, можетъ ли она теперь взять нъсколько игрушекъ.—Возьми, душа моя! сказала мать съ умиленіемъ и поцьловала ее. Но скажи мнь, какимъ образомъ ощещала ты отъ своихъ дурныхъ привычевъ?

Я всегда ихъ имъла въ памящи, отвъчала Маша, и всяное утро и вечеръ молилась Богу, чтобъ онъ помогъ мнр от нихъ отстать. Такимъ образомъ въ короткое время они мнр омерзъли.

Машь пролила радосшныя слезы, Маша получила назначенныя ей игрушки, и вст въ домт сшали ее любишь.

И шакъ швердое намбрение и молишва могутъ и дътей избавлять от пороковъ.

Мать расказывала однажды сію щаст.

ливую перемвну при нвкошорой дввушив, кошорая шакимъже подвержена была порокамъ.

Она шакъ эшимъ была шронуша, что вознамбрилась шошчасъ последовать Машинькину примбру, чтобъ столько же какъ она сделаться любви достойною.

И сіе ей шанже удалось.—И шанъ Маша не шольно сама исправилась и сшала щасшлива, но сділала шо, чшо и другія діши глядя на нее исправлялися.

Кажоежъ дишя захочешъ самого себя и другихъ лишишь себя радосши?

КОЛЫБЕЛЬНАЯ ПЪСЕНКА

которую поеть мать какая маленькую свою докку.

Спи малюшка почивай,
Гласъ своихъ не оширывай,
Во младенчество своемъ
Ты не знаешь ни о чемъ:
Ни зелены что луга,
Ни песчаны что брега,
Ни что птички на кустахъ,
Ни что солнце въ небесахъ.

Время нынъ почивать; А какъ станеть выростать Мы пойдемъ среди луговъ, Мы нарвемъ себъ цвътовъ; И въ пріятный льтній часъ, Слыта птичекъ ньжный гласъ, Я къ груди тебя прижму, Сладно, сладно воздохну.

На зеленомъ шамъ лужку,
На песчаномъ бережку:
Иль съ крушыхъ высокихъ горъ,
Веселя свой умъ и взоръ
Мы природы красотой,
Въ умиленіи съ тобой,
Всей душей благодаря,
Воспоемъ небесъ Царя.

Ты шеперь еще мала,
Равнодушна для всего;
Какъ дочь машери мила,
Ты невъдаешь шого,
И шебъ и мнъ покой
Нуженъ намъ одинъ съ шобой,
Но шебъ лишь для себя,
Мнъжъ, мой свъшъ, лишь для шебя.

Стану, стану ожидать Съ нетерпвніемъ твхъ лвть, Когда можешь ты узнать, Что милвй тебя мнв нвть: Вырастай, мое дитя,

Будто розачка цветя, И во маду мово труда Будь утехой мне всегда.

надлежить быть довольну всемъ тъмъ, что уставила природа.

Ахъ! для чего шакъ жарко! говорила Аннушка машери своей, уширая пошъ съ разгоръвшагося лица—(день шогда былъ весъма знойной). Я насилу могу дышашь. —

"Для чего шакъ жарко, душа моя, объ эшомъ я шебъ черезъ нъсколько недъль скажу лучше, нежели шеперь, ошвъчала машь; а шеперь шолько шо напомню, чшо Богу шакъ угодно, чшобъ было жарко, и чшо эшошъ милосердой ошецъ ничего не дълаешъ, чшо бы не клонилось къ нашей пользъ.

Аннушка замолчала и поворила своей машери, пошому чшо она ей всегда правду говорила.

Она старалась терполиво сносить жарь, которой посло того еще носколько времени продолжался.

Прошель місяць Авгусшь, перестало быть жарко.

Прохладные въшерки и умъренная шеплоша воздуха вызывали всякой день Аннушку въ садъ прогуливащься. Всякой овощь уже поспыть и начина-

Аннушка удивлялась приманчивому наливу яблоковъ, грушъ и персиковъ: ничто не превосходило сладости ихъ вкуса, и самый медъ былъ для нея не слаще.

"Ахъ, машушка! какіе плоды Богъ намъ пожаловалъ! какой онъ милосшивой! какъ насъ любишъ!—,

Такъ, душа моя, сказала машь! а помнишь ли шы оногдась чушь было на него не подосадовала за шо, чшо онъ намъ ихъ даруешъ.

Знай, что самый тоть жарь, на которой ты роптала, даль пріятной румянець и сладкой вкусь плодамь.

И шавъ научись, душа моя, бышь довольною всемъ швиъ, что Богъ ни двлаеть; ибо рано ли поздо ли, всегда ты узнаешь, что онъ это сдвлаль хорошо.

ВАРИНЬКА и НИКОЛАША.

Николеша. (прибъжает на Варининь, которан сидвла ет саду ет бесьдив).

О чемъ шы шакъ грустишь, Варинька? все на свъть шакъ хорошо!—У меня ньтъ никакой печали, меня все всеслишь. — Ва-

шюшка и машушка насъ любяшь, игрушекь у насъ много. —

Варинька.

Акъ, брашецъ! и шы сшанешь шужишь, какъ услышишь. Вишь вст мои любезныя игрушечки изломались! и восковая куколка упала; вонъ и рука ее ощшибена лежишъ: какъ мнт не грусшишъ!

Николаша.

Жаль мив шебя, сестрица!—Да не все же объ этомъ соврушаться. Пойдемъ со мною, я шебя развеселю; скажу шебв про свою охоту: шеперь лишь шолъ я здвсь по саду и вдругь увидвль—о какъ мив было любо!—увидвлъ бабочку. Ну ужъ бабочка! какая пестринькая, пригожинькая! ахъ сестрица! шы бы на нее заглядвлась. И какъ она летала? то кверьху подымется то внизъ опустится, то на кусточкв сядеть, то ко цввтку прильнеть; вонъ и на этой розочкв она сидвла. Побвжимъ шуда, сестрица!

ВАРИНЬКА.

Побъжимъ, брашецъ. Постой: —Вонъ это не она ли сидитъ на гвоздичкъ?

николаша.

Она, она. Тихонько! Теперь уже ей ошъ насъ не улешьшь. Посшой шы шушъ, а я подкрадусь—Поймалъ! поймалъ, сесприца!

ВАРИНЬКА.

Покажи. Ахъ какая пригожинькая! она мнр милье моей куклы.

николаша.

Посадимъ ее у шебя въ горницъ, сдълаемъ ей изъ зеленыхъ лисшковъ посшельку, и сшанемъ ее кормишь ясминцами. На, сесшрица, возьми ее себъ.

ВАРИНЬКА

О любо!

николаша.

Видишь, что печаль и скука не долго продолжающся; Богь сердце наше сотвориль на радость.

кошка, мышь и мышонокъ.

Кошка (квлышонку).

Какой, о мышка, шы премиленькой зврочикъ! Не льзя увидрвши шебя не полюбишь. Поди къ мир, мой другъ, приближься на часочикъ.

Мышь.

Дишя! я не совъщую шебъ ходишь.

Komna

Пожалуй подойди. Я для швоей ушти, Смошри, вошь эши вст ошдамъ шебт орти.

Мы повокъ

Какъ можно ошъ шакой мнв ласки ошрещись? Пойду я, машушка....

мышь. Дитя, поберегись! Кошка.

Воть сахарь; я тебя сластями позабавлю, И блюдо цьлое конфеть тебь поставлю.

Вели мнb, машушка, на часъ сходишь шуда. Мы шь.

Пожалуй не ходи!

Мышонокъ.

Да чшо въ томъ за бъда? Кошка.

Подь, дурочка, не бось! Мышонокъ

Иду. . . ахъ пропадаю! Она душишъ меня!... ой больно! . . умираю! мыщь

Ужъ поздо! по дъламъ мучение неси, Совъща не принявъ спасенья не проси.

дитя и няня.

(Сперва одно дитя къ своей куклъ.)

Такъ, сударыня! вы не хотите меня слутаться? не хотите голову держать прямо? доброжъ! я на васъ осержусь, еще больше осержусь, нежели вчера осердилась на меня моя няня за то, что я ударила собачку. Няня (вошедь и услыша вл послёднія слова)

Нѣчто ты сердита, душа моя; не досадила ли тебъ твоя кукла?

Дишя.

Да! она не хочешъ голову держать прямо. н я н я.

Каная упрямица! но шы что-то ей говорила, какъ я сюда вошла?

Диши

Я... да.... а развъ вы слышали, чио я говорила ?

Няня.

Положимъ я не слыхала, и прошу тебя пересказать мнв твои слова: не ужъли ты ихъ отъ меня потаить?

Дишя.

Ахъ нъшъ! я бы тогда сдълала очень худо: добрыя дъти не должны ничего утаивать от своихъ родителей и нянющекъ.

Няня.

Такъ, душинька! поди поцалуй меня и пошомъ раскажи, что ты кукъб своей говорила.

Дишя.

Она не хотвла голову держать прямо, такъ я сказала ей, что естьли она меня не послушается, то я на нее еще больше осержусь, нежели вчера осердилась на меня моя няня за то, что я ударила собачку.

Нявя.

Танъ шы думаешь, что я была на тебя сердита?

Дишя.

Вы мир прошивъ обыкновеннаго показались очень невеселы, и пошому я подумала, что вы на меня гирваетесь.

Няня.

Я не гивалась, мой другь, но была опечалена; мив было непріятно видвть въ тебв такое жестокосердіе, что ты не перестаеть бить бвдную собачку, и сверьхъ того я опасалась, чтобъ она тебя не укусила. Для того я стала тебя уввщавать; но видя тебя непослушною, подумала, что ты сдвлалась упряма, и это привело меня въ такую печаль, что я чуть было не запланала. А ты между твть сочла меня сердитою.—Сердитою? нвть, дута моя! ты сердилась на собачку, а я на тебя не сердилась.

A mma.

Такъ вы и шеперь на меня не оердишы за слова, кошорыя говорила и куклъ?

H # E #..

Не шолько не сердиша, но еще радуюсь, что этоть случай подаль мнв способъ вывесть тебя изъ заблужденія. А ты этому рада ли!

Aums.

О конечно! . . . Естьли бы только. . н я н я.

Что такое ?

Auma.

Есшьли бы впредь вы всегда мною были довольны.

H R H A.

Я сама сердечно этова желаю; мнр весьма непріятно быть принужденною. . . но для этова надобно сдрлать маленьной договорець.

Дишя.

Какой!

HABA

Чшобъ шы впредь, когда я буду шебя отъ чего нибудь худаго воздерживать, съ перваго слова шошчасъ меня послушалась; шогда ты можешь быть увррена...

Дипя.

Что вы всегда мною будете довольны? нана.

Да. Вошъ шебъ моя рука! но шы должна непремънно исполнять свое объщание.

Дишя (прывал).

О! я ужъ конечно буду его исполняшь!

Дъвушна сія сдержала свое слово. Когда она бывало начнешь дълашь что нибудь Часть І. 12 нехорошее, и Нянюшка на нее шолько носмощрить, то она тотчась и перестанеть. Иногда и нянюшки съ нею не было, однаножь она ничего таково не двлала, въ чем не была совершенно увврена, что это хорошо. Ради того нянюшка никогда не вывла причины на нее жаловаться, и такимобразомъ обв онв, любя другь друга сердечно, жили въ великомъ удовольстви.

о тыквъ и жолудъ.

Дъщи! Богь, всего шворець, Нашь спасишель и отець, Что ни создаль въ свъть семь, Все премудро создаль въ немъ; Нфту въ мірф ничего, Что могло бы безь его На то воли всесвятой, Само саблаться собой. Силой онъ своихъ словесъ Солнцу стать среди Небесъ И лучи вельль просшерть: Жизнь въ его рукћ и смершь. Малый червь и страшный кить Имъ единымъ лишь дышишъ. Въ мъсшь всяка вещь свобмъ, Онъ премудро правишь всемъ. Есшь однакожъ мудрецы,

Или по просму глупцы, Кои свой ничножный умъ Дерзосные высоких дука Выше божескаго чиунъ. Гордосныю шакой надушь Нънаной безумень быль, Имя я его вабыль: Онъ однажды на шравъ Тыквы взросшія узріль, И въ безумной головъ Мысль шакую шошчась сплель: Не прилично имъ росши На моль маленьной проспи; Я бы это премвинав. Тыквамъ росшь опредважав, По такой ихъ толстотв, На дубу, на высошв. Такъ помысля продолжаль Онъ по прежнему свой пушь. День быль жарокь, онь усшаль, Захотвлось отдохнуть. Дубъ увидя на пуши, Лишь усправ из нему придши, Легь подъ онымъ и уснулъ. Вдругь престрашный выпрь задуль, Воды всв смушиль шошчась, Вътьвями древесъ пошрясъ: Съ верьху дуба, какъ на смъхъ, Сорвался большой орвхъ, (Кои жолудьми зовушь)

И лежаща мужа шушь
За его неправый шолкъ
По носу всей силой щолкъ.
Вспрыгнуль мудрый гоголькомъ.
Полно свъщь переправлящь!
Онь съ разбишымъ въ кровь носкомъ
Началь шако размышлящь:
Худо, худо я судилъ:
Есшьлибъ шыккы дубъ носилъ,
И шеперь изъ нихъ одна
Вдругъ упала на меня,
Быль бы я безъ головы.

Кто себя поставить смых Судією Божьих дыль, Всь безумны таковы.

имянины.

Завира, брашецъ Оединька именинникъ, говорила Кашюща: я не знаю, чъмъ его порадоващь.

Не пожалуещели вы мит что нибудь, матушка, что бы я ему подарять могла?

"Пожаловать и тебь могу, душа моя, да могу также и сама его подарить: развыты думаеть, что меня это меньте твоего веселить, когда и подарками своими другимь дылаю радость?

,,Да сверхъ шого ежели я шебъ данъ,

что ему подаришь, шакъ сшало бышь ото я его подарю, а не шы.,,

Правда ваша, машушна, да мић хочешся чъмъ нибудь его подаришь.

"Хорошо, душинька; шакъ подумай, вътъли у шебя самой чего нибудь: на примъръ миршовое швое деревцо?—,,

Ахъ, я ево очень люблю! свазала вадохнувъ Кашюша.

"Инъ овечку —"

О матушка! она мив самой надобна.

"Инъ парочку мохноногихъ швоихъ голубковъ.—,,

Ахъ машушка! они мив всево дороже.

"Для чегожъ шебт не опдашь ихъ брату? что для насъ дорого, што и надобно даришь штохъ, ково мы любимъ.

"Кошелекъ швой съ ръдкими золошыми монешцами, кошорой подарила шебъ недавно мнешка, былъ бы ничего незначащій подарокъ, пошому чио шы его не упошребляещъ и не любищь, да и у него былъ бы онъ шакъ же безъ упошребленія.

"Но то называется истиннымъ подаркомъ, когда мы съ охотою и съ радостію отдадимъ, что насъ самихъ, да и того, кому мы отдали, увеселяетъ.,

Не ужлижь, машушка, ошдашь мир брашцу Оединько все, что я люблю?

,,Нъть, душа моя, щы отдай ему что

хочешь; это состоить въ швоей воль: хоть ни чьмь не подари: л тебя не принуждаю, а только хотьла тебь истолновать, что вначать подарки и съ какимъ намъреніемъ ими дарять.,,

Кашюща подумала немного и пошомъ сказала: — Такъ! я подарю ему милыхъ своихъ голубковъ, и еще нарву для него пучокъ цвошковъ изъ моего садику.

Мащь обняла ее и сказала: шы ему величую радасть сдълаеть.

И себь шакже, вскричала съ восторговъ Катюша; я ужъ напередъ сердечно радуюсь.—

"А посль завшра шы еще больше будешь радовашься, пошому чшо я позволяю шебь поввашь браша швоего и со всьми его госшьми въ маленькой швой садикъ, гдв шы можешь угощашь ихъ свъжимъ молокомъ и разными овощами. "

Кашюща изъ благодарности поцаловала у машери руку и прыгая около нея повшоряла: о кабы послъзавшрешній день пришоль поскорье!

воздержаніе.

"Что такое воздержание?,, спросиль Митюта отца своего, услыта, что онь сіс слово упомянуль въ разговорахъ. Ошецъ радовался шекому вопросу; нбо жоши любезной его Мишюще и хорошь быль, однакожь имбль за собою шошь порокь, что всегда быль въ неудовольствін, и пла-каль, когда бывало что кибудь по желанію его не исполнишся.

А вишь эшо не родко бываеть на свото, что ны желаемаго не получаеть; или имол у себя ночто прівтиное, внезапу онаго литаемся.

Для moro опть самой юности надобио пріучаться нь терпінію.

И макъ Мишкошинъ омецъ на вопросъ его омъбшенвовалъ:

"Воздержаніе, мой сынъ, есть то, когда ты севодня и въ шабашные часы на любимую свою деревянную лошадку не сядешь.,,

Для чево это?—спросиль печально Митюша; вишь вы мир ее сами пожаловали, батюшка;

"Такъ, душа мол, ошвъчалъ ошецъ; я и не запрещаю шебъ на нее садишься, а ощдаю на волю, хочешь слдешь, хочешь нъиъ.,,

Мишюшь вчера шолько подарили эшу лошадку, а онъ шакъ ее любилъ, чшо радъ былъ во вст шабашные часы безпресшанно на ней вздишь.

Мишюша.

Да къ чему мир это послужить?

Опецъ

Къ шому, чшобъ научишься самому надъ собою имъть власть, и безъ шруда отставать от любимой шебъ вещи, когда шого потребуеть нужда.

Мишюща.

Да въ этомъ теперь никакой нужды нътъ. О жецъ

Конечно нъшъ; но вогда придешъ нужда, шогда уже поздо будешъ себя въ шому пріучашь.

Туть Митюша умолкь и задумался; хотя не все, однакожь нёсто понималь онь изь разговору отца своего.

О шецъ.

Жочешь ли шы, я скажу meбb сказочку, изъ кошорой шы увидишь, какъ нужно пріучишь себя не вдавашься своимъ желаніямъ.

Мишюша.

Хочу башюшка.

Опецъ

Нъкошораго робенка глупая нянюшка кормила всегда сластями.

Чрезъ шо шакъ онъ привыкъ лакомищься, чшо ужъ и вырасши довольно великонекъ, о шомъ шолько и помышлялъ, какъбы гдъ наъсшься сладкаго.

Тщешно старшая сестра увъщевала его, и совътовала ему заранъе отъ того отвыкать, потому что не всегда можно ему будешъ кормишъся сластями. Онъ же напрошивъ думалъ, что это время долго продолжится, и не старался ни мало себя воздерживать.

Напоследовъ ошдавъ овъ быль въ одному Господину въ домъ, где его сшрого содержали, и где лакомство было не въ упошребленів.

Чтожъ онъ дълалъ? — покупалъ изюмъ, миндаль и конфекты, покудова вст свои денжонки издержалъ.

Между швиъ алчность въ лакомству отъ часу въ немъ усиливаласъ, шавъ что ужъ не могъ онъ отъ того воздержаться.

И накъ уже денегъ у него больше не было що сперва сталъ онъ продавать свое платье, а какъ и що все промощаль, тогда. Я содрагаюсь разсказывая сіе! обокраль онъ господина своего.

Но худое доло не можеть быть сирыто, рано ли поздо ли оно выдеть наружу: узнали о семь; и чтобъ избожать наказанія, этоть молодой человокь соль на корабль и отправился далеко—въ Ость-Индію.

Хошя избътнулъ онъ шанимъ образомъ человъческаго наназанія, однако не могъ избътнушь Божескаго: корабль, на кошоромъ онъ поплылъ, разбился о камень, и пресшупника поглошили волны.

Олъ! это страшно! сказаль вздохнувъ Митюна.

Конечно сшрашно, ошвъчаль ошець; но все сіе произошло ошь шого шольно, чино робеновь эшошь не научился заблаговренно воздерживайнося ошь своихъ прихошей, ношорыя напослідовь чрезвычайно въ немъ усилились.—Понимаешь ли шы шеперь шеня, мой другь, для чего совішываль я шебі пошышащься преодолішь свою охошу и не садишься севодня на свою лошадку?

Мипона.

Понимаю, бащющва. Я не сшану севодня радишь на лошадко, и всякой день посло шабаша прлой чась не буду на нее садишься, хошя бы мно шого и очень захошолось; надобно пріучишь себя къ воздержанію.

Ошецъ обияль его и радовался сему великодушному наифренію; но онъ еще больше обрадованъ былъ, ногда увидолъ, что сынъ его держить свое слово.

А между швих Мишюна шакъ привыкъ къ воздержанію, что онъ бывало никогда не осердищся, есшьли что прошивъ его желанія сдвлаешся, и чрезъ що избавлялся онъ отъ многихъ печалей.

Щасшливо ию дишя, кошорое переймешъ у Мишющи!

ФЕДЮША,

которой спать не могв.

Машь.

Что ты, душенька, такъ ворочаеться на постелько; разво тебо спать не кочется?

Не спишся, машушка.

Машь.

Не болишъли у шебя что нибудь? Дишя.

Нъшъ. Мнъ всшь хочешся.

Машь

Да шы шеперь лишь кушаль, душа моя. Диша

Не осердись на меня, маминька! сюда приходила бъдная дъвочна просить ради Христа; никто не слыхаль какъ она просила. Я отдаль ей свою булочку и пирожокъ: молись Богу, сказаль я ей, Богь тебъ дасть больте. Какъ она бъднятка обрадовалась! три раза сказала мнъ: заплати тебъ Господи!

Машь

Другъ мой любезной! умница моя! чево шы у меня ни попросишь, я шебъ все дамъ. И шы эшова не хошълъ мнъ сназашь?

Дишя.

Я съ радосши и позабыль о шомъ, чшо самъ ничево не раъ.

Машь.

Теперь шы знаешь, каково швиъ бъднымъ двшямъ, кошорые безъ пищи спашь дожащся.

Дишя.

Ахъ, маминька! пожалуйста давай имъ милостыню, когда они придушъ: шажело сносить голодъ!

щастливо преодоленное на злое дъло покушение.

Бъдному мальчику трубочисту досталось во дворцъ чистить трубу того камина, которой быль въ уборной комнать одной княгини.

Когда онъ сквозь шрубу опусшился въ каминъ, що нашелъ что въ комнать ни кого не было; онъ остановился на минушку полюбоваться на прекрасныя вещи, которыя въ ней находились.

Больше всего полюбились ему осыпанные драгоциными наменьями золошые часы, лежавшіе на столинв. Онъ не могь воздержаться, чтобъ не взять ихъ въ руки, и тогда пришло нъ нему желаніе; ,,ахъ ежели бы у тебя такіе часы были!"

Пошомъ спусшя минушку подумаль онъ:

,,что, ежели я ихъ возыму?—но стало быть ихъ украду и буду воръ.

"Да винь никию эшова не узнаеть," продолжаль онь думать. Но въ що самое мгновеніе услышаль шумь въ сміжной съ эшою горниць: шошчась оставиль онь часы й бросился назадь въ шрубу свою.

Когда онъ пришель домой, що не могь изъ головы своей выкинущь эшихъ часовъ: гдр ни быль, куда ни ходиль, вездр они были у него передъ глазами. Онъ покушался пересшанъ объ вихъ думать, но нршъ! словно какъ бы кщо насильно его къ тому шянулъ.

Онъ не могъ уснушъ; и шакъ вознамъридся идши опять шуда, и ихъ взять.

Вошедъ по прежнему въ комнашу нашелъ онъ все шанъ шихо, что ни канъ не могъ сомнъваться, чтобъ онъ не одинъ въ ней былъ. При слабомъ лунномъ свътъ шихонъ-ко подкрался онъ къ уборному столику, на которомъ лежали часы.

уже простираль онь руку взять ихъ, какъ вдругъ увидрлъ подлр нихъ еще превосходнрищія сокровища: драгоцриныя серги, ожерелье, и другія тому подобныя вещи.

"Не ужъли мнћ? сказалъ онъ весь съ головы до ногъ прясучись—не уже ли мнћ?—,,

"Но не будули я во всю мою жизнь самой скаредной человькь? могули я посль ошова когда нибудь спокойно спашь? накими глазами сшану и на людей смощрошь.

"Правда!, по ужъ за що однимъ разомъ сдълаюсь я богашой человъкъ; у меня будушъ лошади и кареша; плашье сшану преврасное носишь, и всякой день буду всшь и нишъ сышно!,

"Ну да накъ это откроется? — полно какъ открыться? вить никто этова не видить.—,,

"Ни и по? — а развъ Богъ, вездъсущій, шого не увидишъ? — можешь ли шы по прежнему молишься ему, когда сдълаешься воромъ? можешь ли шы умерешь спокойно?,,

При сей мысли волосы у него сшали дыбомь и холодной пошь пролился по всему его шрлу. "Нршъ! сказаль онъ, бросивъ ошъ себя сокровищи, нршъ, лучше брденъ и чисшъ соврсшью, нежели богашъ и осиверненъ злодрисшвомъ! "вымолвивъ сіе спршилъ прежнимъ своимъ пушемъ возвращишься назадъ.

Княгинина спальня была подлю самой этой комнаты, она еще не спала, все это слышала, и самого мальчика при свють луны разсмотрыть могла. На другой день приказала она позвать его нь себь.

"Послушай, мальчинъ, сказала она ему, когда онъ вошелъ нъ ней въ комнашу, для чего шы вчера ночью не взялъ эшихъ часовъ и другихъ драгоцвиныхъ вещей?,, "Мальчивъ упаль въ ней въ ноги и не могь ошь спрака ни слова промедвишь.

"Я все слышала, продолжала Княгиня; благодари Бога, дишя мое, что онъ помогь тебъ преодольть искушение, и старайся впредь непорочность свою сохранять.

"Ошнынъ шы у меня будешь жишь: я велю шебя кормишь и одъващь. Но мнъ хо-чешся еще больше для шебя сдълашь: я на-мърена шебя порядочно воспишашь и обучишь, дабы и впредь бъдносшь и неразуміе не могли шебя подвигнушь на накое либо злое дъло,,,

У мальчика полились изъ глазъ горячія слезы; онъ хошьль благодаришь, но не могь: онъ могь шолько хлипашь в уширашь кулаками глаза свои.

Княгиня здержала данное ею слово: мальчинъ быль преизрядно воспишанъ, выросъ великъ, и благодъщельница его имъла удовольствіе видъшь въ немъ сиромнаго, добросовъсшнаго и чесшнаго человъка.

мать и семь дочерей.

Машь благонравная, Нашалья, Съ семью своими дочерьми, Прекрасными накъ майски розы, Пошла по близости въ лъсокъ,

И шамь при ручейно журчащемь, Пріяшнымъ воздухомъ дыша, Подъ твнію ввшвистой липы На мягкой срла муравр. Какое зрълище прекрасно, Благополучну видоть мать, Такою кучкой окруженну Любезныхъ, милинькихъ дъшей! --Сей мірь обильный красопами, Мир миншся, сошворень для нихъ; Съ восторгомъ нвий мужъ ввщаеть, Странцій съ зади ихъ въ кусшахъ. Везмолвенъ, въ шишинъ глубокой, Онъ долго ухо привлонивъ, Съ сердечной радостью бестду Сей ньжной машери внималь. О естьлибы, любезны дъти, Теперь ошецъ вашъ шанже здрсь, Ренла она, быль вивств съ нами! Коль много въ сей странь пріятствь! На встхъ вершинахъ древъ шакъ шихо, Навъ будто бъ нъжны птички всь Между собою согласились Единый слушащь соловья Гласъ раздающійся повсюду. Ахъ маминька! сказала тушъ Вшорая дочь ея Дуняша, Я шошчась побъту домой, На прыльякь нь башюшив слешаю. Мой другъ! далеко онъ ошъ насъ

За ибкошорымъ посланъ деломъ; Онъ шамъ пробудешь семь недвль, И прежде въ вамъ не возвращинся. Какъ? сшаршая сказала дочь, На машь взглянувшая печально, Его зарсь нршь? но накъже онь У фхалъ съ нами не простися?-Свое родишельское вамъ Оставиль онь благословенье, Воясь прощаніемъ своимъ Повергнуть васъ въ печаль и спуну.--Ахъ! папинька любезной нашъ, Чеппершая изъ дочерей всиричала, Въ пуши всещедрый Богъ его Да сохранить благополучно! Сіи усердныя слова, Да сохранить благополучно, Отъ благодарныхъ сихъ дътей, Кругомъ Нашаліи и древа, Твердилися изъ устъ въ уста, Съ такимъ усерднымъ восилицаньемъ, Что на глазахъ у нихъ у встхъ Пріятны слезы навернулись. Какъ это можно? семь недъль! Вишь это очень, очень долго; Не льзяль, кошь намъ ит нему сходишь? Спросила пятая малюшка. Шестая же ужъ чуть не плача Прижавшись из машериной груди Сказала томко: боже мой! Часть І. 13

Когдабъ назадъ онъ возвращился И вдругь шеперь пришель сюда! Дочь прешья пошчась подхвашила: О какъ бы мы вокругъ его Сканашь и прыгашь сшали! Анюша младшая изъ всбхъ Къ сестрицъ стартей на кольни Свою головку положа Ни слова не сказавъ лежала. Какъ нъжный розовый цвътокъ Ел прасивлись пухлы щочки; Казалось, что другихъ сестерь Она внимала рфчь прилфжно, И шолько разговоръ лишь ихъ На часъ объ этомъ перервался, Она съ кольней вдругъ скочивъ На шею бросилась въ Нашальи, И крћико нъжными ее Обнявъ ручонками спросила: А шы, шы маминька, ошь насъ Не вдешь никуда? шы съ нами? Ньшъ, душинька, сказала машь, Я никуда от васъ не рду. Тогда сидящій мужъ въ кусшахъ Не могь подслушивань ихъ болв, Его и сердце и душа Въ восторго сладкомъ упопали. Однакожъ дриствія стращась Онъ радосши крушой, безмврной, Не смьль нечаянно предстать;

Но вышедъ изъ кустовъ тихонько, Находить друга своего, **М** посылаеть осторожно **Э**Кент и дъщямъ возвъстить. (сей самый мужъ быль ихъ родишель). Что опложень его повздъ. Когда сей другь ихъ приготовиль, Тогда-то нъжный самъ отецъ Является предъ ихъ очами: Какая жъ радость разлилась! Машь бросилась въ нему на шею, Всь дьши прыгая, крича, Сто разъ его цалують руки. Кто можеть описать восторгь Сей машери благополучной, Сего предобраго отца, И сихъ дъщей ихъ благонравныхъ!

О СОГЛАСІИ.

Нашаша, Кашюша, Аннушка, и Машинь ка имбли у себя учишельницу, кошорая ихъ какъ машь дочерей своихъ любила.

Я назову ее Теоною, для того что я не смью настоящаго имени ея здысь поставить.

Она имбла усердное желаніе, чтобъ воспищанницы ел хорошо себя вели, и чрезъ що были бы щастливы; чтобъ онб взаимною другь въ другу любовію услаждали двтскія свои упіти, и чтобъ каждое удовольствіе вкутали безпрепятственно.

Съ неописанною радосшію взырала она на добрые успрхи своего ученія и приміра.

Малюшки сін начали бышь щасшливійшими дітьми. Оні поправляли друга друга въ проступнахъ, извиняли охошно небольшія огорченія, дітили наждую радость, и не могли жить другь безъ дружки.

Но накъ легко шеряющь діши способы къ щасшію, хошя уже познающь оное, икакое благодівніе шошь имъ ділаешь, ишо неусыпно за ними смошрищь!

Теона должна была от своихъ малютокъ на нриоторое время отлучиться; необходимость принудила ее от нихъ урхать; но она спршила возвращиться какъ скоро могла.

Едва усправ пройши одинь мрсяць, уже она лешрля из немь обращно.

Онр встритили ее съ великою радостію. Но ахъ! Теона примитила между ими

великую перемвну. Одна изъ нихъ

Одна изъ нихъ съ сердцемъ шребовала чего нибудь у другой, другая не хошьла ей уступить; ошъ сего раждались досадныя рван, исе ихъ прежиее увеселение въ играхъ и въ двар не ввсть иуда двалось.

Всякую живуму ибшали онб другь дру-

гу; той не нравилось шамъ, гдb другой нравилось.

Иная хотвла играть въ саду, другая напрошивъ того въ горниць, третья на дворь, и сіе несогласіе часъ отъ часу умножалось.

Въ одинъ день, когда онв ни малвишей услуги другъ другу не хошвли сдвлать, и даже одна другой досаждать старалась, Теона глядя на нихъ заплакала.

Она пошла от нихъ прочь и заперлася въ своей номнать.

Тамъ сшала она размышлящь, какъ бы малюшокъ сихъ примиришь и возобновищь между ими взаимную дружбу.

Когда послё того опять она къ нимъ вышла, то всё оне бросились къ ней съ неудовольствиемъ и жаловались, что оне находять больше прежняго веселія; каждая изъ нихъ обвиняла въ томъ другую, и всё приступали къ своей учительнице, чтобъ она, какъ умевшая всегда установлять ихъ утехи, не отреклась и теперь тоже сдёлать.

Теона взглянула на нихъ съ важностію и свазала: от сего времени запрещаю я вамъ мішать другь другу въ играхъ, и чтобъ сего не было, то пусть наждая изъ васъ избереть себь особливой уголовъ въ этой комнать, и тамъ сидя играетъ накъ хочетъ.

Сегодня посяв образ позволяю я вантанимъ образомъ играть до самаго вечера.

Вст обрадовались сему позволенію; жаждая взяла назначенный себт уголовъ, и стала тамъ играть особо отъ другихъ.

Машинька кукло своей сказывала сказки однакожь ша не умола ничего ей ошвочашь и молчала, а другія всо играли каждая про себя.

Аннушка играла мячикомъ, но никшо не ушъщался глядя на проворсшво, съ накимъ она ево ловишъ, и никово не было, кшо бы ей сказалъ хошъ слово: другія всъ играли наждая про себя.

Нашаша кошћла играшь въ любимую свою игорку въ гулючки, но кому было ее искашь? другія вст играли каждая про себя.—

У Кашюши, маленьной домовницы, было нъсколько грушъ и яблоковъ, она хошъла сдълашь у себя пирушку и позващь госшей; но кому было иъ ней прівхащь? другія всь играли наждая про себя.

И шанимъ образомъ вст игры ихъ не ладились. Нанонецъ прибъжали онт въ Теонт, и со слезами просили ее найши способъ, чтобъ имъ опять было весело.

Я знаю шолько одно средсшво, сказала она имъ печально, и вы его прежде знали, но забыли: есшьли хошише, я вамъ о немъ напомню.

Хошимъ! хошимъ! всиричали онр вср, и ожидали съ нешерпривостію перваго изъ усть ен слова.

Это согласіе! это дружба! о мои любезныя! въ накое нещастіе ввергнули вы и меня и себя самихъ съ тъхъ поръ, какъ ево забыли!

Она умолила, и горькія слезы по лицу у ней капились.

Тушъ вст малюшки онтили передъ нею, и стояли потупя въ землю глаза от стыда и раскаянія.—Потомъ бросились къ ней въ объятія, и объщали любить другь друга по прежнему.

Онб сдержали слово. Никогда не упрямились и не ссорились: ибо узнали какія следствія раждаются от упрямства и несогласія.

Теона сама мив это расказывала и говорить, что ужъ опв теперь всв четыре выросли великоньки и становятся прелюбезныя двицы.

два мальчика.

Два мальчика пошли въ садъ прогуливаться. Садовникъ сказалъ имъ въ предосторожность: не подходите близко къ ульямъ, пчелы васъ ужалять.

Меня еще никогда пчела не ужаливала. сказаль одинь изъ нихъ мальчикъ, и пошель смъло туда. Но лишь шолько ступиль онъ нъснолько шаговъ, то пчела его ужалила, и онъ долго быль боленъ.

И такъ одинъ сдвлался благоразумсиъ чрезъ испытаніе, а другой чрезъ наставленіе: скажите, которой изъ нихъ былъ умиве?

волтушка.

Одна маленькаа довочка имбла за собою шопъ порокъ, что молчать не умбла.

Когда она свъдаетъ какую тайну, то ужъ ей бывало не утерпится, чтобъ поскорте не расказать того встмъ своимъ зна-

А всего хуже, что услыша о чемъ нибудь худомъ, она это первому, гто ей на встрвчу попадался, пересказывала, ни мало не разсуждая, что могла этимъ навесть иному великую печаль, другому брду или нещастіе.

Черезъ корошкое время маленькая эта болтушка сдълалась сущею язвою для людей того дому, гдъ она жила, и для другихъ, съ которыми была знакома; ибо гдъ еж только бывать случалось, тамъ вездъ бол-

таньемъ своимъ свяла она свиена брани, раздора и несогласія.

Мудрено ли, что стали вст от нее бтать, вст ее ненавидьть? Въ короткое время не было у ней не только ни одной подруги, ниже такой прівтельницы, которая бы витсттт съ нею быть хотьла.

Куда она сама приходила, шамъ зашворяли ощъ нее двери, или не сказывались дома; а когда она къ себъ звала въ госши, шо всъ ей въ эшомъ ошказывали.

Напоследовъ от понудило ее приметить свой поровъ, и она вознамерилась от него исправиться.

Но горе шому, кто привыкъ и пристрастился въ чему нибудъ худому! Трудно, шрудно ему вовся отъ шого отстать.

Барышня Калатухина (шакъ называлась сіе нещастная дъвушка) въ цълыя десять льть насилу могла совершенно исправиться от своего порока: она стократно зарекалась впадать въ оной, и стократно опять впадала.

Наконецъ вырасла она велика, но никто не хотвлъ не ней жениться; ибо какъ давно уже всв от нее убъгали, то и не въдалъ никто, что она перестала быть болтуньею.

Такимъ образомъ всю жизнь свою долженсшвовала она проводишь вь плачевномъ уединеніи, не внуся ушрхъ добродошельнаго брака, и не познавъ никогда пріятиностей дружбы.

Танъ-що печальныя следсшвія детских пороковъ часто принуждають насъ страдать во все дни нашего вежа!

умирающее двънатцати-лътнее дитя.

Лиза бъдная въ постелъ Ошчаянно лежишъ больна; Дуща чушь держишся ужъ въ швлв, Страдаеть и какь тонь блодна. Прегорькими надъ ней слезами Нещастная рыдаеть мать, И устъ насался устами Ей хочеть жизнь свою отдать. Но пищетно бъдная стенаеть, И громко къ небу вопіешъ: Смерть сожальнія не знаеть, Rmo долженъ умерешь, умрешъ. Увидя Лиза машь сшенящу Последни силы собрала, И рвчь простерши къ ней дрожащу Прерывнымъ голосомъ рекла: О чемъ шы слезы проливаешь, Любезна матушка, о чемъ? Куда меня шы ошпускаешь? Къ ощцу всеобщему намъ встмъ.

Надежду на него прешверду Въ блаженство я моемъ кладу, Описель въ Богу милосерду Съ окошою моей иду. Онъ шамо дасть мив жизнь блаженну, Вселишь меня въ свой домъ свящой; Тамъ буду радость совершенну И враной и вкатать повой; Къ нему шамъ съ Ангелами купно Я буду гласъ мой возносить, И Господа повсеминушно О вашемъ щастін просить. Сіе сказавъ она вздохнула, Рукою сошворила кресшъ, На машь впоследніе взглянула и отошла от заршнихъ мрстъ.

преодоленное властолювіе.

Перестанешь ли ты?—Какъ бы не такъ?
—не хочу, я тебъ говорю! — машушка, посмотрише что Петруша дълаетъ!.....
Только ръчей и слышно было отъ маленькой
властолюбивой Параши, когда что нибудъ
не по ней дълалось.

Особливо надъ меньшимъ брашомъ своимъ Петрушею господствовала она съ таною необузданностію, что тоть не зналь бъдной какъ ему быть. То не шакъ, другое не шакъ; за все провсе на него кричишъ, и всего чаще когда они играюшъ вмъсшъ.

Непременно делай онъ все що, что ей хочется; въ свое удовольствие не выдумывай ничего, и ежели онъ желания своего тотчасъ по ея требованию не переменить, то она перестанеть съ цимъ играть и тужъ минуту отъ него уйдеть, оставя его одного въ скуке.

Крошкіе родишели ен хоши часто увъщавали ее и совъшовали воздерживаться от сего порока, а особливо мать часто напоминала ей, что благоувътливую дъвушку всъ любять, а напрошивъ того своенравную, которая все на своемъ поставить хочеть, нивто не терпить и всякой отънее убъгаеть; однако слова ихъ были тщетны и ни мало не послужили къ ея исправленію; всъ другія дъти перестали имъть сънею дружеское обхожденіе и начали отъ нее удаляться, но и отъ этова она не пришла сама въ себя.

Въ одинъ день въ домъ у нихъ объдалъ жужъ весьма разумной и пришомъ весьма чистосердечной.

Онъ часто съ удивленіемъ смотрвль на Парашино грубое обращеніе съ маленькимъ ел братомъ, и напонецъ не вышерпя сказалъ:

"Ежели бы я быль ошець этой дввушки, я бы зналь что съ нею сдвлать!,,

А чтожъ такое? спросила мать.

Я бы надоль на нее муское платье, отворать онь, приклеиль бы ей усы, и назваль бы ее драгуномь; тогда бы поступки ея согласны были съ ея вваніемь, и неприличность видоть въ довушко такую къ самовластію склонность по крайней моро симь одолніемь была бы сколько нибудь прикрыта.

Параша оцвпенвла, праска показалась у нее въ лицв и слезы покашились изъ глазъ.

Съ сей минушы почувствовала она непристойность поведенія своего, она вознамірилась исправиться отъ сего порока, и такъ швердо это въ уміт своемъ вкоренила, что дійствительно до того достигла.

Она конечно очень хорошо сдвлала; но желашь надлежишь, чтобъ всякая другая дв-вушка, которая хоть нвсколько этому пороку подвержена, лучше кроткихъ уввщаній матери своей послушалась, нежели бъ дождалась того, чтобъ разумной человвкъ примель и въ глаза ей сказалъ, что она больше годится быть драгуномъ, нежели любви достойною дввицею.

петрушины вечернія мысли.

Ужъ смерилось на дворь, лучъ солнечный соирылся,

Пора ложишься спашь.

- Прекрасной день! куда, куда шы укашидся? Приди скорби опяшь.
- Играль севодня в, и прыгаль и смівлов, И шьму вкушаль ошрадь;
- Но что въ ученьи я прилъжно упраживася, Тому я больше радъ:
- Родишелямъ моимъ в сдълалъ угожденье Прилъжносшью своей,
- За то подасть мнb сонь покой и услажденье Въ ночи прекрасной сей.
- Во сив увижу я робящочень блаженныхь, . Кощорые въ раю;
- Они проводять дни въ утбхахъ совершенныхъ, Я съ ними ихъ двлю.
- Приди скорће сонъ и дай мнћ насладишься; И дай вкусишь покой;
- Но прежде надлежить мнb Богу помолиться; Постой, о сонь постой!
- Ты, Боже, даль мир все, чрмь я ни ушршаюсь, На чию я ни взгляну:
- Учишелей, ощца, машь, домъ и чъмъ пишаюсь, И всю сію страну,
- И садъ прекрасный нашъ, гдъ я всегда гуляю, Когда уровъ сважу,
- Малину, вишни вмъ, иль бабочевъ гоняю,

Иль просто такъ сижу;

И мало ли еще? съ пушистыми цвотами Мой милой цвотничокъ,

Игрушечки мои, мой домикъ съ голубками, И ръчку и прудокъ,

И красные деньки, и жизнь сію безційну,
И время поиграть,

И время для шрудовъ, и солнце, и вселенну— Но какъ перещишашь

Всъмилости твои, что ты мнъ далъ, Владыко?
Я всей моей душой,

Сколь можешь чувсшвь моихь усердые бышь велико,

Люблю тебя, Богъ мой!

Ахъ! даруй, чтобы я прилъжно обучался, И не быль талуномь,

Чшобъ доброе любилъ, ошъ злаго ошвращался, Гнушался бышь лгуномъ,

И ненавида все, что худо, непристойно, Храниль бы твой законь,

Чпилъ матерь и ощца, жилъ мирно и спокойно-

Приди шеперь, о сонъ!

РАЗГОВОРЪ

У Вариньки сћ Митюшею. Варинька.

Черезъ восемь дней свящки: башюшка и машушка опяшь насъ подарящь чвмъ нибудь:

прошлова году, помнишь шы, сколько они намъ пожаловали.

Мишюша.

Помню. Накъ мы пришли къ нимъ Хрисша славишь и поздравили ихъ съ праздникомъ, шакъ башюшка пожаловалъ намъ по двр игрушки, да машушка по сшолькуже.

Варинька.

Съ какою радостію они насъ дарили! казалось, имъ не меньше нашева было весело. Мишю ша.

Мы еще малы и у насъ ничего нътъ, а то бы и мы могли этимъ уттъщаться. — Ахъ, да знаешьли что, сестрица? черезъ восемь дней Рождество—вить у тебя есть деньги?

Варинька.

Есть цілой рубль. Ну да чтожь?

Завира ярмонка. Всшанемъ-ка мы поушру поранбе и поучимся хорошенько, чиобъ насъ посль объда ошпусшили на ярмонку. У шебя рубль, у меня шесть гривенъ; купимъ на половину эшихъ денегъ разныхъ сласшей и игрушекъ, спрячемъ ихъ, и какъ придушъ свящки, що выпросимся у машушки, возьмемъ съ собой дядъку Ивана, и пойдемъ раздадимъ ихъ садовника Якова маленькимъ дъщямъ.

Варинька.

Да ужъ надобно и **Оедошки** повара робяшишкамъ что нибудь удблить.

Мишюща.

И въдомо! я про шъхъ чушь было не забылъ. Какъ они возрадующся! съ ними эшова я чаю никогда не случалось.

Варинька.

Конечно не случалось. И мы, подумай, мы будемъ первые mb, которые такъ ихъ обрадуемъ.—

О голубчикъ мой бращецъ! поцалуй меня.— Кабы поскоръй пришли свяшки!

Мишюша.

Однано мић вспало на умъ нъчшо---

Варинька.

Нучто шакое? скажи пожалуйста. Не ужъ ли тебь жаль стало! — А вить это наши деньги: мы можемъ ихъ употребить на что хотимъ, право можемъ.

Мин юша.

Я это знаю, да-

Варинька

Ну чтожь такое?

Мишюша.

Вишь деньги, которыя теперь у насъ, пожаловали намъ батюшка съ матушкою. Коли мы ихъ станемъ давать бъднымъ дътямъ — Ну, такъ стало быть не мы ихъ этимъ даримъ, а дарятъ батюшка съ матушкою.

Часшь І.

Варинька.

Это правда; да у насъ нътъ никакихъ
 другихъ денегъ.

Mum mm a.

Знаешь ли что, Варинька? я умбю вязать, да и ты также.

Варинька.

Да; да много ли умбю?

Мишюша.

По крайней мъръ шы можешь связащь подвязии; а в ужъ двъ недъли какъ вяжу чул-ки для башюшки. Сшанемъ сшарашься чшобъ поспъли къ свяшкамъ и мои чулки и швои подвязии.

Варинька.

На что?

Мишюша.

Эная шы! да мы продадимъ ихъ башюшкћ: онъ намъ за нихъ вшрое больше пожалуешъ, нежели чего они сшояшъ.

Варинька.

Да; однакожъ ярмонка ша завшра, а мы къ завшрему эшова не успремъ сдрлашь.

Мишюша.

Въ этомъ нътъ нужды. Мы теперьвозмемъ будто взаймы изъ натихъ денегъ сколько намъ завтра на покупку понадобится, а послъ такоежъ число назадъ туда и положимъ. Тогда то ужъ подлинно можемъ мы о себь сказать, что мы сами—разумьеть ли?— сами бъдныхъ дътей обрадовали.

Варинька.

Разумью, разумью. О накъ это хорощо! накъ любо! набы поскорьй пришли святки!

Митю ща.

Какъ мы щасшливы, что ужъ собственными своими трудами умбемъ доставлять себъ такія утьхи?

Варинька (прывал),
О набы поскорбе пришли свящки!
Мишюша.

Еще восемь деньковъ, сестрица; а завтра мы пойдемъ на ярмонку.

АЛЕКСАШИНА МОЛИТВА.

О ты, который на двтей Съ небесъ высокихъ призираешь. И слогъ нескладной ихъ рвчей И лепетанье ихъ внимаешь, Внемли мою молитву Богъ! И сердце даруй мнв такое, Чтобъ мнв противно было влое, Чтобъ доброе любить я могъ,

Въ проступки часто я впадаю И тятю съ маминькой гибвлю; Къ тебь, о Боже, прабъгаю, Исправь, исправь меня, молю!
Прильжно всякой день учишься
Во мнь желаніе всели,
И ахъ, не дай мнь ни коли
Кричашь, упряму бышь, сердишься.

Когда я голубновь своихъ
Пшеницей нанормить сшараюсь,
(А у меня вить пара ихъ)
О какъ я ими уштшаюсь!
Какъ шихо жизнь они ведутъ,
И какъ между собою дружны!
Какъ смирны! какъ всегда послушны!
Скажу гуль, гуль: они идушъ.

Досады я от нихъ не знаю,
Одну имбю къ нимъ любовь;
Съ стыдомъ я часто разсуждаю:
За чбмъ я также не таковъ?
Какъ можетъ тваръ со мной сравниться?
Ты, Господи, мно разумъ далъ,
Чтобъ зло съ добромъ я разбиралъ.
Но ахъ, я долженъ ихъ стыдиться!

Когда я о своихъ двлахъ Судить начну какъ должно строго, Какимъ я быть желаю, ахъ! Еще не достаеть мнв много. О Боже! благостью твоей Содвлай, чтобъ я быль послушенъ, Прилъженъ, шихъ, великодушенъ, И словомъ, лучшій изъ дъшей!

ПРИМЪРЪ ВЕЛИКОДУШНАГО БЛАГОДЪ- ТЕЛЬСТВА.

За несколько леть предъсимь въ одномъ изъ большихъ Немецкихъ городовъ хлебъ шакъ былъ дорогъ, чшо многіе бедные люди номирали съ голоду.

Въ шо время жилъ шамъ одинъ Герцогъ, человъкъ предобрый и весьма жалосшливый. Онъ уштывался штымъ, что Богъ далъ ему великое богатство, коимъ можетъ онъ способствовать бъднымъ, и щедроты его низливались на многихъ, о которыхъ доходило до его сътденія.

Однимъ ушромъ, одъвшись въ просшое плашье, порхалъ онъ въ большой садъ, и, осшавя у ворошъ онаго коляску и слугу своего, пошелъ одинъ ходишь по саду.

Едва отошель онь ивсколько шаговь, накь вдругь изъ за куста выскочиль человью, которой уставя ему пистолеть въгрудь требоваль у него десяти талеровъ (по нашему рублей). Человъкъ этоть, стоя передънимь, весь трясся и дрожаль, и блъдень быль какъ смерть.

Герцогъ взглянулъ на него съ нъкошо-

рымъ сожальніемъ, вынуль изъ кармана кошелекъ, ощщишалъ шребуемое имъ число денегъ, ощдалъ ему и сказалъ: шы видишь, что въ кошелькъ у меня гораздо больше десящи шалеровъ; судя по ремеслу швоему не очень чесшному, кажешся, долженъшы и эшихъ ощъ меня потребоващь.

Разбойнивъ не ошврчалъ на эшо ни слова и удалился. Герцогъ, держа кошеленъ свой въ рукахъ, смошррлъ ему съ удивленіемъ въ слрдъ, покуда онъ вышелъ изъ ворошъ сада. Тогда Герцогъ иликнулъ своего слугу и велрлъ ему идши за эшимъ человъкомъ и примъчашъ, куда онъ пойдешъ.

Потомъ связываль.

Потомъ связываль.

Черезъ нъсколько часовъ возвращился жъ нему слуга его и увъдомилъ, что человъкъ этотъ прошелъ прямо къ хлъбнику, заплатилъ ему пять рублей стараго долгу, и купя у него большую корзину ржаныхъ хлъбовъ отнесъ ихъ домой; а живетъ онъ въ глухомъ переулкъ въ одномъ старомъ доиъ на чердакъ подъ самою кровлею.

Герцогъ сказалъ: хорошо! и ошпусшилъ слугу своего.

На другой день сруго оно во ноляску, взяль съ собою нрсколько человрить людей

своихъ, и приназалъ себя везши шуда, гдъ отопъ разбойнивъ живешъ.

Прібхавъ къ дому остановился, вышель изъ коляски, принужденъ быль по многимъ безпокойнымъ лестницамъ вскарабкаться на самый верхъ, и постучался въ двери той малой горницы, въ которой, по сказанію слуги его, человъкъ этотъ жилъ.

Разбойникъ самъ ошворилъ ему дверь, и вдругъ, увидя его ошсшупилъ назадъ съ шакимъ ужасомъ, словно какъ бы громъ передъ нимъ упалъ.

Но Боже мой! какое зрвлище!—больная жена и шестеро изнемогшихъ двтей валя-лись на голомъ полу! на лицахъ ихъ изображалась смершная бледность, и несколько старыхъ лоскутьевъ едва прикрывали наго-ту худощавыхъ шелъ ихъ!

Долго нещасшный ошець сего пребъднаго семейсшва не могь выговоришь ни слова; напослъдовъ бросился въ ногамъ Герцога и дрожащимъ голосомъ, увазывая на жену и дъщей своихъ, сказалъ:

"Вошъ, государь мой, причина, для которой я васъ ограбиль! уже шрои сушки сіи нещасшные не имітли куска хліба во рту; хлібникъ, которому я долженъ былъ, не хотітль мніт больше вітрить. Всего иміть нія оставалось у меня одинъ старой изломанной пистолетицка, котораго никто у меня не покупаль; я отнесь его къ хлюбимку, но и онъ не даваль мий за него больше двухъ гривенъ, и що въ зачотъ долгу: тогда голодная и страшная смерть жены и тестерыхъ малыхъ дртей моихъ представилась мий въ такомъ ужасномъ видр, что довела меня до отчания: безчувственъ побржаль я самъ не зная куда; вы первый со мною встритились, и я, не взирая на отвращение мое отъ гнуснитато изъ злодвяний, приступиль къ оному.

Предайше меня правосудію; я досшоннъ смерши, и хочу умереть. Но о! государь мой!—(тупъ обняль онъ кольна Герцоговы)
—Ежели есть въ васъ состраданіе, сжальтесь надъ бъдною женою моею и будьте отець моимъ злополучнымъ дътямъ! "

Больная машь подняла вопль и рыданіе, моля о пощадъ мужа ея; малыя голодомъ изнуренныя дъши ползли въ ногамъ Герцога, воя и прося о помилованіи нещасшнаго ихъощца.

Герцогъ прослезился; вельлъ имъ успокоишься, и увъщавалъ мужа сего съ крошосшію и безъ гнъва.

Пошомъ вынувъ изъ нармана кошелекъ, далъ ему нъсколько денегъ, и приназалъ, по искупленіи на оныя нужныхъ для бъднаго семейсшва его събсшныхъ припасовъ, придши нъ нему во дворецъ.

Тушъ узнали нещасшные, что это самъ Герцогъ, и чуть не умерли отъ страха.

Бъдный сей пресшупникъ кошълъ промолвишь еще нъчшо къ своему оправданію, но добродушный Герцогъ успокоилъ его, и повшорилъ приказаніе свое, чшобъ онъ пришелъ къ нему.

Когда сей по повельнію его исполниль и из нему явился, шогда Герцогь на содержаніе семейства его опредылиль ежемысячно инкоторое число денегь, а самому велыль ему ходить из себь во дворь, для исправленія работь, за которыя ему особливо плашить будеть.

Мужъ сей обливался радосшными и благодарными слезами, и съ шого времени не проходило ни одного дня, въ кошорой бы онъ съ женою и дъшьми своими, сшоя на колъняхъ предъ Богомъ, не проливалъ шеплыхъ и усердныхъ молишвъ о здравіи и долгоденсшвіи сего велинодушнаго ихъ благодъшеля.

льтняя по утру пъсенка

Трудолюбивый Николаша, живучи льтомъ въ деревнь, никогда не просыпаль солнечнато восхода: от того всегда быль бодръ и весель. Часто по утрамъ выходиль онъ на лежащій не подалеку от жилища его приго-

ронъ, на которомъ стоя любовался пріятностями окружающей его страны, и неръдно въудовольствіи сердца своего такъ пъваль:

По кращкой и пріятной ночи Мои отверзлись снова очи, Се паки пісенку свою, Природы красотамъ дивяся, Умомъ и сердцемъ веселяся, Въ восторго сладкомъ и пою.

Покрышы здрсь лисшки росою; Съ цвршани лугъ передо мною; Все въ полр спрещъ и расшещъ: Вонъ шамъ качаешся пшеничка, А шамъ краснрешъ земленичка; О боже! какъ хорошъ швой свршъ;

Синвющь шамь бугры лвсисшы; А небеса—какь сввшлы, чисшы! Лазурьвьнихъсмвшень съхрусшалемь. Журчаніе шамь рвчень слышно; А шамь какь величаво, пышно, Блисшаешь солнышко лучемь?

Куда я взоръ ни обращаю, Повсюду вкругъ себя сръшаю Людей спъшащихъ изъ домовъ, Чшобъ, красной веселясь погодой,

Разсыпанныхъ вездѣ природой Сбирашь обиліе даровъ.

На холмо стоя семь высокомь И я, смотря веселымь окомь На общіе труды сіи, Готовь сего дня долать тоже: Услыть мою молитву, Боже, Благослови дола мои!

Даденьвъ шрудахъ препровождая, Тебъ владыко, угождая, Доволенъ буду самъ собой, И шихой ночи подъ крилами, Подъ маковымы сна цвъ шами, Вкушу пріяшнъйшій покой.

ЕСТЬЛИ ХОЧЕШЬ, ЧТОВЪ ИГРА ТЕВЯ ВЕ-СЕЛИЛА, ТАКЪ ИГРАЙ УМЪРЕННО И СТА-РАЙСЯ ВЫТЬ ПРИЛЪЖЕНЪ.

Я бы севодня весь день все играла, машушка! говорила малинькая Анюша.

Весь день?

Да, сударыня!

Пускай будеть по твоему, сказала пристрастная мать, которая не могла дътямъ своимъ ни въ чемъ отказывать; только я думаю, ты послъ сама жалъть станеть. Нътъ, нътъ, матушка!—и съ сими словами побъжала Анюта забрать всъ свои игрушки. Но она была одна; братцы и сестрицы ея сидъли всъ за ученьемъ. (Это былъ день непраздничной).

Она сперва веселилась по воль какъ умъла, и играла долгое время, но напослъдовъ удовольсшвие ея мало по малу сшало уменьшашься.

Она играла во вст шт игры, кошорыя знала, шакъ чшо не могла ихъ больше выдумашь, а повшорящь сшарыя было уже для нее скучно.

Она пришла къмашери и просила ее свазашь ей новыя игры, и чшобъ она пришла выбств съ нею поиграть; однакожъ машери было недосугъ и она принуждена была въ этотъ разъ ей отназать, хотя и не охотно сіе сдвлала.

Тогда малюшка нахмурившись съла и ожидала, какъ бы поскоръе насталъ часъ, въ которой бращцы ея и сестрицы перестануть учиться и придуть играть всъ вмъстъ.

Она побъжала къ нимъ на встръчу, лишь только ихъ увидъла, и жаловалась на свою скуку, и расказывала какъ она нешерпъливо ихъ ожидала.

Они обощлись съ нею ласново, и чтобъ развеселить ее, стали играть во всб лучшія игры, въ накія они только по праздникамъ играли. Однакожъ вст ихъ усердныя сшаранія были безполезны: Анюша опящь жаловалась, что ото для нее не новыя игры, и что ужъ онт ей наскучили. Никакъ вст сговорились, чтобъ ничего такова не дтлать, что бы ее увеселяло!

Тогда Кашюша, старшая изъ дочерей и разумная дввушка одиннащиши лвшъ отъ роду, взяла ее за руку и съ ласкою сказала:

"Послушай Анюшушка! ежели шы не "осердишься, шоя шебь скажу, кшо причиною ", швоей скуки.—Ты сама, шы видишь, мы всь "веселы, кошя и чаще шебя играли эшими "играми.

"Но мы учились и двлали себв пользу; "ошь шого мы въиграхъ находимъ больше удо-"вольствія. Ежели бы шы сперва поприлвж-"нве поучилась, шо бы вврно онв шебв сшоль-"ко же пріяшны поназались сколько и намъ.

Машь пришла и услыша слова Кашюшины, увбряла Анюшу, чшо она ей говоришь правду.

гусь и утка.

Гусь уший говориль:

Куда шы, ушка,

Имфешь мало у себя разсудка!
И кшо шебя шакой походко научиль

Дурной, несиладной? Пристойноль голову шакъ низко потуплять, Ходить и ковылять?

Взгляни, накой я статной! Съ накою бодростью высоко въ верхъ держу Свою я тею,

Какъ ею

Повершывать умбю, И гордо навъ-хожу!

Кшо въ важной выступть со мною могь сравниться?

Оставь, состава, свой манерь,
Возми съ меня примтръ .

Какъ должно въ свътъ жить, пора тебъ

канъ должно въ свошо жишь, пора шеог учишься.

На эту ушка рвчь сказала: ква, ква, ква, И повторила раза съ два Сіи слова,

А значили они: куда де ты гусишка

Какой великой хвастунишка!
Поди-ка къ лебедю и шамъ ты передънимъ
Похвастай мастерствомъ своимъ,
Изобличи его передъ собой пороки,
И послъ приходи давать ко мнъ уроки.

Не полюбился свладъ
Ушиной гусю шушки,
Пошелъ нахмурившись назадъ,
И говорилъ: ума ни крошки нъшъ у ушки!

чистосердечныя дъти.

Однажды послё обёда въ ясную погоду Митюша съ Палагеюшкой получили от матиушки своей позволеніе итши однимъ помграть въ саду.—(Сію вольность заслужили они хорошимъ поведеніемъ своимъ въ то ушро).

Долгое время играли они весело и хоро-

Въ саду сшояли съ плодами различныя деревья, между кошорыми было одно молодое персиковое дерево, въ первый разъ плодъ принесшее. На немъ не много было персиковъ, но они шъмъ пріяшнъе казались.

Машь не сорвала еще ни одного изъ сихъ персиковъ, хошя уже они довольно были зрълы: она берегла ихъ иъ прівзду ошца, кошорой куда-то отъвзжалъ.

И какъ она однажды навсегда запрешила дъшямъ своимъ, чшобъ они безъ ея позволенія плодовъ въ саду не рвали, спадшихъ же не поднимали и не кушали, а пришомъ привыкла видъшь ихъ всегда послушными; шо на эшошъ разъ ничего имъ- о персикахъ не сказала.

Когда сіи малюшки довольно наигрались, що побъжали кругомъ, осмащривали прекрасные плоды на деревьяхъ и любовались глядя на нихъ.

Напосльдовъ прибъжали они и въ персиновому дереву, подль кошораго выпромъ спибены лежали два преврасные персина. Мишюща первый ихъ увидыть, забыть о матушкиномъ запрещеніи, поднять одинь персинъ и скушать, а другой ощдать Палашь, у кошорой онъ шакже не долго быть цыть.

Когда персики были събдены, шогда Палаша вспомнила о машушкиномъ приказаніи, чшобъ не показавъ ей не кушашь ни какихъ плодовъ.

Ахъ, брашецъ! свазала она, мы не послушались машушки, она шеперь на насъ прогивваешся; какъ намъ бышь?

митюша.

И! да она не свъдаешъ.

ПАЛАША.

Какъ не свъдащь? брашецъ! а развъ вошъ какъ мы сдълаемъ: шы знаешь, чшо она и большіе просшупки иногда намъ прощала, когда мы ей чисшосердечно въ нихъ признавались...

митюша

Да, однакожъ мы ее ослушались, а шы знаешь, чшо она за ослушание всегда наказываешъ.

палаша.

Пусшь инъ нанажешь; но вишь это она любя насъ сдълаеть, а мы впредь не будемъ

забывать того, что она приказываеть намъ

МИТЮША.

Правда швоя, сестрица! но это, что она тринуждена будеть насъ наназать, сдвлаеть эй опять не малую печаль.—А я не могу видють ее печальною.

ПАЛАША.

И я также, братець! Ну, да какъ она еще печальное будеть, когда узнаеть, что мы отъ нее проступокъ свой утаили? а хотя бы и не узнала, но съ какимъ сердцемъ станемъ мы на нее смотроть, знавши за собою такую вину? не стыдно ли намъ будетъ, когда она приласкаетъ насъ и назоветъ любезными дотьми, а мы этова не заслуживаемъ?

митюша.

Ахъ, голубушна сестрица; я вижу, что ты лучше меня разсуждаеть. Пойдемъ, пойдемъ къ ней, и признаемся въ нашемъ непослушаніи.

Тушъ обнялись они и взявшись рука за руку пошли.

Матушна сударыня! сназала пришедъ Палаша, мы тебя не послушались! нанажи насъ, мы тово стоимъ. Тольно не гнвайся, не будь печальна; мы забыли о твоемъ запрещеніи.

Пошомъ расказалъ Мишюша, что они сдълали, расказалъ подробно всю правду.

Часть І.

15

Добрая машь шакъ шронуша была чистосердечіемъ своихъ дъшей, что она прослезилась. Она не наназала ихъ за ослушаніе и на сей разъ охотно имъ простила, ибо думала, что они раскаяніемъ своимъ довольно накаваны, и чрезъ то научились впредь остерегаться отъ непослушанія.

ВЕСЕННЯЯ ПЪСЕНКА.

Взгляньше, навъ ясно лучь солнца блис-

Зелень пріяшна луга украшаеть; Хладный расшаяль и сногь ужь и ледь; Въ поло цвоточикь и травка расшеть.

Съ шумнымъ жужжаніемъ кучкой немалой Пчелки шолпяшся вкругь розочки алой; Песшрая бабочка, въ бархашт вся, Смошришъ любуясь сама на себя.

Жавронии въ верху высоко віюшся; Пъсенки пшичекъ въ лъску раздаюшся; Громки ихъ гласы, но всъхъ ихъ громчей Нъжный малюшко поешъ соловей.

Взоры куда я свои ни кидаю, Всюду веселье, ушфин всшрфчаю;

Бъется от радости сердце ное! Господи! славно будь имя твое.

великодушное дитя.

Мальчишка быль и вырось велинонень, Малчишка неплохонень, Да шолько изъ избы не высшупаль ногой. Не знаю для чего содержань быль шань сшрого, Да мив и знашь о шомь пошребности не много;

Довольно, что мальчитка мой, Окромо печи, На коей гроль онь плечи, Другова ничего на свото не видаль:

Онъ можешъ бышь хвораль, Танъ за бользнію все дома осшавался.

Пришла пора Мальчиший бхашь со двора;

Ошецъ его куда-то собирался; Не въдаю о томъ,

То лътомъ было иль весною, Но ъхалъ онъ верхомъ И сына взялъ съ собою.

Мальчишка, вырвавшись изъ долгой заперии, Всему дивишся:

Ему все чудо зришся, Что онъ ни встретить на пуши: Все холини ему назалися горами, Вст лужицы морями; Вопросамъ не было конца, Замучилъ ими онъ отца.

Впоследовъ, пушь свой продолжая,
Они въезжающь въ лесъ,

А къ нимъ бъжить на встрвчу песъ, Иль попросту сказать, собака злая, Хохлатая, большая.

Мальчишка мой кричишь:
Скажи мир башюшка, вонь это что бржить?
Отець отвртствуеть, мальчишку искушая:
Одругьмой, знаешьли? вить это злой медердь,
Онь хочеть нась сожрать, намь должно
умереть!

Мальчишка мой ошнюдь шого не испугался, И говоришь ошцу: сшолкни меня Съ коня,

Чтобъ въ зубы я къ нему попался, А какъ меня онъ станетъ жрать, Ты можеть, батюшка, отсель ускакать.

худо выть непослушливымъ.

Чешыре маленькія дівушки, окончавь часы своего ученія, играли съ саду:

Учишельница и купно пріяшельница ихъ, кошорая никогда ошъ нихъ не ошлучалась, была и на ошошъ разъ съ ними.

Это было въ то время, ногда плоды

мачинающь поспъващь, и естьли изъ нихъ котпорой упадаль съ дерева, то дъти присбътали въ ней и спрашивали, поспъльли онъ и можно ли его нушать.

Нънаное дъло принудило учищельницу мойши изъ саду и осшавишь на часовъ своихъ малюшовъ.

Не срывайще, любезныя двши, и не кутпайще до меня ни какихъ плодовъ, сказала она, и пошла ошъ нихъ; а онв обвщались бышь послушными.

Между швиъ, канъ двши сидвли подъ однимъ деревомъ и играли, упала передъ ними на землю прекрасная пруша:

По своему обывновенію бросились было онб всв за нею, но скоро вспомнили, что учительница имъ запретила, и что не хорошо бы было ее ослушаться.

Одна Аннушка, младшая изъ вствъ, не хошя воспрошивишься своему желанію, побъжала къ грушт, подняла ее и сказала сестрицамъ: я ее благополучно скушаю, а вы будшо не видише!

Посль сего идент учинельница: малюнки всь побъжали ит ней на всшрьчу, и она сшала ихъ спрашивашь, были ли онь послупны.

Три стартія уврряли ее безъ всякаго смущенія, потому что онр были правы, а

праваго человъка совъсть не укориеть; но Аннушка стояла покраснъвъ какъ нъмая.

Хорошо, сказала учищельница, важь тремъ позволяю я идши вонъ въ этоть уголокъ сада и кушать тамъ вишни и малину; на васъ можно положиться, что вы ничего незрълаго или запрещеннаго кушать не станете. Я между тъмъ пойду и буду сидъть въ бесъдкъ.

Но шы, Аннушка, не можешь учасшвовашь въ ихъ удовольсшвій, пошому чшо шы безъ меня запрещенныхъ плодовъ накушаєшься, или ошъ многаго объяденія занеможешь, а я еще имбю сшолько къ шебо любви, чшо не хочу шебя до шого допусшищь.

Аннушить было весьма чувствительно, она сожальла о своемъ непослушаніи; но сіл чувствительность послужила ей нъ великой пользь.

А именно, она подала ей поводъ одуматься и узнать, въ накую опасность каждую минуту вдается дитя подверженное сему пороку, и для того Аннушка съ тогожъ часа твердо вознамърилась всегда быть послушною.

Она сіе исполнила и наслаждалась, вакъ и прочія ея сестрицы, любовію всрхъ шрхъ, которые ее знали, и могла уже во всрхъ вабавахъ позволяемыхъ шрмъ, безъ всякаго опасенія брать равное съ ними участіе.

услышаль о бользни вогатаго петруши.

Петрупа нездоровъ? Петрупа захворалъ? Которой такъ вчера былъ веселъ и игралъ? По этому, хоть кто богать и всемъ доволенъ, Но съ беднымъ наровне быть можеть также боленъ?

Я этова не зналъ.

Любимый сынь ошца, ошъ сполькаго доспашку

Петрушаль жизнь свою не могъ содвлашь сладну?

Ни въ чемъ и никогда онъ нужды не имблъ, Одбтъ былъ хорото, со вкусомъ пилъ и блъ, А терпитъ лихорадку!

Мы съ брашомъ Өединькой безъ нужды ни на часъ,

ъдимъ лишь чорствой кльбъ и пьемъ за ръдкость квасъ;

Однако дни свои не худо провождаемъ: Мы веселы, поемъ, мы ръзвимся, играемъ, И нъшъ здоровъй насъ.

He всходящь и на умь намь мысли прихотливы,

Не выши съ роду сливъ для насъ рябина сливы.

Влагодарю тебя всвых сердцемх и умомъ, О Творче! что меня не сдвлаль ты Петромъ: Не онъ, а мы щастливы.

ДАМЕТЪ И ДОРИСА.

даметъ.

Ахъ! чшо мив двлашь? боюсь повазащься башюшив. Канъ будешь онъ шужишь о васъ, бвдныя козы! — Нвшъ! Я не могу видвшь слезъ его; лучше пойду.... пойду, куда глаза глядящъ. Бвдной я!

дориса

О чемъ шы плачешь, Дамешъ? ДАМЕТЪ.

Ахъ, Дориса! кабы ты знала каково мнф! подумай только: двъ козы, которыхъ мнф батютка вельлъ пасти, спрыгнули съ горы и убились до смерти! У бъднаго старика только и всего имфнія было; мы питались ихъ молокомъ. Теперь что намъ осталось? Чъмъ мы будемъ жить? Бъдныя козочки! какъ я ихъ любилъ! Онр часто играли со мною на травъ; часто лежали смирнехонько у ногъ моихъ, когда я подъ трнію древесъ сидълъ. Я нарочно ходилъ выбирать любимую имъ травку, кормилъ ихъ изъ своихъ рукъ, водилъ всегда къ чистому источнику, холилъ ихъ, мылъ, и прежде самъ не ложился

спать, покуда ихъ не отводиль въ хлевокъ. Теперь ужъ ихъ нетъ! ахъ ахъ!

дориса.

. Но какимъ образомъ это сдълалось? Для чево ты за ними не смотрълъ?

даметъ.

Я на часовъ предъ шъмъ сошелъ съ горы въ долину, и искалъ шамъ цвъшовъ, чтобъ силести себъ въновъ. Между шъмъ кавъ я хожу и рву цвъшки, Тирсисова большая собака съ другой стороны горы бъжитъ во всю мочь и лаешъ: бъдныя мои козочки испугавшись бросились съ горы безъ памяти! я кричу, бъгу; но прибъжалъ уже шогда, когда онъ мертвыя у ногъ моихъ лежали!

ДОРИСА.

Бъдной шы!

даметъ.

Ахъ! не шужи о мнв, шужи лучше о моемъ ощив: шы знаешь какъ онъ бъденъ, а шеперь я его еще бъднве сдълалъ, лишилъ послъдняго: О Дориса! ушвшь его безъ меня: я во въки ему не покажусь, уйду куда глаза глядящъ.

ДОРИСА.

Ты безумствуеть, Даметь; развъ ты хочеть больше его опечалить? ты знаеть, какой онъ доброй, тошчасъ тебя простить.

ДАМЕТЪ.

Такъ, Дориса; но сіе що самое, что я

его люблю и онъ меня любишъ, пуще меня сокрушаешъ: я не могу на горесшь его смошровнь.

дориса.

Послушай, Дамешушка; осшанься съ нами. Какъ можешь шы любишь ощца и наводишь ему шакую жесшокую печаль? Осшанься и шолько молчи! Ты въдаешь, какъ я богаша, и чшо на здъшнихъ поляхъ сшадо мое всъхъ больше: какую розницу могушъ мнъ сдълашь двъ козы? Пойдемъ, мой другъ, я шебъ ихъ съ радосшію подарю.

ДАМЕТЪ.

О Дориса!—О любезная!—Ахъ шы мив жизнь возвращаешь!

дориса.

Какъ щастливъ тоть, кто можетъ дълать добро другимъ!

даметъ.

Теперь пойду я нъ башюший. Канъ бъдный старинъ обрадуется! Канъ будеть онъ тебь благодаренъ! пойдемъ—Но ньть! возъмемъ нозъ и приведемъ нъ нему сами — О Дориса! снажи, канъ мнь тебя любить? канъ оказать тебь свою благодарность?

дориса.

Молчи!—Двр возы прежде были у шебя, а шеперь, чшобъ больше обрадовать швоего ощи, я шебр даю шрехъ овецъ машокъ и съ ягняшками.

ДАМЕТЪ.

О небо!—Я умру ошъ радосши! Дориса! любезная Дориса! нъшъ! эшова много! дориса.

Пойдемъ, возьми изъ моего сшада козъ

О люди! есшь ли чшо сладостиве удовольствія благод тельствовать себт подобнымь?

ЛИСИЦА И ЛЕВЪ.

Лисица льва на единъ узръвъ, Поджавши хвостъ пришла къ нему смиренно И говоритъ уничиженно:

Высокомочный левъ!
Осмълюсь донесши не ложно,
Что по моей кътебълюбви не можно
Никакъ того мнъ перенесть,

Что бы твою при мнр кто трогаль честь. Осель меня совстивыводить изъ терптыя:

> Онъ, не храня къ meбb почменья, Мнb часто говорить,

Что будто я хвалю тебя напрасно, Что онъ въ тебъ достоинствъ тъхъ не аритъ,

> О коихъ я ему шолкую ежечасно; Что будто мужества не видно твоего,

Великодушія въ meбb что будто мало, Что ты похвальнаго не сділаль ничего;

Что правосудія въ тебь и небывало.

Левъ, выслушавъ сіе, съ минушку помолчалъ,

И шако ошвъчаль:
Равны мнъ ваши лица,
На гнусну лесшь лисицы,
И на ослову брань и гнъвъ
Не смотрищъ левъ.

виттингтонъ.

Въ Лондонъ (вы я думаю знаете, гдъ этотъ городъ лежитъ?) богатой нънто нупецъ принялъ въ себъ въ домъ одного пребъднаго сироту, у котораго отецъ и мать умерли.

Мальчинъ эшошъ назывался Рихардъ Вишшингшонъ. Съ начала, для шого чшо онъ еще очень малъ былъ, не упошребляли его ни къ какому дълу: и шакъ онъ бъгалъ шолько вездъ въ домъ.

Но онъ нашелъ самъ себъ дъло: сталъ прилъжно сбирать и прящать потерянныя

булавки и брошенныя голландскія нишки, котпорыми купцы увязывають свои товары. Ногда онъ дюжины двр булавокъ и довольно тполстой пучокъ голландскихъ нишокъ собралъ, то принесъ ихъ къ господину своему въ кабинетъ.

Господину его это понравилось: мальчикъ этоть, подумаль онь, можеть со временемь быть върный и бережливый смотритель за домомъ. Съ того времени онъ больте занимался имъ и полюбиль его.

Однажды окашилась кошка: одинъ изъ людей того дома взилъ маленькихъ кошинъ и понесъ ихъ бросить въ рвку; мальчикъ выпросилъ себв одного кошенка съ твмъ, чтобъ его вскормить и послв продать. Дали ему, онъ кормилъ его, кошенокъ выросъ и сталъ прекраснвищий котъ.

Спустя нъкоторое время купецъ отправляль въ далекую землю большой корабль съ товарами, для продажи тамъ оныхъ. Когда онъ тель на него посмотръть, все ли порядочно укладено, мальчикъ встрътился съ нимъ, и котъ у него на рукахъ.

Рихардъ, сказалъ ему купецъ, нътъли у тебя чего отправить за море на продажу?— Ахъ сударь, ошвъчаль мальчикъ, вы знаеме, что я бъденъ и ничего не имъю, кромъ втова коша.

Ну такъ пошли кота, сказалъ купецъ. Рихардъ пошелъ за нимъ на корабль, оставилъ тамъ своего кота и просилъ чтобъ его продали. Корабль поплылъ.

Черезъ нѣсколько мѣсяцовъ корабельщикъ присшалъ къ одному острову, которой до того времени совсѣмъ не извѣстенъ былъ. Вышли на берегъ и услышали, что на отомъ острову владѣетъ Король.

Король лишь только узналь о прибытія въ вемлю его чужестранцевь, то вельль ихъ позвать въ себь объдать. Кушанья на столь было много, но почти ничего всть не льзя.

Въ горницъ шакая пропасть была мышей и крысъ, и такихъ смълыхъ, что онъ стадами по столу бъгали, пожирали кушанья, и даже изъ рукъ у гостей куски хватали.

Не могли найши никакова способа къ избавленію опъ нихъ, хоппя Король шому, кшо ошоть способъ сыщеть, обрщаль дашь кучу волота въ награду.

. Чужестранцы услышавъ сіе сказали Roролю, чио они привезли съ собою звъря, коиторой встав мышей и нрысъ передавишь; и вельли принесши коша.

Тушъ-то было чего посмотръть, какъ онъ началъ всъхъ мышей пырять! черезъ полъ часа ни одна крыса не смъла показать носу.

Король шанъ вшому обрадовался, словно канъ бы вшо ему другое царство подариль; и канъ онъ имълъ неизчерпаемое богатство, шо и далъ за кота цълую бочку золота. Корабль поплылъ назадъ.

Купецъ лишь шолько услышалъ, сколько за коша денегъ дали, шо позвалъ къ себъ мальчика, расказалъ ему о его щасшіи, увърилъ его, чшо все эшо золошо ему'одному принадлежашь будешъ.

Пошомъ обучилъ онъ его шорговымъ двламъ, и какъ увидвлъ, чшо сей молодой человъкъ продолжаешъ бышь шрудолюбивъ, въренъ и бережливъ, шо по пришестви его въ совершенный возрастъ, выдалъ за него за мужъ единородную дочь свою, и сдълалъ его наслъдникомъ всего своего имънія.

истинный братъ.

Пресшавился ошецъ, осшалися шри сына: Они имъніе дълять между собой, И всякъ изънихъ пошомъ въ удбаъ ошходишъ свой,

По носмольнихъ годахъ жестомая судьбина.
Послала въ ту страну
Кровавую войну:

От непрівтельских орудій обнаженных , Изъ сель и изъ домовъ своихъ возженных ь Всв жители бъгуть,

И страхъ одинъ съ собой бъгущіе несуптъ. Два брата изътроихъ, которы раздълились,

При общей пагубт людей Всего имтнія, встать блахъ своихълишились, А съ ними и надежды всей.

Но шрешій брашь изънихь осшался невредимо, Гроза сія его прошла по щасшью мимо. Услышавь о своихь онь брашьяхь, что они Всего лишенны,

Проводять въ бъдствъ дни, Свиръпаго врага рукою разоренны, Въщаеть самъ себъ: такъ я одинъ богатъ,

А брашья будушь нищи,

Шататься день и ночь безъ пищи?... Какой я буду брать!

Сіе свазавъ шошчасъ письмо пригошовляешъ, Немедленно гонца по брашьевъ посылаешъ: Они прівхали.... Се брашская любовь! Онъ съ ними часшь свою двлишъ по равну вновь.

РАЗГОВОРЪ ВЪ САДУ.

Дъйствующія лица:

Доброумъ, надзиращель.

Графъ Николай, семи лъшъ.

Иванъ, рабошникъ дврнашцаши лршъ.

Графъ Андрей, осын лошъ.

Фона рыбанъ.

Гр. Николай.

Канъ ошошъ малой (указывая на Ивана) въ грязи роешся! посмощрите, господинъ Доброумъ, какъ онъ весь замаранъ! фуй! гадко на него смощръщь!

Доброумъ.

Такъ, это правда; но за чъмъ онъ это дълетъ?

Гр. Николай.

Какъ за чъмъ? онъ копаешъ гряду подъ спаржу и выбрасываешъ изъ нее худую шраву.

Доброумъ.

Да на что это?

Гр. Николай.

Чтобъ спаржа лучте росла.

Доброумъ.

A!... такъ онъ это для насъ работаеть? гр. Николай.

И въдомо. Не ужлижъ ему самому обжираться спаржею.

Доброумъ. (постолев носколько и смотря св ласкою на Ивана.)

Браной малой! накъ онъ трудится! по-Часть І. 16 смотри онъ замаранною рукою пошъ сълица своего отпраетъ. Я дивлюсь, чито онъ не броситъ работу и не уйдетъ.

Гр. Николай.

O! эшова онъ сдрлашь не сирешъ. Доброумъ.

Не смветь?—для чего? Гр. Николай.

Разві вы не знаеме, что онъ сынъ натева Петра, которой живеть такъ вонъ близко житницъ?

Доброумъ.

Онъ сынъ ево? эшова шолсшова мужика, кошорой, какъ ны были на сћиовосћ, шакъ былъ прилћженъ и веселъ?

Гр. Николай.

Такъ, шакъ; и кошорой хошъль еще изъ своей кружки меня напониъ.

Доброумъ

Предоброй челововь: а самъ миблъ въ томъ шакую нужду, пошому что тогда было очень жарко.

Гр. Николай.

Да имо бы изъ ево кружий пишь сшаль? фуй! подлинео что подлые люди иногда бывають въ шлгость: грубый рыбать нашъ, Фона, всегда подветь мир руку, а она у него шаная мерзская!

> доброумь. ножа на его рукахъ ошъ рабо

шы сделалась шолешою, а учшивосшимъ светшенить онт не наученть.—Чшобъ щы скаваль, Графъ, есшьли бы башюшка швой всеть эшихъ людей изъ своей деревни выгналь, а на месшо ихъ набраль бы все чистиоплошныхъ и опряшныхъ?

Гр. Ниволай.

То-то бы было хорото!

Доброумъ.

Чшобъ эшо все шакіе люди были, съ кошорыми могли бы мы прогуливашься, ходишь къ нимъ въ госши; они бы хорошо были одъшы, имъли у себя чисшинькія руки, и слъдсшвенно не были бы шакъ гнусны и ошврашишельны какъ сіи?

Гр. Николай.

Ахъ! коли бы башюшка эшо сдълаль! Доброумъ

Попробуемъ, спанемъ говоришь ему, можетъ быть онъ на это и согласится. Хочеть ли?

Гр. Николай.

Хочу, очень хочу!

Доброумъ.

Ho—одно мнb на умъ приходишъ. гр. Николей.

Что такое?

Доброунъ

Я думаю, ктожъ въ будущую осень намолошить намъ клъба? Вить сін люди въ тр. Николай.

О! кабба мы можемъ нупишь спольжо намъ падобно.

Доброунъ.

Купить? — да то, на чио покупають, деньги то откуда мы возымемь? Вишь ты знаеть, что прикащикь всегда къ батюшкъ твоему приносить большой мътокъ, когда продасть хаббъ.

Гр. Николай.

Да это правда.

Доброуж >

А запачканой рыбакъ, когда омиссемъ нъсколько карповъ на рынокъ, не приносишъ ли шакже съ собою денегъ?

Гр. Николай.

Да, онъ это дълаетъ.

Доброужъ

А другой запачнаной мужикъ, кошорой всегда на скошномъ дворъ навозъ нюхаешъ, когда онъ накопишъ нъсколько кадокъжолшова масла, не досшаешъ ли чрезъ шо деньги?

Гр. Николай.

Такъ, это правда.

Доброумъ.

И чтобы мы спали дълать, естьли бы у насъ денегъ не было? намъ бы надлежало шли умереть съ голоду, или милостину просить. Кому мы шрит обласмы, что не имремь въ этомъ нужды?

Гр. Наполай:

Томъ, кошорые досшающь намъ деньги. Доброумъ.

Следоващельно эшимъ чорнымъмуживамъ и рабошнивамъ, эшому скошнику и эшому рыбаку съ жосшкими руками и въ запачканомъ плашье! Могли ли бы сіи белоручки, кошорыхъ бы мы на место ихъ набрали, досшавашь намъ сшолько какъ они? могли ли бы те рабошащь?

Гр. Николай.

О, нъшъ! они бы отова не могли.

Доброунъ.

. Конечно нъшъ; ибо ежели бы имъ надлежало ворочать такія глыбы земли, какія вонъ этоть Иванъ ворочаеть, то бы они скоро отказались. Помнить ты; братецъ твой Андрей не успъль три раза ударить молотилкою, какъ уже весь вспотъль и усталь.

Гр. Николай.

Да, да, от правда, и я не понимаю, какъ простолюдинцы могуть цолой день сносить такую работу,

Доброумъ.

Имъ шакже не легио, и для шого должны мы имъ всячески благод вшельсшвоващь: однакожъ имъ и не шакъ шрудно, какъ бы это было намъ, потому что члены ихъ одтъ ра-

Гр. Андрей.

Правда швоя, Иванъ, правда. (Онграсываето свое платье).

Гр. Николай. (обнимая есо.)

Полно не укусила ли она шебя, брашецъ?

Нътъ, вътъ, будь спокоенъ и ме дълай по моему. Господинъ Доброумъ, и тотчасъ приду къ вамъ назадъ, только слово скажу Ивану. (Идетъ къ нему въ садъ).

Доброумъ. (св меньшимъ Графомъ стоя на деорв.)

Ну, Графъ! что ты теперь скажеть о Ивань? еще и онъ тебь нажется такъ простъ жгнусенъ, что не льзя на него безъ омерзънія смотрьть?

Гр. Николай.

Ахъ, нъшъ! я ево очень полюбилъ.

Доброумъ.

Онъ ото и заслуживаеть, а съ нимъ вообще вст люди, которые обывновенно также какъ онъ неутомимы въ трудахъ, довольны своимъ состояніемъ, добросердечны и съ охотою всякому помогають, какъ скоро имбють къ тому случай. Пречестные люди! не больше ли они для насъ трудятся, нежели для самихъ себя?

Гр. Николай.

Ахъ! такъ, это правда.

Доброумъ

И не должны ли мы за то быть из нимъ доброжелашельны, сшарашься облегчашь ихъ шруды и благодаришь Бога, что онъ такихъ намъ далъ помощниковъ, кошорые для насъ больше двлаюшь, нежели мы сами?-Конечно, кто презираеть мужика, или еще дълаеть ему вло, тоть должень быть весьма глупый или весьма злой челововь; глупый. потому что не знаеть, сколь полезно и достопочтенно сіе состояніе; злой, по тому что собственному благод телю своему вредишъ.--Или не назовемъ мы благодъщелемъ того, кто намъ благо двлаетъ? а сін добрые и шрудолюбивые люди не долающь ли намъ ежедневно много добра своими шрудами? Гр. Николай.

Танъ, это подлинно правда. Отнынъ я ихъ всегда любить буду. (Между тъмъ увидя рыбака бъжить къ нему на встръсу и подаеть ему руку). Здорово, Фока, здорово!

Дай тебь Господь много льть здравствовать, кормилець мой!—(Графь Николай ведеть его за руку кв надзирателю).

BECHÀ.

Сшаль воздухъ синь и шеплъ, долина зелена,
Лилеи разцвъшающъ,
Струи въ брегахъ играющъ.
Пріяшная весна,
Канъ дъва прасная но брану разряженна,
Роскошствуя вездъ блистаетъ изпещренна.

Желающій ед прідтности вкушать,
Въ поля идеть избранны.
Въ луга благоуханны,
И съвши отдыхать
Подъ тънью тамъ древесъ, гордящихся листами,
Восхвалить Господа и сердцемъ и устами.

НАТАША.

Нашаша всбхъ превосходила Чрезмбрной рбзвосшью двшей, И что ей машь ни говорила, Безъ пользы было що для ней.

Играшь однажды въ жмурни сшала И какъ мужикъ она блажной По сшульямъ, по сшоламъ скакала, Кричала бъгая: гей, гой! Лище ея какъ угль горвло И пошь съ нее ручьями лиль, Въ ней сердце билось и минвло, Дышашь почши не сшало силь.

Тихонько шакъ она уходинъ, Оставя на часокъ игру, И воду свъжую находитъ, Чъмъ жажду уполить въ жару.

Сладка ей кажешся водица! Но брашъ Петрута въ слъдъ за ней Бъжитъ крича: постой сестрица! Я матушкъ скажу, не пей!

Она рукою погрозила, И воду выпивъ всю со льдомъ, Бъда швоя, проговорила, Коль скажешь шы кому о шомъ.

Петрупа самъ не въдалъ много, За что бранитъ за это мать. И не судя объ этомъ строго, Направилъ ноги вновь скакать.

На завшра шошчась онь приходишь Нашашу видёшь по ушру; Но ахъ, въ коль жалосшномъ находишь Онъ сосшояніи сестру! Бъдняшка вопишъ со слезами, Ни съсшь ни лечь ей не даешъ, Какъ будшо осшрыми иглами Ее кшо колешъ, шакъ ревешъ!

Петруша побъжаль сшоная, Тоску свою онь въ садъ понесъ, Тамъ руки къ верьху воздъвая Онъ просишь помощи съ небесъ.

Межъ шъмъ лъкарсшво сосщавляющъ, Нашашъ въ ложив подающъ; Къ нещасшію не помогающъ Ни прозьбы ни угрозы шушъ:

Она ту ложку прочь толкая Кричить лишь: горько! ньть! ой ньть! Мать тщетно говорить лаская: Принудь себя, прими, мой свыть!

И ловарь накъ ни ублажаеть, То посулить здоровье ей, То смертью злою угрожаеть, Не слушаеть его рочей!

Бользнь межь шьмь усугублялась, И ахъ! на ушренней зарь, Нашаша бъдная скончалась Лежала мершвая въ одрь! Тогда Петруша вдругь вбътаеть; Сестру зря бабдну предъ собой, На трао съ крикомъ упадаеть, И тупъже въкъ кончаеть свой.

ТЬла ихъ вмвств положили, И надъ могилой сдвланъ знакъ. Сіе отъ Лейпцига съ полъ мили; Кто вдеть мимо, видить всякъ.

дътские Разговоры,

шолкующіе є вещахъ, умсшвованіемъ посшигаемыхъ, и служащіе пищею разуму.

РАЗГОВОРЪ І,

О томь сто такое твло.

Дишя.

Башюшка! я спросиль севодни у дядюшжи, что шакое мъсяць? а онъ мнъ сказаль: шъло. Я не могу этова понять. Мъсяцъ совсъмъ не похожъ на человъка, а мнъ кажется шъло только у человъка бываетъ.

Omeus.

Нътъ, мой другъ, дядющка правду сказалъ. Надобно шолько шебъ въздишься разумъть, что шакое шью.

dized by Google

Aume.

Да какъже я это сдвлаю?

Ошецъ.

Послушай прилъжно, шакъ и шебъ растолкую. Всь шь вещи называющся шьлани, кошорыя можно глазами видьшь, и рукою ощупать. Ты самъ себя можешь видьшь и щупать или осязать: и шакъ шы—

Диша

Tbao!

Ошецъ.

Да, шоло. А вонъ эшошъ наменъ, кошорой шамъ лежищъ, шоло ли онъ?

Aums.

Я думаю.

Ошецъ.

Можешь и шы его видошь?

Mory.

Ошецъ.

А рукою осязань или пощупань? Дишя.

И mo могу.

Отецъ

Итанъ намень есть толо. Далое: вонъ это дерево, ноторое тамъ стоить ли ты его видоть?

Anma.

Mory.

257

Ошецъ

А щупать?

Дишя.

Также могу.

Отепъ.

Сльдовательно и дерево также есть —

Auma.

Thao.

Ошецъ.

Теперь станемъ говорить о мфсяцв. Можещь ли ты его видвть?

Дишя.

Канъже, я по ночамъ всегда его вижу на небb.

Отецъ.

А можешь и шы осязать, пощупать, допронуться до него рукою?

Дишя.

Нътъ, этова я не могу.

Ошецъ.

Для чего не можешь? для шого что онъ отъ насъ далекъ, шакъли? но ежели бы шы могъ подойши къ нему близко, то бы и ощупать его могъ, точно также, какъ можешь ощупать землю, на которой ты стойшь. — Вонъ, на примъръ, этотъ домъ: ты видишь его, но можешьли до него дотронуться?

Дишя.

Hbms.

Ошецъ.

Для чего нѣтъ? Часть І.

Digitized by Google_

Дишя.

Для шого, чшо онъ далеко ошсель. _{Ошецъ.}

Чтожь? не ужъли для этова ты не сочтешь его трломъ?

Дишя.

Сочшу, пошому что естьли бы я тамъ подлъ него былъ, такъ могъ бы до него дотронуться.

Ожецъ.

Такъ, шы справедливо разсуждаешь. Равнымъ образомъ есшьли бы шы и подлъ мъсяца былъ, шо шакже могъ бы до него дотронушься; но шуда не можемъ мы взойши.

Anma.

Для чегожь не можемь?

Ошецъ.

Для шого, чшо между нами и мъсяцомъ ничего нъшъ, кромъ воздуху; а по воздуху мы лешашь не можемъ.

Дишя.

Какъ жаль; о кабы это можно было!— Но что такое воздухъ?

Ошецъ.

Воздухъ есшь шакже швло.

Дишя.

И! башюшка, вы надо мною шушише! вишь я не могу видошь воздуха. Ошецъ.

Правда; но шы можешь его осязашь или ощущать.

Дишя.

Извините, башющих сударь, я и этова не могу.

Ошецъ.

Не можешь? дай мий свою руку. (Онбдуеть на нее). Ощущаешь ли шы что нибудь?

Ощущаю въшръ.

Ошецъ

Вътръ этотъ не иное что, какъ воздухъ, которой и изо рту на твою руку пускаю: ты можешь его ощущать, а потому и онъ—

Дишя.

Долженъ бышь швло.

Отецъ.

Новошь здёсь шёнь моя; видишь ли шы ее? Дишя.

Вижу.

Ощецъ.

А можешьли осязащь ее, взящь руками? Дишя.

Я посмощрю. (Хватаеть тыль). Нъшь, батющка, я не могу ее осязать.

Ошецъ.

Стало быть твнь не есть трло.

Дишя.

Чтожъ она такое?

Ошецъ.

Три собственно есть ничто, одно тольно пятно или мрсто, на которое сврть не
падаеть, для того, что какое нибудь трло
заслонеть его оть онаго—Помниже: все то,
что ты видрть и ощупать, особливоже что
ощупать можеть, когда ты стоить подлр,
все то есть трло. И такъ солнце, мрсяцъ,
зврзды, птицы, деревья, камни и проч. все
это трла, потому что ты всрхъ ихъ видрть,
и коли близко стоить, то и ощупать или
осязать можеть.

Дишя.

Башюшка, я выдумалъ загадку!

Какую? скажи.

Дишя.

Что такое, что мы видоть можемь, а ощупать ноть, хоть бы подло стояли?

Очень хорошо! ото должна быть тbнь. Дитя.

Ахъ, башюшка! вы ошгадали. Ну шеперь побъгу я къ сестрицъ Варинькъ и ей загадаю. Какъ она сшанетъ надъ эшимъ голову ломать!

РАЗГОВОРЪ II.

O разности между словами теловъкъ и существо.

Ошенъ.

Васинька, что ты такое?

Дишя.

Я человъкъ, башюшка.

Ошецъ.

А что такое человокъ?

Aums.

Челововъ есшь-челововъ есшь-

Ошецъ.

Чтожъ такое? я вижу ты не можеть найти приличнаго слова.

Дишя.

Человъть есшь—я право не знаю какъ бы это сказать.

Ошецъ.

Ну ежели шы скажешь: человокъ есшь дерево?

Дишя.

Извинише, башюшка: человъкъ не дерево. _{Ошецъ}

Или вещица—можноли сказашь: человъкъ есшь вещица?

Дишя.

Нъшъ, башюшка; я человъкъ, но я не вещица.

Ошецъ.

Ну! инъ вещь?—человъкъ есшь вещь? каково тебь это нажется.

Дишя.

И это кажется не хорошо.

Ошецъ.

Такъ и шебъ скажу слово, кошорое шы въ

разговорахъ упошреблять можеть: сущестю. Человъкъ есть существо.

Дишя.

Существо—существо—я этова не разу-

Ошецъ.

Видишь, мой другь, когда мы чему нибудь шакому, что мы видимъ или слышимъ, не умбемъ дашь настоящаго имени, то называемъ это вещію. Напримбръ ты бы увидбаъ соху въ поль, и не зналь какъ ее назвашь, тогда бы ты спросиль: какая это вещь? также употребляется слово сіе для сокращенія разговоровь: напримірь, естьми бы на столь у тебя лежали книги, яблово, часы, перспень, карандашь, ножичекь и проч, и захошьль приказать все это спрятогда, вивсто чтобъ каждую изъ сихъ вещей называть по имени, ты бы гораздо короче сказаль дядькв своему: спрячь эши вещи. Но для того то, что все, даже и самое презришельное, можно называщь вещію, слово сіе становится низко, и неприличествуеть, чтобь прилагать оное къ человъку; и какъ слово существо тожъ самое означаеть, что и вещь, того ради лучше говоришь: человоть есть существо, нежели челововь есть вещь. Итакъ челововь есть существо, но какое существо?

263

Aums.

Живое.

Ошецъ.

И кошка шакже жива; не ужъли же ко-

Дишя.

И! батюшна.

Ошецъ.

Почемужъ не шакъ, мой другъ?

Дишя.

Она совствъ не похожа на человъна.

Ошецъ.

Это правда; но и люди не точно одинъ на другаго похожи; и такъ одного вида для различенія сего не довольно, — Какъ называется все то, что мы у человъка видимъ— голова его, тея, грудь, брюхо, ноги, и однимъ словомъ все?

Amms.

Трио- человрческое.

Ошецъ.

А какъ называется то невидимое живое существо, которое възтомъ трар живетъ, и самое трао дразетъ живымъ?

Auma.

Душа.

Ошецъ.

Чтожъ ежели мы скажемъ: человъкъ есть существо животное, составленное изъ души и тъла?

Дишя.

Будеть очень хорошо.

Ошецъ.

Но у кошки есшь ли штого?

Есшь.

Ошецъ

А душа?

Дишя.

Эшова я не думаю.

Ошецъ

Для чегожь нѣть? развѣ кошечье тѣло не шакоеже живое, какъ наше? и развѣ нѣть въ немъ шакже невидимаго живаго сущесшва, или души, кошорая сіе тѣло ея дѣлаешъ живымъ? Дишя.

. . . ''

Да, это правда.

Ошецъ.

Стало быть кошка есть также живое существо, составленное изъ дути и трла? стало быть все равно, что кошка, что человъкъ?—ты онъмъль, мой другь, Васинька! не знаеть что отврчать? послушай, и тебр скажу въ чемъ состоить разность. Канъ ты думаеть, въ состояни ли кошка, подобно намъ, о чемъ нибудь разсуждать? можеть ли она понять, какъ ты теперь поняль, что такое существо?

Дишя.

Нъшъ, этова она не можетъ.

Ошецъ

Сіе то самое ділаєть, что она имбеть неразумную, а мы имбемь разумную дуту.

Дишя.

Ахъ! шеперь язнаю какъ сказашь, когда у меня спросяшь: чшо шакое человъкъ? Ошецъ.

Какъ же шы скажешь ?

Дишя.

Я скажу: человъкъ есшь живошное сущесшво, сосшоящее изъ шъла и разумной души.

Ошецъ.

Вошъ это такъ! тогда всякой различить человъка от кошки.

Дишя.

Но бывающь ли другія сущесшва, промітеловіть и ношки?

Ошецъ.

Другъ мой, мы можемъ всв вещи назвать существами, котя бы онв нимало другъ на дружку не походили. Напримвръ, человвкъ совсвмъ не то, что дерево; а дерево совсвмъ не то, что каменъ; однако всвхъ ихъ можно называть существомъ, для того что все то есть существо, что въ сввтв находится или существуетъ.

Дишя.

Стало быть и зврей можно также называть существами?

Ошецъ.

Конечно можно.

Диша.

А цвошы ?

Ошецъ

И ихъ шанже.

Дишя.

Хорошо, я эшова не забуду, и когда накой вещи не буду умbшь назвашь, шо назову ее существомъ.

Ошецъ

Такъ, моя душа! поцѣлуй же за это меня, ты мое милое существо!

РАЗГОВОРЪ ІІІ.

О томь тто такое тасть.

Ошецъ.

Петруша всви шы части швла своего внаещь?

Дишя.

Да я не знаю, батюшка, что такое часть. Отець.

Я тебь тотчась это растолкую. Посмотри, воть яблоко: я разръжу его по поламъ-Теперь ты видишь два куска, или двь половины: одинъ изъсихъ кусковъ можно ли назвать цълымъ яблокомъ? Дишя.

Нъщь оба они дълающь цълое яблоко. Ошецъ

Жорошо. Сін то самые куски и называютэм частями. На сколько частей я разрізаль и блоко?

Aums.

На двв части.

Ошецъ.

Могу ли я сіп дві части разрізать еще на многія части? на примірь, ежели я каждой изъ сихъ двухъ кусковъ разріжу по поламъ сколько будеть кусковъ?

Дишя.

Чешыре.

Ошецъ.

Жорошо. И шакъ яблоко ото, которое было цьлое, разръзано шеперь на четыре куска; каждой шакой кусокъ называется часть, и всь четыре части, когда мы ихъ сложимъ вмъсть, составять цьлое яблоко. Примъчай же, мой другъ, что шакимъ образомъ всь тьла дълить можно, и ты самъ, то есть твое тьло, также имъсть части.

Дишя.

Какъ, батюшка? да естьли мое твло разрвзать на части, такъ я умру.

Ошецъ.

Для различенія сихъчастей нівтьникакой надобности въ самомъ діль отділять ихъ. Я

для того разръзаль яблоко, чтобь яснье тебь растолновать, и дать увидьть то глазами, что ты посль и умомь понять можеть. Воть другое цьлое яблоко; оно не разръзано; можемь ли мы его также разръзать?

Дишя.

Конечно можемъ.

Ошецъ.

Стало быть можемъ и не разръзывая его внать, что оно имбетъ части, которыя бы мы тотчасъ глазами своими увидъли, когдабъ разръзали оное.

Дипъя.

Да, это правда.

Ошецъ.

Сверхъ того есть трла, у которыхъ нркоторыя части сами по себр отдрляются и довольно примршны. Взгляни на меня: ты видишь голову мою, тею, руки, ноги: Это части моего трла. Ни которая изъ сихъ частей, одна особо отъ другихъ, не составляеть црлаго трла моего, подобно какъ отррзанной отъ яблока кусокъ не составляеть црлаго яблока. На примрръ голова моя—составляеть ли она все мое трло?

Дишя.

Hbms.

Ошецъ.

Однако она есшь часть человоческаго тола, потому что принадлежить къ оному.

Могу ли я руну мою назвашь всемь моимъ

Дишя.

Hbmъ, но она принадлежитъ въ вашему тълу.

Ошецъ.

Следовательно она есть часть моего тела. Тожь разумется и одругихъ частяхъ или членахъ онаго, какъ-то: голова, носъ, глаза, ути, плечи, грудь, брюхо, ноги и проч. Но какъ части нашего тела не все одинаковы, того ради не все одинаковы, жидкими, а другія твердыми: знаешь ли ты что жидкое, и что твердое тело?

Дишя.

Не знаю хорошенько.

Ошецъ.

Послушай же. Я сказаль шебь, что всь тьла можно раздълять. Воть стоить блюдо съ водою. Смотри: я стану ноживомъ разръзывать воду, примъчаещь литы, чтобъ она разръзалась на куски, какъ давишнее яблоко?

Дишя.

Ньшь! она все шаковаже, какъ и была.

Это от тово, что части, которыя отдрано я ножемъ, опять вывств соединяющся: вот по этому можеть ты узнать всякое жидкое твло. Что само собою опять соединяется, когда раздвлено будетъ, то называешся жидкимъ; а что будучи раздълено, остается раздъленнымъ, то называется твердымъ. На примъръ: ежели я возму кусокъ дерева, и разръжу или расколю его по поламъ, то будетъ два куска; они не сольются опять вмъсть, какъ вода; вотъ почему познается твердое тъло. Ну! теперь и о другихъ вещахъ можешь ты сказать, которая изъ нихъ твердая, и которая жидкая. На примъръ уксусъ жидкое или твердое тъло?

Aums.

Жидкое.

Ошецъ.

Пиво ?

Anms.

Жидкое.

Ожецъ.

Сахаръ?

Anms.

Твердое.

Ошецъ.

Кровь?

Дишя.

Жидкое,

Ошецъ

Rocmu?

Диши.

Твердое.

Ошецъ.

Слевы?

Annia.

Жидкое.

Ошецъ.

Кожа?

Дишя.

Твердое.

Отепъ

Изъ швердыхъ и жидкихъ.

Ошецъ.

А можеть ли одно и тожь трло быть иногда жидное, иногда твердое?

AHMA

Мив кажешся нвшъ.

Ошецъ.

Для чего жъ нъшъ, мой другъ, масло коровье когда оно расшоплено, есть жидкое шъло; а когда опять застынеть, то и сдълается твердымъ. Золото, серебро, мъдь, олово, свинецъ, и многія другія твердыя вещи, также растопляться могутъ.

РАЗГОВОРЪ IV.

О словъ признакъ.

Aums.

Ватюшна, сударь! вы мнв говорище, чшобъ в привыналъ всегда размышлять, когда что вижу или слышу; скажите, да о чемъ же я размышлять стану?

Ошецъ

Обо всемъ, мой другъ; малоли что тебъ узнать надобно! когда ты что нибудь видить или слышить, что для тебя ново, или чего ты не знаеть хорошенько, то и подумай самъ въ себъ: что это такое? изъ чего это состоить? какую приносить это пользу? и такъ далъе. До чего самъ добраться не можеть, о томъ спроси у тъхъ, которые тебя постаръе и посвъдущъе: любопытствомъ пріобрътаются знанія.

Auma.

Вошь я и эшова хорошенько не знаю, что такое любопытство.

Ошецъ.

Любопышствомъназывается склонность, охоща добираться, доспрашиваться, узнавать все то, чего мы не знаемъ. Любопышствовать значить любить испытывать.

Дишя.

А что такое пріобрьтать знанія? какимъ образомъ это дьлается?

Ошецъ.

Знанія или свіденія пріобрітаю шся чрезь подробное разсматриваніе вещей. Мы тогда только прямо знаемь вещь, когда можемь ее ото всіхь другихь вещей отличать. Напримірь, воть цілая корзина разныхь плодовь:

можешь ли шы изъ эшой кучи выбрашь яблоко, называемое баршшапелемь?

Дишя.

Hbmъ.

Ошецъ.

Это от тово, что ты не знаеть сего рода яблоковь, то есть тебь неизвъстны признаки, по которымь бы ты ихъ от другихъ яблоковъ отличать могъ. Но между сими плодами есть также и грущи: знаеть ли ты грущу?

Дишя.

, Знаю.

Ошецъ.

Покажи мив ее.

Дишя.

Вошъ груша, вонъ и другая.

Ошецъ.

Почему же шы знаешь, чшо это груша, а не яблоко?

Дишя.

Потому что она непохожа на яблоко.

A мић кажешся похожа: яблоко зелено, и груша зелена.

Дишя.

Да! но яблоко кругло, а груша продолговаща и къ концу остра.

Ошецъ.

Хорошо! стало быть ты по нъкоторо-Часть I. 18 му признаку, по нокошорой примошь, различаешь грушу ошъ яблока, а именно по виду. или образу. Груши имбють иной видь, иной образъ, не шакой какъ яблоко. Но когда бы груши положить выбств съ фигами, тогда бы этоть признань не годился, потому что фаги также продолгованы и остры къ концу, какъ груши. Въ шакомъ случав для различія ихъ надлежало бы тебв прибъгнуть нь другому признаку, а именно къ цвоту, для того что свржія фиги имбють темный, а груши зеленой или желпый цвв пъ. Сдвлаемъ еще примърецъ: вошь шри лъншы: пускай одна изъ нихъ будешъ швоя, другую я возму себь, а третья пусть принадлежить маленькому швоему брашцу. Смотри и ихъ перемьшаль: узнаешь ли ты теперь свою?

Дишя

Вошь опа.

ζ

Ошецъ.

Почему шы узналь?

Дишя.

Потому что она прасная, а объ другія не прасныя.

Ошецъ

Хорошо, стало быть красной цвоть служиль тебо примотою или признакомь. Но возмемь теперь три красныхъ лонты, одну я, другую ты, а третью дадимъ бра ту. Я перемотаю ихъ; выбери свою.

Auma.

Вошъ она.

Ошецъ.

Почему шы знаешь? вишь онь всь шри прасныя.

Дишя.

Пошому что моя длянне.

Ошецъ.

Изрядно; стало быть теперь длина послужила тебь примьтою или признакомь. Далье воть два лоскутка, оба равной величины и оба голубые; но этоть терстяной, а этоть толковой; погладь ихъ рукою, не примьчаеть ли ты какой между ими розницы? Дитя.

Примочаю.

Ошецъ

Дай же я ихъ перемьшаю—на! узнай шеперь, которой шерстяной, и которой толковой.

Дишя.

Вошь этоть шолковой, а этоть шер-

Ошецъ.

Канъ же шы это узналь?

Дишя.

Шолкокой мягче и глаже, а шерсшяной суровре.

Ошецъ.

Очень хорошо. И шакъ мы не однимъ

зрвніемъ, но шакже и осязаніемъ можемъ замвчащь признаки, по кошорымъ распознаваешся одна вещь ошъ другой. Ну еще нвчшо: вошъ сшояшъ шри бушылки, въ одной изъ нихъ вино, а въ другой уксусъ, въ шрешей вода. Бушылки всв шри, какъ шы видишь, величиною равны и цввшомъ одинаковы. Какова цввшу въ нихъ напишокъ, ошова шы сквозь бушылку примвшишь не можешь. Какъ же шы узнаешь, въ кошорой изъ нихъ вино, въ кошорой уксусъ, и въ кошорой вода?

Дишя.

Я отвъдаю.

Ошецъ

Такъ, мой другъ, шы по вкусу доберешься до эшова; но знаешь ли шы какой вкусъ имбешъ вино, и какой уксусъ?

Aums.

Знаю: уксусъ всегда киселъ, а вино бываетъ иногда сладкое, иногда кръпкое.

Ошецъ.

Хорошо; и такъ ты отвъдавъ, и зная вкусъ вина, уксуса и воды, по симъ признакамъ будешь умъть различать ихъ одно отъ другаго. Но положимъ, что ты не смъещь отвъдать, а между тъмъ хочещь узнать, что въ которой бутылкъ налито: какъ же ты до этова доберешься? Дишя.

Есшьли ошвъдашь не смъю, шакъ и уз-

Ошецъ.

Я скажу тебь еще одинь признакь: шы можеть это узнать по обонянію: вино имьеть ошмьнной запахь от уксуса, авода нитьмъ не пахнеть. — Знаешь ли ты братца своего Митюшу?

Дишя. (смолсь)

Какъ же не знать батюшка.

Ошецъ.

. А почему же ты его узнаешь?

Дишя.

По лицу.

О щецъ.

Такъ, мой другъ, и кошя бы пяшнашцать другихъ дътей стояли предъ тобою, ты ни одного изъ нихъ не примешь за братца твоего Митюшу, для того что ни одинъ изъ нихъ не имъетъ точно такова лица: стало быть въ лицъ его находить ты такіе примъты или признаки, по которымъ можеть различать оное отъ лицъ другихъ дътей. Такимъ же образомъ и во всякой вещи должно искать признаковъ, отличающихъ ее отъ другихъ вещей. Когда ты какую вещь отъ всъхъ другихъ отличать можеть, такъ это называется что ты имъеть о ней хорошее понятіе, то есть хорошо ее знаеть. Теперь посмот-

римъ, умбешь ли ще находить призначи: вотъ десять картъ, замбть изъ нихъ одну, вотъ эту: сыщи признани, по которымъ бы ты ее отъ прочихъ отличить могъ. Завтра я у тебя спрощу какая это карта, и ты инъ ее изъ десяти выбери.

РАЗГОВОРЪ У.

О словъ свойство.

Дишя.

Башюшка! яникогда не видываль свойсшвь, а часто слыхаль, что Богь превосходныя и ни съчвмъ несравненныя свойства имветь: желаль бы я на нихъ посмотрвть.

Ошецъ.

Божьихъ свойсшвъ, мой другъ, видьшь не льзя, шакже какъ и самаго Бога, создащеля нашего, пошому чшо онъ не шьло, а духъ. Однь шолько шьла, и свойсщва шьлъ видьшь можно.

Дишя.

Да что такое свойство?

Ошецъ.

Я анагдась сказываль тебь, что ты при всякой вещи которую видищь, или о которой слышищь, должень стараться замьчать въ ней то, чьмь бы ты ее оть другихь вещей различить могь: помнищь ли ты это?

Дишя.

А! помню; признакъ.

Ошецъ.

Хорошо, мой другь, что ты помнишь: интакь когда ты въ какой нибудь вещи заза выпишь чвиъ она от другихъ вещей отличаешся, що и сшарайся узнать, всегда ли эщо видимое тобою неразлучно, или только на время и случайно сопряжено съ нею. Есшьли тты тожь самое всегда въ ней находить буденть, шакъ это ея свойство, и ты по этому признаку вррно узнавать, ее можешь. А буде тить не всегда въ ней шожъ самое находишь станешь, такъ это не есть ел свойство, и не такой вррной признань, на которой бы път въ узнавания ее полагапњея могъ. Я распиолную тебь это примьрами. Воть два тьла-ты знаешь, что трломъ называется то, что пывидоть и осязать можешь-одно изъ нихъ есть кусокъ кожи, а другое кусокъ дерева, умбещь ли пы различипь ихъ? покажи, котпорое кожа, и котпорое дерево?

Дишя.

Вошь это кожа, а это дерево.

Ошецъ.

Почему шы это знаеть?

Дишя.

Вы мнв сказали.

• Отпецъ.

Эщо не годищся. По этому когда ты уви-

дишь гдв кожу вывств съ деревомъ и никогоне случится, кто бы тебв объ нихъ сказалъ, то ты и не будеть знать что кожа и что дерево? надобно самому въ каждомъ твлв отыскивать признаки, то есть примвчать, въ чемъ оно отъ другихъ твлъ различествуетъ: такъ ли тебв кажется кожа какъ дерево, а дерево какъ кожа?

Дишя.

Нъшъ: кожа сърая, а дерево бълое.

Ошецъ.

Сшало шы по цвршу или краско различаешь сіи два шрла; но достаточень ли этошь признакь для всегдашняго различенія оныхъ? всякая ли кожа всегда бываешь сррая, и всякое ли дерево всегда бываешь брлое?

Дишя.

Hbшъ.

Ошецъ.

Ну такъ по этому признаку и не узнаешь ихъ. Отсюду заключить можещь, что сброй цвоть не есть свойство кожи, и болой цвоть не есть свойство дерева, потому что тола сіи не всегда таковы бывають. Воть я тебо покажу другіе два кусочка: они оба болые. Теперь ты и не узнаешь, которой изъ нихъ кожа, которой дерево. Но возми ихъ въ руки, можеть быть ты найдешь въ нихъ ночто такое, почему легко различать ихъ бу-

дешь. Ну чувствуешь ли шы между ими какую разность?

Дишя.

Да! дерево жосшко, а кожа мягка.

Ошецъ.

Вошъ эшошъ признавъ лучше перваго; мо я тебь еще ньчто поважу: смотри, кожу могу я гнуть и мять, а дерево ньтъ. Тожъ самое примьчается почти во всьхъ родахъ деревъ: итавъ это есть свойство кожъ, что они гнутся, и свойство деревъ, что они не гнутся, какіебъ то нибыли, сфрые или бълые, чорные или красные. Взгляни на бъдняжку брата своего: онъ теперь нездоровъ и бльденъ; но всегда ли онъ бываетъ блъденъ?

Дишя.

Hburs.

Ошецъ.

Стало быть это не свойство его, потому что не всегда съ нимъ бываетъ. И такъ блъдность брата твоего не есть такое обстоятельство, которое бы тебъ къ узнанію его всегда върнымъ признакомъ служить могло. Но какіе у него волосы?

Дишя.

Чорные:

Опецъ.

Всегда ли они черны?

Aums.

Всегда.

Ошецъ.

Стало быть это есть свойство волось, и признакь, по которому ты его ошь всрхъ, по крайней мррв въ домв унасъ живущихъ людей, опличашь можешь, пошому что ивть ни у ково такихь чорныхь волось, какъ у него. Еще одно: брашъ швой всегда весель: слрдовашельно веселый нравь есшь свойсшво его, пошому чшо онь всегда, почин во всякое время, весель бываешь. Танимъ образомъ всякая вещь имфешъ свои свойства. Человокъ имбетъ толосныя и душевныя свойства: онъ прекрасенъ, онъ силенъ или проповъ, онъ шолсшъ и прочее: это его трарсныя свойства. Онъ разумень, онъ прилъженъ, онъ милосердъ и прочее: это его душевныя свойства. Богь живеть также свойства: онъ благъ, премудръ, онъ всевьдущь, то есть все выдаеть; онъ всемогущъ, то есть все можеть, что хочеть; онь встхъ на свттт вещей пворецъ, господъ и обладатель. Всяная вещь и существо имћешъ хорошія и худыя свойства: Богь одинъ совершенно благъ, совершенно щедръ, совершенно милосердъ, совершенно мудръ, и шанъ далве. О сихъ що свойствахъ божінхъ слышаль шы, чшо онв превосходны и ни съ чрмъ несравненны.

РАЗГОВОРЪ VI.

O сходствъ и несходствъ, или о подобіи и разлитіи.

Дишя.

Башюшка! позвольше мив у васъ ивчто спросишь.

Ошецъ.

Спроси, мой другь, и всегда, когда зажочешь, спрашивай: мнв очень пріятно видвть въ тебв охоту узнавать то, чего ты еще не знаеть.

Дишя.

Что такое разлигіе?

Отецъ

Напередъ скажи мяр, знаешьли шы что такое сходство или подобіе?

Дишя.

Hbmъ; и этова я не знаю.

Ошецъ.

Ну шакъ по крайней мрр внаешь шы что шакое свойство?

Дишя.

Да, это я знаю: вы вчера мнb объ этомъ толковали.

Ошецъ.

Примъчай же: когда одна вещь имъешъ одинакія свойства съ другою, тогда сіи вещи называются сходными или подобными между собою; а когда одна вещь имъетъ

свойсшва не шакія, какъ другая, шогда сів вещи называющся несходными.

Диша.

A, a!

Ошецъ.

Вошь здрсь въ горницр шесть стульевь: возмемь изъ нихъ два, и чтобъ тебр лучте видрть, поставимь ихъ рядомъ. Ну скажи; точно ли похожи они одинъ на другаго?

Дишя

Мир кажешся шочно похожи.

Ошецъ.

И я тожъ думаю: смотри, этоть изъ краснова дерева, и этоть также: у этова чорная подушка, и у этова также: какъ этоть высокъ, такъ и этоть: однимъ словомъ каковъ одинъ, таковъ и другой. Что же ты примъчаеть въ сихъ стульяхъ, сходство или разлисте?

Дишя.

Сходство.

Ошецъ.

Хорошо. Теперь я принесу скамейку и поставлю подлъ стула: похожъли стуль на скамейку?

Дишя.

Совстмъ нты.

Ошедъ.

Почему?

Дишя.

Потому что у стула есть спинка и тодушка, а у скамейки этова нътъ.

Ощецъ.

Такъ, мой другъ, это двлаетъ различіе между стуломъ и скамейкою. Ну еще одно, воигъ стоять два стола: какъ они тебв кажутися, сходными или различными?

Дишя.

О башюшка, они очень между собою раз-. личны!

Ощецъ.

Въ чемъже?

Дишя.

Этоть пруглой, а тоть четвероугольной.

Ошецъ

Очень хорошо; но въ тожъ время и не малое сходство примъчаемъ мы между ими: оба они одинаковой высоты, оба на четырехъ ножкахъ, оба деревянные, во всемъ этомъ они сходны, а только разнятся образомъ или видомъ досокъ, изъ которыхъ они сдъланы. Такое же вмъстъ и сходство и различіе можемъ мы видъть во многихъ вещахъ, напримъръ въ деньгахъ: вотъ двъ деньги, сходныли онъ, или различны между собою?

Дишя.

Различны.

Ошецъ.

А мив кажешся сходны, для шого что

у этой такая же величина какъ у той, эта круглая и та круглая.

Дишя

Да; но эша жолшая, а ша бълая.

Ошецъ.

Правда; ишанъ онб различесшвующъ цвотомъ своимъ, то есть цвотомъ состава или вещества своего: шы вишь знаешь канъ это желтое вещество называется?

Дишя.

Золото.

Ошецъ.

A amo 6baoe?

Дишя.

Серебро.

Ошенъ.

Слъдовашельно сіи двъ деньги образомъ и величиною подобны или сходны между собою, а прасною или цвъшомъ?—

Дишя.

Несходны.

Ошецъ.

Или, что тожъ самое, различны.

Бъдный человъкъ и его сынъ.

Быль нівшо добрый гражданинь, Но въ бідности ему веліла жить судьбина; Литась жены остался онь одинь, Иміт маленькаго сына. Надежды нъщъ у нихъ и ни кого родни;
Отецъ недуженъ, старъ, слабъетъ,
Съх нъ малъ еще и силъ работать не имъетъ:
Въ такомъ нещасти текутъ ихъ злые дни.
Отиколь ждать помощи, какъ только не отъ
неба?

неоа

Нещастный сей отецъ Увидя наконецъ,

Что до послъдняго уже доходить хавба, Проливши слезный токъ,

Въ дрожащи хлъбъ сей принялъ руки, И сокрывая стонъ и муки,

Отрвзаль сыну ломотокь.

: E

I .

Дишя хоть голодъ ощущаеть, Но скорбь отцову примъчаеть: Великодутіе и въ дътяхъ есть:

Сей мальчикъ самъ себя превозмогаешъ И говоришъ ощцу, что онъ не хочетъ тель.

Сыновняго къ себь почтенія свидьшель, И видя въ младости такую добродьтель, Ктобъ, будучи отцемъ, и въ бъдности своей Не пролилъ радостныхъ слезъ токи изъ очей? Возьми, мой другъ, возьми, отецъ ему въщаетъ И ръжетъ для себя отъ хлъба ломть другой....

Какое зрълище ихъ очи поражаеть! Какое чудо видять предъ собой!

Изъ хлбба сыплюшся вдругь деньги.—И какія?

Большою частью золошыя.

Отець оприсыв.

Когда сіе узрвль;
Что это! вопіеть смущенно,
Не трогай денегь, сихь,
Мой сынь! Останься здвсь и стереги ты ихъ,

А я ко клъбнику скожу мгновенно:

Конечно этоть челововь. Незапно какъ нибудь въ семъ клюбь икъ запекъ, Но въ прлости ему то будеть возвращенно; Долгъ требуеть сего.

Пошель, и сына онь хранишелемь осшавиль. Окакь сей бъдный сшражь на злашо очи пялиль!

Однако же ошнюдь не шронуль ничего. Впосльдокь хльбникь входишь, На деньги взоры онь возводишь И говоришь: друзья мои,

Не следуеть отвась мне деньги взять сін, Но вашей радости сорадуясь душою, Я тайну эту вамь охотно объясню: Богатой некто, какь я мню,

Желая щедрою избавить васъ рукою

От нищеты толь злой, Прислаль но мнв сей хлвбъ златой, И клятву взяль съ меня предъ небомъ, Что естьли кто изъ васъ придеть ко мнв за хлвбомъ,

То хаббъ сей вамъ ощдащь;
А имя я его нинакъ не могь узнащь.
Конечно Богъ, въ награду
Благихъ и честныхъ вашихъ дбаъ,
Чрезъ мужа праведна послати къ вамъ хотбаъ

Сію отраду.

Канимъ веселіемъ восхишились сердца,
По сихъ словахъ, и сына и ощца!
Ихъ руки къ небу вознесенны,
Ихъ очи радосшной слезою окропленны,
Ихъ мысли къ Богу усшремленны,
Тобою щасшливыхъ являющъ чувсшво душъ,
О щы, почщенный нъкщо мужъ!

повьсть.

О двухъ върныхъ друзьяхъ.

Любочесть и Добросердь, два вррные друга, ошправились пущешествовать, дабы научиться всему, что можеть ихъ сдрлать лучшими и благоразумнришими.

Они по долгомъ путешествім прибыли напослідовъ въ Мекинецъ, столичной городъ Марокскаго Императора.

Оттуда котоли они еще далое продолжать свой путь, и увидоть то земли Африканскія, въ которыхъ никто почти изъ Европейцевъ не бывалъ.

Но Любочесту сдвлался нвижной припадовъ: за твит принужденъ онъ былъ остаться въ городв, а другъ его повхалъ одинъ въ назначенный путь.

Между шрмъ Любочесшовъ служищель Часть I.

мознакомился съ нъкошорыми живущими щамъ, кошорыхъ онъ почищалъ за чеспиныхъ людей, но кошорые послъ оназали себя бездъльниками.

Сіи люди отдали ему на сохраненіе німакія праденыя вещи, о ноторымь онъ не эналь, что оні были украдены.

Ховяннъ вещей увидя ихъ нечаянно въ домъ у Любочеста, заключилъ, что онъ ихъ укралъ, и просилъ правительство чтобъ посадили его въ темницу.

Вст его оправданія были тщетны; онъ не могь защитить своей невинности.

Уже нъсколько мъсяцовъ сшрадалъ сей мещасшной въ нръпкомъ зашоченіи, какъ возвращился другь его Добросердъ изъ пу- шешесшвія.

Едва свъдалъ онъ о семъ нещасшім, примлючившемся его шоварищу, какъ исполнень ужаса бросился въ шемницу. По неосшіступнымъ прозьбамъ его позволили ему съ никъ увидъщься.

Везпамященъ почим упаль онъ къ нему въ объящія, и блідное его лице оросиль слезами.

Не накою горескию поразился онь, ногда узналь обстоящельные о его состоянии, и увидыль, что онь почта нагь лежить на гнилой соломы, ибо одежда его истлыла на иемь оть сырости, которою заражень быль воздухъ въ семъ штсномъ и мрачномъ жи-

Тошчасъ навинулъ онъ ему на плечи епанчу свою, и ощдаль все свое плашье, осшава у себя шолько необходимо нужное, чтобъ не нагому ошполь вышши.

По нещасшію быль онь самъ ограблень во время своего пушешеснівія, и не осшалось у него ни плашья, ни денегь, кошорыми бы могь онь хошя нісколько усладищь горесшное сосшояніе своего пріяшеля.

Но вст препяшення преодолтвающая дружба скоро научила его изобртсти къ тому способъ.

Онъ вырвался изъ объящій своего друга, пошель и въ городъ записался въ рабошники, гдъ шяжними и необыкновенными ему шрудами досшаваль сшолько денегь, чшо въ вечеру, по окончаніи многошрудной своей рабошы, могь сшраждущему другу своему опиносишь нъкошорое пропишаніе.

Сей часто просиль его со слезами, чтобь онь умбриль свое великодушіе, и о саиомь себь старался: но шщешны были всь прозьбы.

Добросердъ не чувствоваль ничего, промо бодности своего пріятеля, и всякой трудь для него понесенной казалоя ему легохъ и сладонь.

Такимъ образомъ прошло ивсколько ив-

сяцовъ, какъ вдругъ запрешили Добросерду ходишь въ шемницу.

Онъ ошъ сшраха оледенвлъ, ногда о семъ услышалъ.

Ни прозьба его, ни слезы, ни обиимание кольнъ шемничнаго стража, не могли пособить: вельно было ему ишти прочь.

Въ горестномъ отчаянии побъжаль онъ къ судьт, назваль себя участникомъ мнимаго воровства, и просилъ, чтобъ посадили его въ тужъ темницу.

По желанію его было исполнено.

Радосшныя слезы пошенли изъ глазъ Любочесша, когда онъ нечаянно увидълъ его нами въ шемницу въ себъ вшедшаго.

Но сія радость скоро перемінилась въ ужась и печаль, когда онъ свідаль, какою ціною купиль ее великодушной другь его.

Между шъмъ, какъ уже дъла сего перемънишь было не возможно, и надежды къ освобожденію своему никакой они не имъли, шо вознамърились рука съ рукою взявшись ожидащь мужественно смерти.

Въ шой же шемниць сидьли другіе невольники.

Одному изъ сихъ удалось въ ночную пору разломать ствну, такъ что онъ въ сіе отверзтіе пролізъ самъ, и увіщеваль другихъ невольниковъ послідовать его приміру.

Всь они шожь счрччи и освобочитися;

одинъ Любочестъ и Добросердъ были столько честны, что хотвли лучше невинно страдать, нежели непозволеннымъ образомъ получить свободу. И такъ они остались.

По разсвътъ дня узнали о семъ прижлюченіи.

Новошорые верьховные судьи пошли въ жиемницу, чтобъ самимъ освидотельствовать сіе доло.

Какъ они удивились, когда спросивъ Любочеста и Добросерда о причинъ, для чего они вмъстъ съ тъми не ушли, въ ошвъть отъ нихъ съъдующее услышали:

"Мы воспитаны въ шакомъ законъ, ко-"торой учить насъ властямъ повиновать-"ся хотя бы онъ что и несправедливо дъ-"лали: для того мы хотъли лучте умереть "нежели употребить непозволенное сред-"ство къ спасенію нашей жизни."

Судьи пришли въ жалость.

Они увърились въ невинности сихъ добрыхъ людей, тотчасъ освободили ихъ и сдълали имъ изъ государственной казны такой подарокъ, съ которымъ они безъ нужды могли возвратиться въ свое отечество.

мать и дочь.

Вь день рожденія одной супруга, другой отца

Aors.

Веселіе неся съ собою Къ шебь я, маминька, лечу, И радость раздвлить хочу Сей день намъ общую съ шобою.

Машь.

Въти, дюбезная, спъши, Въ монхъ объящіяхъ пребуди, Прижашая нъ моей шы груди Дъли со мной восшоргъ души!

О день ушвхъ неизрвченныхъ, Источникъ нашихъ дней блаженныхъ!

Севодня онь на свіль рождень!

Онъ намъ севодня подаренъ!

Мыр мой возлюбленной сожищель. Дозь.

А мнb дражайшій мой родижель. машь.

Онъ сосланъ ошъ небесныхъ силъ, Чтобъ образъ ихъ въ себъ явилъ, Дочь.

Разуменъ, въренъ, шихъ, незлобенъ, Онъ имъ во всъхъ дълахъ подобенъ: Машь.

О коль благословень вінець, Давъ мит супруга шоль драгова! Дочь.

О коль всевышній піедръ Творецъ, Давъ мив родишеля шакова!

Внемли, о Боже нашъ, внемли Ошъ чистыхъ душъ благодаренье, И шеплое къ шебъ моленье: Продли его шы въкъ, продли!

върная служанка.

Недавно жила вдова — гдв? эшова я не могъ провъдашь — которая почни всего доставшагося ей послв мужа своего довольно достаточнаго имвнія нещастнымъ образомъ лишилась. Осталось у ней маленькое иждивеніє: она отдала его въ рость, и твмъ кое какъ себя содержала.

Купецъ, которому она деньги свои повърная, и которато всъ почитали богатымъ и благонадежнымъ человъкомъ, вдругъ обанирутился, то есть проторговался, разорился. Бъдная вдова потеряла и послъдній свой прожитокъ. Обстоятельства ея сдълались весьма тъсны: старость и недуги не позволяли ей работать; и такъ надлежало ей одно изъ двухъ избращь: или записащься въ сирошской домъ, или ходищь по міру.

Правда не подалеку от ней въ одномъ большомъ городъ жилъ родственникъ ея, человъкъ довольно достаточной, которой могъ бы ее прокормить; но по нещастію этот человъкъ былъ изъ числа тъхъ жестокосердыхъ людей, которые чужой нужды не чувствуютъ. Онъ отрекся ей помогать.

Въ семъ крайнемъ ея злополучіи, просшая дъвка, рабошница, изъ найму ей служившая, и которую теперь, по причинъ совершенной бъдности своей, хотьла она отъ себя отпустить, сдълалась ея благотворительницею. Помня ласковое и кроткое обращение госпожи своей, когда она была еще въ хоротемъ состояніи, сердце доброй этой дъвки восхотьло оказать ей свою благодарность.

Нътъ, сназала она (когда госпожа стала ее отпуснать), я не оставлю васъ покуда жива; вы до меня были добры, и мнъ часто жаль было, что я ничего, кромъ върной службы моей, не могла для васъ сдълать.

"Никаной не надобно мнв платы: по прежнимъ милостямъ вашимъ есть у меня довольно и одежды и обуви. Сверхъ сего накопила я нвсколько деньжоновъ, которыя отдала възаймы сосвду. Я умвю шить и чулки вязать; коли Богъ дасть мнв здо-

ровье, що и вамь и себр кусовь клюба до-

Бъдная вдова, по неошступной прозбъ доброй этой дъвки, съ благодарными слезами приняла наконецъ великодушное ея предложение.

Дъвка сдержала слово, и mpи года цълыхъ рабошою рукъ своихъ кормила госпожу.

Напоследовъ родственния сей вдовы умираетъ и все его именіе достается ей по наследству.

Но сія помощь была уже ей не нужна; ибо она сама лежала шогда при посліднемь издыханіи, и скоро послі шого умерла, не успівь новопріобрішенному имущесшву своему никакова сділашь распоряженія.

Наследниковъ после нее никого не осшалосъ: и шакъ надлежало именію сему поступить въ казну; но по щастію Государь узналъ о благодарномъ съ нею поступке доброй этой девки.

"Такое честное дрло, сказаль онъ, не долженствуеть остаться безъ возмездія: да будеть она имрнія сего наследницею."

Дъвка получила имъніе, и всякъ, кто слышалъ о томъ, прославлялъ щедроту Государя, и радовался, что върная служанка сія достойно была награждена.

сила дътской любви.

Крезъ, Царь Лидійскій, имбль у себя единороднаго сына. Сынъ этоть быль нѣмъ. Крезъ взяль его съ собой на войну, которую вель онъ противъ Кира, Царя Персидскаго.

Однажды, во время сраженія, насканаль на Креза непріятельской воинь и вознесь на него мечь свой, чтобь отрубить ему голову: сила устратенной любви сыновней была такь велика, что вдругь отверзла гортань его и онь провозгласиль:—,,воинь! что ты дълаеть? это Крезь!"

Воинъ испугался: Царь спасенъ былъ, и сынъ его пресшалъ бышь нъмъ.

утренняя николашина пъсенка.

Солнца съ первыми лучами Бодръ и веселъ я возсшаль: Свътъ пріятный, воздухъ чистый, Жизнь уттыну, радость многу, Новы силы мнъ даютъ.

Прше кочу; мой духъ взлешаетъ Вмрстр съ ушренней зарей, Вмрстр съ жаворонка прснъми, И цвршовъ съ благоуханъемъ, Въ радостномъ восторгр въ верхъ.

Все, мое что око арить; Тамо въ воздухъ высоко, Тамъ въ морской глубокой бездив, Все дышить и все живеть.

Обишашели земные, Существующи со мной, Пшицы, гады, рыбы, звъри, Горы, лъсъ, луга, долины, Я сорадуюся вамъ.

Но безъ зависти взираю На блаженство вашихъ дней: Ты преврасна нѣжна роза, Ты пригожъ павлинъ спѣсивый, Всѣ вы милы, всякъ хорошъ.

Но моя судьба встхъ лучте, Я предъ вами предпочиенъ: Разумъ, слово, добродтиель, Преимущества большія Мит Творецъ вселенной далъ.

Ими, ими одаренный, Силень, крвпокь человыкь!— Вы со мною всв созданны, Твари, жители земные, Рцыте, рцыте, гдв Господь?

Влагол в пный, в в нценосный, Кропкій духомъ, всеблагій, Милосердія источникь, Общій нашь отець, Создатель, Рцыте, рцыте, гдв есть Онь?

Онъ въ долинахъ, Онъ и въ рощахъ, Онъ на небъ, на земли, И въ глубокихъ Онъ вершепахъ, И гдъ солнце свъшишъ, шамо, И со мной, гдъ я сшою.

Богъ вездр—вездр услышить Гласъ молитвы Онъ моей: Съ шихой утренней зарею, И съ вечернимъ вршерочномъ, Я всегда Ему пою.

Чъмъ воздамъ шебъ, Владыко, За Твою ко миъ любовь? Ты миъ око далъ, да вижу; Ты миъ ухо далъ, да слышу; Солице и луна, швой даръ.

Но на долголь?—вянешь роза, Исчезаешь свышь и день; Все, что прасно и любезно, Жизнь и радость, все преходить, Все минется, протечеть!

Нъжный на щенахъ румянецъ, Младость, живость, бълизна, Пестрота полей, луговъ, Зелень древь, исчезнушь могушь, Завшра, днесь, въ единый мигь.

Но невинность, добродьтель, Мудрость, правда, кротость, честь, Чувство дружбы, благодарность, Духъ любви и ссстраданья—
Нъть, не могуть умереть!

Еспълинъ правый пушь осшавя, Я порокамъ въ слъдъ пойду; Есшьли зависшь, гнъвъ, гордыня, Праздносшь, ложь, лукавсшво, злоба, Поселящся въ грудь мою:

Что въ моей тогда мив жизни? Пусть меня совроеть гробъ, Пусть какъ роза я увяну, Какъ листочивъ пожелтвю, Какъ былинка пропаду.

маленькой птицеловъ.

Пешруша (прибъжаев кв материя)

Машушка! машушка! посмощрище что у меня.

Машь.

Что шакое другь мой? петрупа.

Пшичка, маленькая пшичка.

Mams.

Право! да гдв шы ее взяль?

Самъ, самъ я поймалъ, машушка.

Машь.

TAB?

Петруша.

Въ саду, на гитодышит. Тамъ осшалось у ней много дошенышиовъ; ирошечные и вст еще голиньие.

Машь.

Да куда же шы ее донешь? Петрупа.

Посажу въ каттину и стану кормить. Она будетъ прть.

Мать-

А съ дъщьми ен чио щы сдълаещь? Пешруша.

Я и шъхъ возму, посажу ихъ въ другую клешку, и сшану шакже кормишь. Дамъ имъ яичекъ, и молочка, и сахарцу, и всего, чшо они хошяшъ.

Машь.

Другъ мой, ихъ кормишъ машъ; безъ ел жиопеченія они не будушъ живы.

Петруша.

Канъ же мир съ ними бышь? куда ихъ дъвашь?

Машь.

Не знаю. Но послушай Петрушинька: мпеперь намь не до того, чтобъ утфшаться птичнами. Съ нами велиная бъда случилась. Петруша.

Какая, машушка?

Машь.

За мною скоро пришлюшь, и возмушь меня ошь вась прочь.

Петруша.

И! маминька. На чию вы меня пугаеше?

Чшожъ дълашь, моя душа? меня вельно ваяпь и посадишь вь шемницу.

Пешруша.

Что это такое темница? Мать.

Подземная изба, въ ношорую меня запрушъ, и шольно чио кормишь будушъ, а никогда уже изъ ней не выпусшящъ.

Петруша.

А мы гдъжъ будемъ: я и брашецъ, и маленькая сестрица въ колыбелькъ?

Машь

Вы останетсь дома, или можетть быть возмуть вась и запруть въ другую таки же избу, и богь въдаеть, что съ вами будеть: я боюсь, чтобъ вы безъ меня не померли съ голоду.

Петруша. (заплакаев.)

Ахъ! да кто это вельль?

Тошъ, имо имбешъ надъ нами власшь. Пешруша

Каной онъ злой человънъ!

Машь

Почему злой? онъ шакой же доброй, какъ шы. Развъ шы злой, чшо взяль ошъ дъшей пшичку, и хочешь ее посадишь въ клешку, кошорая для ней шоже, чшо для меня шемница. Какъ я, шакъ и она, объ будемъ запершы, въ неволъ. Съ дъшьми ея шожъ самое сдълаешся, чшо съ вами: вы осшанешесь безъ машери, и они шоже; за вами нъкому будешъ ходишь, и за ними щоже.

Петруша

Ахъ матушка! я пущу птичку.... (вы-пускаеть ее изь рукь).

Машь.

Посмотри, съ накимъ она веселіемъ полетъла! какъ обрадуются голодныя малютки, когда она къ нимъ прилетитъ и въ носикъ своемъ принесетъ имъ кормъ!

Пешруша.

Да.... А съ нами бъдными что будетъ! пласето горько).

Мать. (цалуеть еео).

Поди сюда, милое мое дишя: сядь ко мир на кольни. Ты ушьшиль пшичку, надобно и шебя ушьшишь. Ньшь, мой другь, никшо не возмешь меня ошь вась: я нарочно это сказала для швоей пользы. Теперь шы чувствуешь, какъ грусно было бъднымъ пшенцамъ въ гифздышкь, когда шы машь ихъ поймаль, и хотвль разлуча съ ними, заперешь ее въ клъшку. Ты прежде объ эшъ не думаль?

Петруша.

Нътъ, маминька; а теперь вижу, что я худо дълалъ, такъ худо, что ежели бы эта птичка была здъсь, я бы попросилъ у ней прощенія.

Мать.

Помни же всегда, что всбхъ звбрьковъ и птичекъ, равно какъ и насъ человбковъ, создаль общій нашъ отецъ, Богъ. Онъ даль имъ жизнь, а съ нею не разлучны радость и печаль: и такъ кто безъ нужды мучитъ ихъ и поступаеть съ ними безъ жалости, словно какъ съ безчувственными вещами, тоть показывая худое сердце привыкаетъ иъ жестокости, и не достоинъ того, чтобъ милосердый Богъ самому ему радостную даровалъ жизнь.

Часть І.

андрюшина похвала зимъ.

Не шебя одну, весна, Въ пъсняхъ громно воспъваю; Хошь зима и холодна, Я ушъхъ въ ней шьму вкушаю.

Хоть пріятной вітеровъ Ужь не різвится съ листвами, Хоть не зелень сталь лужовь, Не пестріеть ужь цвітами.

Хошь не видно какъ шекупиъ
По каменьямъ быстры ръчки,
Соловьи кошь не поютъ,
Не пасушся ужъ овечки.

Но лишь я приду къ окну, Веселящееся око, Какъ по бълому сукну, Простираеть взоръ широко.

Снътъ я вижу на лугахъ, Снътъ долины покрываешъ, И при солнечныхъ лучахъ Весь какъ искрами блисшаешъ.

Хорошо въ поляхъ весной; Но не худо и зимою: Не мъшаетъ лъсъ густой Все миъ видъть предъ собою. Красно солнышко! и ты Крошче къ намъ зимой сілешь, Прямо зріть на красоты Намъ швой не возбраняеть.

Зимнихъ мало ли ушрхъ? Тамъ вечернія бесрды, Тамъ веселье, плясни, смрхъ, Тамъ кашанья и обрды.

А ребята, пузыри, Собираяся толпами, Пишутъ разны цифири По льду гладкому коньками.

Или съ горъ прушыхъ лешяшъ, Иль спржими индр бъюшся, Иль другь друга поваляшъ, И хохочушъ и смрюшся.

Часшо право по утру, Канъ на санкахъ я лешаю, Иль ръзвлюсь по вечеру, Я про лъто забываю.

Пусшь изнаженно димя Толстой шубой давить тало, Я не кушая себя По снагамь шагаю смало.

лукаша и мать его.

Лукаша прибъжаль къмашери, хохочень и ей расказываешь:

"Я шоль подлё изгороды, а шань сидишь вдовы Оедосьи маленькой сынь Андрюша, сидишь и плачешь.,,

Машь.

Знать онъ голоденъ.

Лукаша.

И въдомо. Плачетъ да кричить: всть хочется! всть хочется! Ужъ я на нево хохоталь, хохоталь.

Машь.

А щы этому смвешься?

Лукаша.

Какъ же не смъяшься? о чомъ онъ плачешъ; для чево къ намъ не придешъ поъсшь? у насъ шакіе добрые щи!

Машь.

А! шакъ шы эшому-шо смвялся? обойми меня, шы доброй малой.—Побвги же къ нему и приведи его сюда; онъ можешъ бышь думаешъ, чшо мы ему ничего дашь не хощимъ.

Лукаша.

Ничего дашь не хошимъ? Вошъ шебь на!— Сказавъ сіе Лукаша побъжалъ бъгомъ.

конь и слъпень.

Слопень коня кусаеть, Конь быется и брыкаеть, Жвосшомъ и головой махаешъ, Слфиня сгоняешъ. Слъпень прильнуль нь коневьему плечу, Впусшиль глубоко жало, И говорить: тебя я не боюсь ни мало, И право не слечу; Хошь сколько шы брыкашь ни сшанешь, Скорве самъ устанешь, Какъ нежели шы конь меня досшанешь. Устали конскіе и хвость и голова, И началь конь смиренно Слопня просишь уничиженно: Слопень скочиль мгновенно, И говоришъ: сдаюсь на ласновы слова.

любовь у брата съ сестрою.

Брашъ.

Сестрица! посмотри на этихъ голубновъ, Какая въ нихъ видна другъ ко другу любовъ! Какъ свыклися они! какъ дружны межъ собою! Веселье одного другаго веселитъ, Коль тотъ нахмурится, и этотъ загруститъ. Велика дружба ихъ: знать это братъ съ сестрою.

Cecmpa.

И я шакъ думаю: вишь шакже какъ они, Въ согласіи съ шобой и мы проводимъ дни. Гдв нвшъ шебя, шамъ нвшъ веселья для Параши,

Все щастіе мое во щастьи Николати; Усердное къ тебо никто не можеть быть. Ахъ! станемъ вочно такъ другь друга мы

Брашъ.

Оштонимъ зависть прочь мы дружбою пылан; Корыстолюбію затворимъ съ сердце путь; Любовію союзъ мы кровный утверждая, Чистосердечіемъ свою наполнимъ грудь. Пусть щастье одного составить щастье наше;

Союзъ родства красенъ, но дружбою онъ краще.

провопускание,

зрълище для дътей.

Дъйствующія лица.
Честнодумовь, живописець.
Честнодумова, жена его.
Алексъй, старшій сынъ ихъ 16 льть.
Софья, дочь ихъ 18 льть.
Алексаша, младшій сынъ 6 льть.

Дитя двухъ лётъ, въ колыбели. Графо Добросердо.

Двиствіе произходить вы горниць вы Честнодумовомы домь; вы ней видно нысколько худыхы домашнихы приборовь, на стынь повышена картина еще недоконганная; вы сторонь стоить колыбель, вы которой лежить спящее дитя.

явление первое

Чесшнодумова, Софья, Алексаша.

Честнодумова прядетв, Алексаша стоя подлё нее треплеть лень и гасто останавливается, стобь нёсколько отдохнуть; Софья сидить подлё колыбели и вяжеть гулки,-----Время около трехь гасовь послё полудня.

Софья (елядя на колыбель воворить тихо).

Со вчерашняго дня ничего не раъ, а шакъ спокоенъ! Слава Богу, что ты спать можешь.

Честводумова.

Спить онь, Софья?

Спишъ, машушка.

Чесшнодумова.

Дай Богъ, чтобы долбе спаль!—брдное дитя! я боюсь чтобъ онъ не проснулся— Что отецъ его нейдеть такъ долго?

Софъя.

Онъ сказалъ, что пойдетъ просить коть маленькаго задатку за начатную имъ картину.

Честнодумова.

А еще назадъ не возвращился! — Боже! что съ нами будеть, естьли онъ ничего не достанеть?

Софъя.

Этому бынь не можно: человъкъ, для котораго онъ работаеть, очень богать.

Честнодумова.

Богатъ, но можетъ быть не жалостанвъ. Софъя.

Батюшка не о подарко проситьего станеть; но только о нокоторой части тохъ денегь, которыя онь посло трудами своими заслужить, и которыя тоть должень будеть ему заплатить.

Чесшнодумова.

Это правда, но его работа еще не готова, а деньги напередъ не всякой охотно платить.

(Быеть три саса)

Алексаша (перестивь трепать.)

Ужъ шри бьешъ, машушка; не ужъ шо намъ севодня вовся не всть?

Честнодумова.

Ты видишь, Алексашинька, что ни отца твоего ни брата нътъ дома; развъ ты безъ нихъ хочешь объдать?

Алексаша.

О, нвит, маминька! Но можеть быть они уже отобрали; мы не знаемъ гдв они--- Да притомъ же.---

Чесшнодумова.

Ну что такое?

Алексаша.

О машушка!----ужъ шакъ поздо----и мо-жешъ бышь—

Чесшнодумова.

Но можеть также быть что они и не объдали. Ты видить, душинька, что ни я, ни сестра твоя, ни маленькой брать также какъ и ты ничего еще не вли, ты одинь кочеть быть нетерпвливъ.

Алексаша (ваплакаев.)

Да мир очень рсшь хочешся!

Чесшнодумова. (взлев еео кв себв на колвни и обливал еео слевами.)

Другъ мой, милое мое дишя, успокойся, пошерпи немножко; Богъ конечно пошлешъ намъ чшо нибудь на пищу. Повъръмнъ, чшо я голодомъ швоимъ больше мучусъ, нежели шы самъ.

Алексаша. (обнимал ее и утирал свои слезы.)

О! нътъ любезная маминька, не крушись столько о моемъ голодъ. Посмотри! ужъ прошло, я не плачу больше.—Я опять стану работать, нтобъ позабыть о томъ, что я голоденъ. (Идеть и съ великимъ трилъжаниемъ принимается олять за работу)

Чесшнодумова. (въ сторону.)

Не ужъли спрадание мое еще не довольно велико? о Боже! доколъ мнъ сносить оное?

Софья.

Башюшка еще не возвращается: не сдълалось бы съ нимъ какова нещастія.

Честнодумова.

Я догадываюсь что тому причиною: конечно отказали ему въ его прозьбъ, и онъ не имбетъ сердца съ пустыми руками къ намъ возвратиться. Но я дивлюсь брату твоему Алексъю. Когда онъ отселъ утолъ? Софья.

По утру въ десять часовъ.

Честнодумова.

Чудно эшо! онъ, которой всегда быль такой доброй сынъ и брать, оставляеть насъ теперь, когда намъ помощь его такъ нужна: меня это весьма печалить.

Софья.

Не безпокойшесь машушка; онъ конечно пошель куда нибудь съ добрымъ намбреніемъ: я знаю его сердце, знаю какъ бъдность наша его сокрушаетъ. Онъ безсомнънія за тъмъ пошолъ, чтобъ сыскать намъ какую помощь.

Честнодумова.

Но накимъ образомъ можешъ онъ это сдручить:

Софъя.

Нужда научить его найти къ тому какой нибудь способъ: онъ казался быть въ великомъ отчаяния?

Чесшнодумова.

Что ты говоришь? ахъ Софья! Ну, есть ли онъ что либо безчестное предприметь? меня это лишить жизни: все можно сносить, пока совъсть наша чиста.

Софья.

He опасайтесь, я знаю братца. Честнодумова.

Ответь твой возвратится ни съ чъмъ, изнуренъ печалію и голодомъ. Увидя его въ семъ состояніи сердце мое разорвется. О мои любезные дъти! мы должны въ послъднему и весьма горестному средству прибътнуть.—О небо—другъ мой Алексашинька! хотъль ли бы ты что нибудь для меня сдълать?

Алексаша.

Я, машушка? о скажи лишь что такое? Честнодумова.

Обойми меня, душа моя — милой мой сынь. — о нужда!—къ чему ты меня приводишь!—надобно тебь итти просить милостыни. Поди, старайся возбудить сожаль-

ніе, представь нашу бъдность, и проси, чтобъ тебь что нибудь дали!

Алексаша. (послё того какь онь сію рыс со вниманіемь выслушаль.)

Машушка, не это ли называють по міру ходить?

(Во сторону) о Боже!—(громко) шакъ, мой другъ.

Алексаша.

Этова бы мит не котпрлосы.—Да у новожь мит просить? у всякаго?

Честводумова.

у всянаго, мой другь, кошорой покажещся шебь шакимь, что можеть ньчто подарить.

Алексаша.

А коли они мнb оппажущъ? Чесшнодумова.

Богъ приведешь шебя къ шакимъ сердцамъ, кошорыя надъ шобою и надъ нами сжалящся.

Алексаша. (песально)

Ну хорошо!-- такъ прощай же матушка!

Чесшнодумова. (цвлул есо)

Прости, мое милое дитя! естьлибь сіе не насалось до жизни твоего отца, братьевь твоихъ и сестры, то бы я тебя къ этому не понудила. (Алексаща пласа отходить).

ЯВЛЕНІЕ ВТОРОЕ.

Чесшнодумова и Софья.

Софья. (смотрить вы слоды брату и пласеть)

Бъдное дишя!—ишобъ глядя на него не запланалъ!—нанъ ему эщово не хошълось!

ABAEHIE TPETIE.

Чесшнодумова и Софья, которыя хранять петальное безмолейе, потомь Чесшнодумовъ.

Честнодумовъ (входить съ великимь уныніемь, блёдень и утомлень; одежда сео изъясляеть велигайшую бёдность.)

О жена моя! о дочь! намъ должно умерешь! (бросается на стуло и смотрито кругомо пылающими отами) но гдо мой малюшто? Алексой еще не возвращился?

Чесшнодумова.

Я предчувствовала, мой другь, что ты ничего не получить.

Честнодумовъ.

Ньть жалости! ньть собользнованія!— Честнодумовь.

Ни полушки! я ужъ знаю, говорилъ онъ, каково давашь напередъ деньги за рабошу еще неокончанную: обыкновенно позже получишь шу вещь; или еще совствъ не получишь. Тщешно давалъ я честность свою порукою: я тебя не знаю, отвъчалъ онъ, и утолъ. О какая горесть овладъла мною.—

Чесшноду мова.

Не безпокойся, другь мой! есть Богь, которой видить нату бъдность, и которой инымъ образомъ о насъ попечется. Я послала Алексашу—можеть быть будеть онъ столько счастливъ, что исходатайствуетъ намъ хотя малую помощь.

Честнодумовъ.

Не надъйся мой свъщь: о человъки, человъки!—одна смершь намъ поможеть. Но я не понимаю куда скрылся нашъ Алексъй. На шакое долгое время онъ никогда не отлучался; и надобно этому случиться севодня, могда намъ помощь его наиболье потребна! это не простительно!

Софья.

Я слышу кто-то иденть; конечно это онь (она идеть кь дверямь.)

Чесшнодумовъ.

Чтобъ онъ и на глаза ко мнв не ходиль!

явление четвертое.

Честнодумовы Честнодумова, Софья, Алексый, (сей послёдній входить блёдень и слабь сь завлзанною и окровавленною рукою, несл сь собой два хлёба.)

Алексей. (бросая хлобы на столь).

Воть, любезные родители? кушайте! мнв

орого это стоить; я не могу больше—(панаеть безь тувства на стоящій по близости го старой сундукь.)

Чесшно,: умовъ.

Что это такое? не ужъ ли это плоды каково либо безчестнаго дъла? А! нещастный!

Алексви. (слабыма голосома).

Кушайше, не опасайшесь; я васъ еще досшоинъ.

Честнодумовъ.

Но что значить сіе состояніе, въ ко-

Чесшнодумова. (примотя кровь на еео руко).

О небо! кровь? скорбе, Софья сыщи какую нибудь шряпку. — Какъ? шы дрался съ къмъ нибудь?

Софья.

Ахъ, матушка! — посмотрите, у него скинулась перевязка; онъ конечно пускалъ кровь и жила опять растворилась!

Алексый (св великой слабостью).

Батюшка!——Матушка!——Сострица!— — л сдрлаль это, чтобъ достать вамъ кусокъ хлрба.

Честнодумовъ и Честнодумова (едруев.)

О сынъ!

Софья.

Ахъ брашецъ!

(Отець и мать заклюсають сео съ свои обытил; Софыя старается перевязать у него руку).

явленіе послъднее.

Прежніе, Графъ Добросердъ, Алексаша и служние в ь Графской, которой несеть корвину сь кушаньемь.

Графъ.

Гдъ сіи нещасшные? какъ могли ония шакъ долго ошъ меня укрыващься?

Алексаша.

Вошъ они, сударь! это мой батюшка и моя матушка; они умирають съ голоду.

Графъ. (предлагал корзину)

Вошъ вамъ, друзья мои, на севоднишній день пища: примише ее ошъ моей руки.

Честнодумова.

Ахъ милостивой государь! ноль чувствительно для насъ ваше велинодушіе! но можемъ ли мы чъмъ наслаждаться, пона сей нашъ любезный сынъ (указывая на Алексъя)—сынъ добродътельныйшій — будетъ находиться въ смертной опасности? — Ахъ! естьли бы вы знали——

Алексаща.

Брашецъ голубчикъ, что съ тобою сдвлалось? (бъжить къ нему.) Графъ. (кв Алексвю).

Какъ? кто нибудь тебя поранилъ?

Алексви. (Слабымъ и прерывнымъ голосомъ.)

Нътъ, государь. — Я не могъ сносить нещастнаго состоянія моихъ родныхъ—для того въ отчаяніи побъжаль сегодня поутру, вознамърясь твердо или обръсти имъ помощь или умереть. Со мною — ахъ!

Графъ.

Опдохни немного.

Алексви. (по нвкотором в молгании)

Со мною встрвтился одинь изъ моихъ пріятелей, такойже брдной и нещастной человрвь, какъ мы. Онъ, увидя меня въ отчанніи, ужаснулся—куда ты идеть? спросиль меня; что съ тобою сдрлалось? — ахъ, мой другь! они со вчератняго утра ничего не вли—мой брдный отець—моя брдная мать—я не знаю куда иду — не знаю гдр я—они умруть съ голоду! (падаеть олять въ обморокь).

Графъ.

Воды немного, воды?

Алексьй. (пришедь опять вы себя.)

Ужъ прошло. — Тогда сказаль онъ мнb: вошь мой другь, и сунуль мнb десяшь копbекь въ руку, вошь все, чшо я имbю; но есшьли шы нbчшо заслужишь кочешь, я знаю
въ шому способъ. — Ахъ! ошвbшсшвоваль я,

Часть I.

н все сдраво окошно: конетно ужъ это непостыдной способъ.—Нъпъ, повториль мой добродвшельный другь: шамь въ угловомъ домь живещь зажиточной молодой человых, которой обучается врачебному искуству, дабы въ своей деревив помогашь бъднымъ людямъ, когда имъ случишся нужда въ лъкарв. Онъ упражиленся въ кровопусканіи ж даеть твых деньги.—Я разумвю тебя, сказаль я, и побржаль тошчась вы тошь домь, на которой онь мир указываль. Человокъ этоть пустиль мив провь, сперва изъ правой, потомъ изъ ловой руки; ибо я его о томъ просилъ для полученія двойной платы. По семъ даль онъ мив деньги, я побъжаль топчась въ хаббию, и въ торопливости не примошиль, что перевязка у меня съ одной руни скочила. Посль того, хотя уже я и примошиль сіе, но мир не хотолось мошнашь, въдая, что любезные родители мож между твмъ истаевають голодомъ.-И сіето меня такъ обезсилило—(св восторгомв). Но щасшливъ, естьли смертію моею дражайшую жизнь ихъ хошя на одинъ день продолжу: (подаеть руку отцу и матери, которые вв слухв рыдаютв).

Графъ. (сувствул великую жалость.)

Благодарной юноша! ты примъръ добродътели; но имъешь у себя брата, которой нъкогда тебь уподобится. Этотъ нещастный мальчить (указывая на Алексашу) упаль въ обморовъ предъ монии окнами. Къ щастію взглянуль я на эту пору въ окошко и его увидьль; по приназанію моему принесли его ис мив и ивскольно капель крвпкато спирту возвратили ему прежній чувства. Я вельль посадить его за столь, но окъ не котівль ничего всть, а просиль меня со слезами, чтобъ я поставленную предъ него пищу позволиль ему взять съ собою: батиющий моему, матушкі моей, говориль онь, надобно сперва сділать помощь: могу ли я всть въ то время, какъ они умирають съ голоду?

Чесшнодумовъ. (съ великимъ сердолюбіемъ.)

О мон дъщи! вы достойны лучшей участия!

Графъ.

Не печальшесь; ошь сего времени беру и на себя имбшь о вась попеченіе. Доколь шивь, буду я благословлящь щасшливую минушу, кошорая подала мив случай, сшольше добродьшельному, сколь нещасшному семейсшву, услужищь. Сынь вашь слава Богу шольно чшо слабь; въ его льша скоро эшо пройдешь. (Положа на сшоль кошелекь сы деньгами) Между шьмь вошь ньскольно, чьмь можеше вы досшащь все нужное какъ въ его укрыпленію, шакь и нь своей ошрадь:

чрезъ немногіе дни услышите вы лучшія въсти: понамъстъ прощайте.—(Здъсь Честнодумовъ со всей своей семьею бросается предъ нимъ на нольни, но онъ ихъ удерживаетъ). Благодарности я не требую, друзья мои! я уже собственнымъ моимъ чувствованіемъ награжденъ довольно.

Алексъй, (оскогиев и жеатал у него руки).

Еще одна провъба, милосшивый государь!

Графъ.

Какая, мой другь? Алексей.

Чтобъ върной пріятель мой, которой сегодня всъмъ своимъ имъніемъ мнъ помогъ, въ благодъяніяхъ къ намъ вашихъ имълъравное участіе.

Графъ

Пречестный юноша! знай, что у меня положено уже было на сердцё также и о немъ пещися. Завтра объ эту пору приду и опять къ вамъ; постарайся, чтобъ я здёсь его нашелъ. (Уходить).

(Всѣ долгое время в безмолвном удивленіи смотрять вы слѣдь ему. Потомы Честнодумовь воздѣвы на небо руки, бросается на колѣни и сы великимы жаромы говорить):

Боже! Боже! пролей благодать твою святую на сего великодушнаго благодотеля, на сего Ангела, котораго щы къ намъ послалъ! и да буди въчно, въчно, въчно славимо имя швое, о ты источникъ любви и спасенія, всемогущій Боже!—(Вскогивъ) Ну, дъти! насышимся съ благодарностію даромъ небеснаго Творца, и возвеличимъ имя его во всю жизнь нату!—

> (Они всъ съ радостными въ отахъ слезами садатся за столь).

СОБАКА СЪ КУСКОМЪ МЯСА.

На кухню къ повару, кошорой быль зъвака, Зашла голодная собака,

Зашла не званая и по собачьи мнишъ: Здъсь много всякаго припаса,

И плохо все лежишъ,

Танъ я могу схвашишь любой нусочинъ мяса. Схвашила и бъжишъ,

Бъжишъ что мочи есть съ добычею такою Неся ее въ зубахъ,

Мечтаетъ повара съ дубиной за собою, Но то не поваръ былъ, а страхъ,

Преступниковъ гонитель, И къ ихъ мученію въ сердцахъ ихъ въч-

и къ ихъ мучению въ сердцахъ ихъ въ ный жишель.

Трусливая дрожить собака та ужасно, Не знаеть гарбъ найти ей мрсто безопасно.

Случилась шушь рвиа; Собана думала я плавань масшерица, Не раздвашься мив, И это небылица,

Чтобъ поваръ могъ найти на той меня странь; Переплыву я вскорь,

И шамо свущаю кусокъ свой на просшоръ. Ошъ мысли сей повеселье сшавъ, Пускаешся собака вплавъ:

Шерсть распустилася у ней жакъ юпия, Ногами какъ весломъ гребеть,

Плывешъ

Какъ шлюбка,

И держишь голову высоко какъ олень, Но въгладкой шамъ водо свою вдругь видишь шонь,

Такую же собаку,
Съ шакимъже, какъ она, во ршу кускомъ;
Завидуешъ ей въ шомъ,
Пусшишься хочешъ въ драку,
Чшобъ шошъ кусокъ ошняшь у ней,
У зависши всегда желаніе шакое:
Насущнаго шы хлъба не имъй;

А у нее всего бъ излишно было вшрое. Съ собаной мнимой сей она вступила въ бой, Заланла и заворчала.

> О дура! то быль видь пустой; Его ты не поймала,

А швой

Кусовъ упалъ, вода его умчала,

Просшися сънимъ и будь на из прежде голодиа. Колино зависив ды безунна и черна!

трое молодыхъ путешественниковъ.

Три сына, богашыхъ родишелей, скопили, ошъ получаемыхъ ими на разныя бездълицы денегъ приста рублей.

Они согласились, чтобъ имъ для своего удовольствія събздить за сіи деньги посмотръть нъкоторыхъ городовъ, и получили на то позволеніе отъ своихъ родителей,

И такъ отправились они и радовались напередъ, что пордуть чрезъ многія хоротія моста и время проведуть очень весело.

Но лишь отърхали нрсколько версть, какъ увидрли въ деревир пожаръ.

Они поскакали туда и нашли нещаствыхъ жителей сея деревни бъгающихъ и старающихся тушить огонь, конторой нъсколько избъ обратиль уже въ пепелъ.

Влагородные сім юноши не были простыми вришелили, но помогали сами тушишь огонь, сколько могли. Напоследовъ пожаръ пошухъ.

Спали ихъ благодарищь за ихъ вспоможеніе; а они смигнувшись между собою и мысли другь друга уразумівь, пошли цъ священнику и ощдали ему вст приста рублей, которые протвдить хотвли.

Употребите сім деньги, сказали они ему, на поправку состоянія сихъ бъдныхъ погорълыхъ людей.

Мы намбренія своего досшигнули и шеперь можемъ возвращиться назадъ, ибо мы кошбли издержать сіи деньги въ свое удовольствіе, что уже и исполнилось.

По сихъ словахъ оставили они удивленнаго священника и возвращились въ городъ, сопровождаемы благодарностію и усердными о здравіи ихъ молитвами отъ сихъ земледъльцевъ, и отъ всъхъ тъхъ, которые о семъ похвальномъ дълъ узнали.

БРАТЪ И СЕСТРА.

Брашъ.

Сестрица, душинька, посмотри какое у меня прекрасное яблочко! поди ко мив, свушаемъ его вмвств.

Сестра.

Брашецъ, голубчикъ, у меня ничего нъшъ, чъмъ бы я могла шебя шанже попошчиващъ. Брашъ.

Меня? да на что? естьли я одинъ събмъ ото яблоко, то оно мно не такъ покажется вкусно, хотя бы оно и вдвое больше было; а когда съ тобою раздълю, сестрица, тогда и половинна будетъ для меня гораздолучте цълаго яблока.

щастие благодътельства.

Красны какъ пришли денідчки, Я гуляль въ лугу весной; Тамъ всв пшички и звврідчки Веселилися со мной.

И гдъ ръчка прошенаешъ По зеленому лужну, Тамъ, я видълъ, ошдыхаешъ Сшаричокъ на бережку.

Хворъ и съдъ, мое сердечко, Жосткимъ рубищемъ покрытъ; Отъ него тутъ недалечко Посотокъ его лежитъ,

И кусочикъ чорства хабба Положенъ въ его суму, Убоясь знать кто-то неба Христа ради далъ ему.

Онъ во снр поворошился, И проснулся тотъже часъ: Слезъ источникъ покатился Горькихъ у него изъ глазъ. Ощь чего сшаринь любезной, Съ сожилиньемь и спросиль, Ошь чего пошокь сей слезной? Разви свить шеби не миль?

Онъ въ уныціи глубокомъ На меня шогда взглянуль, Бъдный, шоль печальнымъ окомъ, Чшо в самъ я воздохнулъ.

"О дишя мое любезно! Томнымъ голосомъ онъ рекъ: "Жишіе веду я слезно, "И не кончишся мой въкъ!

"Изнуренъ печалью злою, "Тяжной старостью согбень, "Нъть ни пищи, ни покою, "А работать силь лишень!

"Сынъ мой въ младости скончался, "Сирыхъ мир оставя чадъ. "Я одинъ у нихъ остался. "Малы вср и терпитъ гладъ.

"Испрошенный сей слезами "Хлвбецъ малый предъ шобой, "Съ пяшерыми я двшями "Раздвлю пришедъ домой. "Что рука имъ дастъ пища, "Что рука имъ дастъ моя: "Завтра—Боже призри нища!— "Можетъ мертвъ ужъ буду я!

Онъ умолкъ, но мукой злою Взоръ его былъ помраченъ; Я крушась его шоскою Самъ былъ въ слезы приведенъ.

у меня шогда по щастью Кошелевь въ вормань быль; Огорченному напастью Старцу я его вручиль.

О коль жаръ благодаренья Въ хладномъ сердир былъ великъ! О коликаго почтенья Былъ достоинъ сей старикъ!

Сладость помогать убогимь, Я впервые туть внусиль, И съ веселіемь премногимь Весь тоть вечерь проводиль.

молодой осель,

знатностію породы своей надутый.

Молодой осель, по имени Длинноухь, наслышался, что онъ отъ знашнаго и весьма древняго поколънія происходить.

Собесъдница его, ушка, великая грамошъиха, часто расказывала ему, какъ предки его славны въ лътописяхъ.

"Господа длинноухіе, говорила она, въ "старину были важныя въ свъть лица.

"Сказываюшь, на нихъ никшо не взжаль, "промв самыхъ перввишихъ особъ.

"Знашность муловъ уступаетъ имъ въ
"древности, какъ то видно и по ушамъ ихъ,
"которыя гораздо короче ослиныхъ; что ка"сается до лошадей, они составляли про"стой народъ, и господа ослы никогда съ
"ними не обращалисъ.

Молодой господчинъ нашъ не пропустиилъ ни одного слова изъ ел ръчей.

Какъ шолько выгонящь его въ поле, и прежніе шоварищи его, игривые жеребяшки, захошящь съ нимъ поръзвишься; шо онъ съ презръніемъ ошъ нихъ ошворошишся и скажешъ, чшобъ они играли съ подобными себъ.

Съ шого времени вовся не хошряъ онъ учишься.

Вишь и не изъ простова народу, раз-

мышляль онь; за чвмь мив боярокому сынку, словно какъ просшолюдинцу, мучишь себя наукою? довольно одной знашной породы моей, чшобъ пришши у всвхъ въ любовь и почшение.

Разсуждая шакимъ образомъ, никогда не жаживалъ онъ въ манежъ, а всегда смощрълъ шолько изъ дали на обучающихся лошадей, и почишалъ себя щасшливымъ, что не подверженъ шакому какъ они мущтрованью.

И шакъ выросъ онъ и ни чему не выучился.

Въ одинъ день вмосто съ простородными товарищами своими, которые сдолались уже весьма добрыми конями, отведенъ онъ былъ въ городъ на ярмонку.

Онъ надъялся, что конечно сыщется какой нибудь царевичь, которой за то, что у него такія длинныя уши, полюбить его и возметь къ себь въ службу.

И подлинно быль шамъ одинъ Князь.

Сей Князь лишь шолько увидьль молодыхь выученныхъ лошадей, шошчась онь ему полюбились, онь подошель къ нимъ, сшалъ гладишь, купиль ихъ и нарядиль въ пребогашой конской уборъ.

А на господчика Длинноуха ниже взглянуль кто нибудь.

Напоследовъ сыскался какой-то мельникъ, которой купилъ его, чтобъ возить на

немъ ибшии съ муною, и на первой случай сильнымъ ударомъ плоши даль ему разумошь, чшо онъ долженъ съ нимъ идши.

Тогда - то господчивъ нашъ заревълъ страшнымъ голосомъ.

Mya! муа! муа! зарычаль онь громко; а сіе вначило:

"Не за шово меня принимающь: я бояр-,,ской сынь Длинеоухь, одинъ изъ монмъ ,,предновъ служилъ великому Силену! (*)

Вошъ и шебъ дамъ муя! сказалъ мъль-

федющино утреннее размышление и молитва.

Пріяшный, шеплый день насшаль, Мрань ночи хладной удалился: Я здравь и духомь бодрь восшаль, Мой сонь сладчайшій прекрашился. Подобно шакь шумань гусшой Поля и нивы покрываешь, Но солнца красна лучь злашой, Его мгновенно разсыпаешь.

^(*) Сшарикъ въ баснословной исшоріи, кошораго изображающь всегда ідущимъ на ослі.

Земля изсохивя въ песокъ
Когда шуманомъ напоишся,
Опъ влажносщи сея лисшовъ
И правка на полъ родишся:
Полезенъ и шуманъ для насъ;
Но солнечны лучи любезны,
Еще, еще шого въ пять разъ,
Или и болъе полезны.

Хошя намъ ночью сонъ и миль; Съ высошъ ниспосланъ онъ небесныхъ, Для укрвиленья нашихъ силъ Душевныхъ купно и швлесныхъ; Но любо поушру возсшашь, Какъ дневное взойдешъ сввшило: Всегда безпересшанно спашь, Кому бы шо пріяшно было?

Величественъ швой, солнце, зравъ, Велинольпно шы, прекрасно! Ты разсыпаешь ночи мракъ, И все даешь намъ видьшь ясно. Все нужное для насъ сбирашь Своими можемъ мы руками, Пишь, всть, ходишь вездь, гуляшь, Твоими веселясь лучами.

Мно нажешся, что въ этоть часъ, Какъ солнца всходить лучъ свотящій, Отца чадолюбива гласъ Съ небесъ я слышу низходящій: Ну, дъши, вошь вамь дневный свъшь, Играйше, радуйшесь, скачише, И чшо кому на умъ вспадешь, То дълая, меня любище!

Тогда вст съ радостью встають, Повсюду люди тевелятся, Творцу небесному поють, Работають и веселятся. Твой свто, о боже! полнъ доброть: Онъ разумъ мой въ восторгъ приводить; По истинт безуменъ тотъ, Кто въ немъ уттаки не находить.

Хошя еще незрвлый умъ
Мой мало въ сввшв испусился,
Однано бы своихъ я думъ
Конечно прайне устыдился,
Когда бъ мнв въ голову пришло
Таное размышленье ложно,
Что все на сввтв худо, зло,
Что въ немъ довольну бышь не можно.

Тогдабъ мой страхомъ каждый шагъ Средь рощъ густыхъ сопровождался; Во всякомъ деревъ мой врагъ, Меня стрегущій, миббъ мечтался; Какъ будто бы со всъхъ сторонъ Меня злодъи окружали,

И дикимъ голосомъ: вошъ онъ!
Вошъ онъ! ошвсюду вопіяли.

Ахъ! Есшьли правду говорять,
Что будто люди есть такіе,
Ноторые Творца хулять:
Какіе же они слопые:
Какъ долженъ быть ихъ умъ легокъ!
Какая слабость, нетерпонье!
Пыль, дождикъ, тучка, вотерокъ,
Уже ихъ вводить въ огорченье!

Нъть, Боже праведный, Твою
Я чту премудрость безконечну,
Не умствую, но всю мою
Любовь и простоту сердечну
Тебъ со вздохомъ приноту,
И лишь о томъ Тя, милосердый,
Со умиленіемъ проту:
Даждь, даждь, всегда мнъ духъ сей твердый.

великодушие и влагодарность.

Англинскаго корабельщика, именемъ Рихардсона, захвашила неподалеку отъ Данцига жестовая буря. Съ великимъ трудомъ насилу могъ онъ войти въ гавань.

Другое судно, которое позади его слъдовало, не было такъ щастливо: оно брошено было на мъль, и шестнатцать чело-Часть I. въть бывшихъ на немъ ожидали ежеминушно, что судно ихъ проломищся и они въ волнующемся моръ потонутъ.

Рихардсонъ увидълъ ихъ бъдствіе; но собственное судно его находилось въ такомъ худомъ состояніи, и люди его такъ были трудами и смертнымъ страхомъ умучены, что не возможно ему было ни какъ возвратиться назадъ для поданія помощи страждущимъ.

Не взирая на mo, сердце его не давало ему покоя: не могъ онъ быть празднымъ зрителемъ на злощастие себъ подобныхъ. Чтожъ онъ сдълалъ?

Онъ побъжалъ къ корабельщику другаго судна, которое неподалеку от него стояло на якоръ, и просилъ его исполнить долгъ человъчества, котораго онъ самъ исполнить не въ силахъ.

Но этоть корабельщикь быль одинь изъ труго хладнокровных и малодушныхъ людей, которые, когда дойдеть до нихъ дрло оказать кому либо какую услугу, напередъ размышляють и сами себя спрашивають: нртыли туть собственной моей опасности? будеть ли мнр оть того какая прибыль?

Гнусный образъ мыслей!

И шавъ, кавія добросердечный Рихардсонъ ни дълаль предсшавленія, не могь сего малодушнаго корабельщика убрдишь, чтобъ онъ вдался самъ въ опасность для спасенія жизни другихъ.

Пошомъ просиль его Рихардсонъ, чшобъ онъ по крайней мбрв даль ему своего ялика, по шому чшо Рихардсоновъ яликъ быль
не шакъ великъ и крвпокъ какъ его; однакожъ сей недоброхошный человвкъ и въ
шомъ ему ошказалъ, опасаясь, чшобы въ шакую великую бурю не лишишься своего
ялика.

Праведнымъ огорченіемъ дышущъ и кипя великодушною ревностью, побъжалъ Рихардсонъ на корабль свой и къ утомленнымъ матрозамъ возгласилъ: "други, есть ли въ васъ еще столько силы и мужества, чтобъ исполнить богоугодное и человъколюбивое дъло?

Видите вы сихъ нещастныхъ, которые стоять при концъ жизни? въ комъ изъвасъ есть сердце, тоть ступай за мною!,,

Сназавъ сіе вскочиль въ яликъ, куда чешыре человъка сильныхъ машрозовъ за нимъ послъдовали.

Мужественно гребли они поверхъ привалили щихся валовъ, и напослъдокъ привалили благополучно въ стоящему на мъли судну. Но въ маленькой яликъ свой не могли они вдругъ больше тести человъкъ посадить.

И шакъ отвезши сперва сихъ на берегъ,

два раза возвращались они пошомъ для забранія всбхъ остальныхъ.

Избавленные ими благодарили ихъ со слезами; сами же они плодами добраго дъла своего услаждаясь, вкушали ни съ чъмъ не-сравненное удовольсшвіе.

Между шесшнашцашью челововами, которых жизнь они спасли, быль одинь богатой купеть изъ Смирны. Сей на другой день пришель къ Рихардсону и принесъ емушысячу гиней, что сдолаеть слишкомъпять тысячь рублей на наши деньги.

На что это, спросиль Рихардсовъ?—— Это тебь, отвътствоваль купець; прими ихъ пожалуй и поставь сіе за нъкакой малой знакь моей благодарности.

Чтобъ я ихъ принялъ? всиричалъ Рихардсонъ: сохрани меня Боже! развъ я за тъмъ спасъ твою жизнь, чтобъ взять съ тебя за то деньги?

Такимъ образомъ купецъ продолжалъ ему ихъ навязывашь, а Рихардсонъ отъ нихъ отговариваться. Напослъдонъ сей спросилъ:

Скажи пожалуй! шы, кошорой хочешь сдвлашь мнв шакой великой подарокъ, —развв шы шакъ богашъ?

Такъ богатъ, отвътотвоваль купецъ, что я безъ разоренія себь могу сдълать тебя и всъхъ твоихъ матрозовъ щастинвыми. Когда шанъ, повшорилъ Рихардсонъ, шо и подаронъ швой возму. Посемъ взялъ онъ мъщокъ съ деньгами, созвалъ машрозовъ своихъ на палубу и раздълилъ между ими все, не осшавя себъ ни полушки.

Между шрмъ, какъ сіи ошъ радосши восклицали, Смирнской купецъ сшояль и плакаль.

Что съ тобою сдравлось?—Спросиль у него Рихардсонъ.

Мир досадно, отвриаль купець, что человри, которому в обязань жизнію, столько гордь, что не позволяль мир имрть удовольствія оказать мою благодарность.

Божусь шебь, что ты обманываешься, всиричаль Рихардсонь: не изъ гордосши раздолиль я подарокъ швой между ими, но по тому, что имъ гораздо нуживе нежели мив, и что безъ ихъ помощи не могъ бы я шебя спасти.

Такъ шы, думаешь, продолжаль купецъ, что я забыль бы ихъ? Вотъ что! — (вытащивъ кошелекъ съ деньгами) вотъ что я имъ назначалъ! — но ты, какъ я уже сказалъ, презрълъ мою благодарность!

Нлянусь шебв всею свящостію, что я ее не презираю! всиричаль Рихардсонь съ выкоторымъ жаромъ.

Такъ возьми по крайней морт вошъ вто, примолвилъ купецъ, подавая ему драгоцон-

ный персшень, кошорой онъ сняль у себа

Рихардсонъ взяль его.

Всв, слышавшів сей почшенія досшойный спорь, находились въ сомнівній, кому изъ двухъ должны они больше удивляшься, великодушному ли корабельщику, или благодарному купцу, но всв согласны были въ шомь, что оба сій мужи всякой чести и похвалы достойны.

оселъ и лошадь.

Въ каное-то, не помню, время, Осель прешажкое несъ бремя,

Удобное ему дать машъ.. Сънимъвмъстъконь, не знаю что томувиною, Съ порожней шелъ спиною.

Осель ему сказаль: конь брашь!

Пожалуй сжалься шы на рокъ мой слезный; Ты видишь ношу на моей спинь,

Будь добръ и помоги шы мнв.— Кто? я? я за тебя работать стану? Лвнтяй! такому я, какъ ты, болвану

Могу ли бышь слугой?—

О конь мой дорогой!
Пищаль осель, я умираю.
Ты силень; я передь шобой дишя,
Поль-ноши шы моей снесешь шушя;

Спаси меня, я весь изнемогаю. Ньшъ, не кочу, конь гордо отвычаль. Осель бъдняжка замолчаль. Въ уныніи глубокомъ, Въ поту, въ жару жестокомъ, Разъ пяшь еще ступиль, Упаль и духъ свой испусшиль. Тошчасъ съдло, подпруги, стремя. Кульки, мъшки и всякое беремя, Съ осла долой,

Везши домой,

Взвалили на лошадь, на горду эту дуру, И сверхъ того еще ослову ткуру.

молодой путешественникъ.

Молодой скорохвать, которой имбль велиную охоту путешествовать, отправился съ насшавникомъ своимъ въ пушь.

Лишь только успреть онь прірхать въ какое-нибудь чужестранное мосто, по ужъ и спрашиваеть: кудажь мы отсель повдемь? и никогда не хотвлъ въ одномъ мвств пробышь столько времени, чтобъ осмотрвть все, что было тамъ добраго и примъчанія достойнаго.

Такую великую имблъ нешерпъливосшь перевзжать изъ мвста въ мвсто!

Наставнивъ прашивалъ его иногда промішнать подолів, представляв, что путешествіе не принесеть сму ни малой польм, естьли онъ станеть только что пережтать изъ одного міста въ другое.

Тщешно! онъ не могь его убраниь. Но что последовало? Когда сей молодой человень возвращился домой, то не умель онъ ничего сказать о техь местахь, чрезь ко-торыя пролеталь, кроме одного ихъ имени.

Тогда позналь онь свою глупость, и должень быль вознамбриться вторично предпріять сіе путешествіе, когда хочеть почерпнуть изъ того пользу.

Такъ шочно бываешъ съ швин, кошорые не слушая хорошенько, чшо имъ учишель изъясняешъ, всегда шолько о шомъ спращиваюшъ, чшо далве следуешъ, и чрезъ шо напоследовъ ничего не знаюшъ.

Кшо хочешь чему швердо научишься, шошь должень безь всякой поспршносши выслушивашь, и не прежде за конець книги квашашься, какь уже совершенно выразушрвь начало оной.

нетерпъливой мужикъ.

Съ однивъ уже немолодымъ мужиковъ, но ношорой въ молодосши походилъ на скоскорохваща, подобное же случилось.

Онъ наналь плошника построить себь избу о трехъ срубахъ.

Между твых какъ плошникъ строилъ

мервой срубъ, мужикъ шоропилъ его, чтобъ онъ поскорбе принялся за другой.

Плошнивъ увъщевалъ его взящь шерпъніе, покуда отдълается первой срубъ; но поть не даваль ему ни на часъ покою, требуя от него, чтобъ онъ непремънно исполнилъ его волю и зачалъ строить второй срубъ не докончивая хорошенько перваго.

Потомъ когда второй срубъ началь приходить къ окончанію, то сталь онъ опять требовать, чтобъ приняться за послодній; ибо онъ въ крайней быль нетерпъливости домъ свой поскорбе видоть построеннымъ. Но что сдолалось?

Прежде нежели верькъ дома былъ гошовъ, все зданіе обрушилось, пошому чшо срубы онаго не имъли надлежащей между собою связи и укръпленія.

власть надъ самимъ собою.

Горячь Мишюша нравомь быль,
И хошь ошець ему швердиль,
Чшобь онь себя воздерживашь сшарался
И сердцу воли не даваль;
Мишюша объщался,
Но въ словъ не сшояль:
За сущій вздорь, за малосшь всяку,
Онь часшо шумь и драку

Съ дъшьми другими поднималь, И послъ шакъ передъ ощцомъ Съ слезами извинялся:

Я виновать, раскаиваюсь въ томъ, Но братецъ разсердиль, и я не воздержался. Послушай Митинька! сказаль отецъ,

Воздержносшь въ нашей власти, Кшо хочетъ съ швердосшью, ошъ всякой на конецъ

Свободенъ будешъ страсти; Тотъ лишъ ей рабъ, Вто слабъ

Самъ управлять собою,
Поди ны въ садъ шеперь, поди,
И намъ покамвстъ походи.
Я шошчасъ буду за шобою.
Мишюща побъжаль и долго ждешъ,

Ошецъ нейдешъ: Терпъшъ Мишюша не умъешъ, Досадуешъ и гиъвенъ онъ, Однако же изъ сада вонъ

Уйши не смвешь:

Уставъ такой у насъ въ сердцахъ, Что гива въ нихъ сильнве страхъ.

Въ послъдовъ съ прочими пришелъ ошецъ сынами.

Какъ ни былъ Мишя разсерженъ, Однако видъ казашь веселый принужденъ, Не льзя шушишь съ ощцами. Съ начала онъ къ пришворсшву прибъгалъ, А посль, какъ пришель къ нему умишко, И какъ прошло его сердчишко, Такъ онъ и вподлинну повеселье сталь. Отецъ имъ говорить: ну дътки!

Во что хотите вы играть? Кто въ жмурки, кто въ веревку, кто въ насъдки;

Мишюшь жъ змый хошьлося спускашь:
Въ играхъ, гдь быгаюшь, онъ быль не очень совокъ;

Ловишь другихъ нелововъ;
Однако же на этотъ разъ
Играть въ насъдни былъ всеобщій гласъ.
Митюша внутренно хотя и побъсился,
Но дълать нечего, сжавъ сердце согласился.
Пошла игра и бъги чередой,
Бъгутъ отъ коршуна, а коршунъ ихъ хва-

Митюша коршунъ былъ худой, Изъ ръзвыхъ ни кого цыплятокъ не поймаетъ Онъ сердится, но сердце вишь не дастъ Тому помоги,

Нто бъгать не гораздъ,

Не сердце надобно тутъ, ноги.

Еще онъ побъжалъ,

Споткнулся, на траву упалъ,

И ноги къ веръху у Митюши

Торчатъ какъ зайчьи ути!

Упасть не гръхъ,

Лить только бъ не убиться;

Digitized by Google

Со всянимъ можешъ що случипься;

Однаможъ всвхъ
Беретъ въ шакомъ случав смвхъ.
Хохочутъ двти: Митя злится!,
Сердчишко въ немъ кипитъ:
Онъ радъбы въ волосы вцвпиться,
Да тутъ отецъ стоитъ!
И такъ, какъ ни было въ немъ сердце воспа-

Однако же, тая свои гръхи,
Тудаже съ прочими, хотя и принужденно,
Кусая губы,
Хи хи, хи хи,

Ворчить сквозь зубы
Межь шьмь не вычень гныва пламень,
Вишь сердце вы насы не камень,
Оно смягчается и простываеть:
Нто сердится когда играеть?
Протоль Митюшинь жарь и пыль,

Игра другая началася, Онъ бъгая, ръзвясь, смъяся, Всемъ сердцемъ веселъ былъ. Тогда ошецъ ему спокойно

И съ крошостью сказаль:
Воть, Митинька! ты вель себя благопристойно,

Ръзвился и игралъ
Безъ всякой брани и безъ шуму;
Возмижъ себъ шы кръпко это въ думу
Что можемъ мы себя преодольть,

Лишь надо швердо захошвшь. Когда бы прежде хорошенько Подумаль шы с семь, Давно бы вель себя смирненько И быль любезень всвиь.

Севодни поназаль шы оту добродьтель За тьмь, что я быль дьль швоихъ свидьтель;

Но ежели при мнр шы воздержащься могь, То какь не разсуждаешь, Чшо гдр шы ни бываешь, И чшо ни дрлаешь, всему свидршель Богь?

у добраго господина и слуги добрые.

Изъ Кронона, что во Франціи, писали недавно следующую пріятную ведомость:

Господинъ сего мѣста (которой конечно доброй человѣкъ, потому что любитъ добрыхъ людей) дѣлаетъ все что можетъ, дабы благодѣтельствовать своииъ домочадцамъ.

Онъ ежегодно удвляеть изъ своихъ доходовъ дввсти талеровъ, и раздаеть ихъ твмъ, которые хорото себя ведутъ, взрослой ли то человвкъ случится или мальчикъ, пожилая ли женщина или дввутка.

Онъ даешъ имъ сім деньги всенародно

въ церквъ: шамъ объявляющъ при всемъ собраніи ихъ имена, и расказывающъ ихъ добрыя дъла, по кошорымъ они удостоились сего иагражденія.

Изъ награжденныхъ въ нынъшнемъ году сушь одинъ сшаринъ и одна дъвица.

Спіарикъ объявленъ добрымъ по тому, что онъ жилъ на свъть семдесять восемь льть, и ни кого не было, кто бы про него сказаль что-нибудь худое, но напротивъ каждой утверждаль, что онь оть самой юноспи своей всегда прилъжно работалъ, что всегда быль услужливь и благопріязнень къ каждому, и что тестерыхъ дотей воспишаль, которыми всякь быль доволень; сверхъ того имблъ онъ осмидесящильтнюю жену, изъ давняго времени слопую, которая дряхлостію своею не малый трудъ ему наводила, и о кошорой однакожъ спокойствін прилагаль онъ всевозможное попеченіе, безъ всякаго притомъ роптанія, и ниже когдалибо на нее или на судьбу свою жаловался.

Что касается до дрвушки, то мы не можемъ лучшаго сдрлать описанія, какъ скажемъ то, что говориль о ней священникъ. Воть его слова:

"Когда я пришель двищь сей объявишь, "чшо она есшь ша, кошорая назначается, "ныньшней годъ къ награжденію: шо нашель "ее упражняющуюся въ шишью плашка на "грудь больному своему ощцу; и когда я "сназаль ей, что въ будущее Воспресение "надрнутъ на нее врнонъ, и она всенародно "получитъ отъ имени господена своего по-"даронъ за изврстныя уже всрмъ ея добро-"дртели, то она отвртствовала: "я сего "не заслуживаю.

"Добродъщель швоя эшо заслуживаеть, "повториль я.

"Тогда взглянувъ на меня съ нъконо-"рымъ удивленіемъ молвила она: "я ни о ка-"кой добродъщели не знаю.

"Принимаемъ? шали это, которая на один-"принимаемъ? тали это, которая на один-"натцатомъ году возраста своего пошла "служить въ чужіе люди?

"Такъ говорила она, но я шогда не хо-"твла у бъдныхъ родителей моихъ понапрас-"ну всть хльбъ, а хотвла его сама себв "доставать.

"И такъ, спрашивалъ я далбе, это та "самая, которою всб были довольны, кому "она ни служила?

"Она повторила: "я старалась о томъ, "сколько могла, и сіе составляло все мое "желаніе.

"Не правдали, продолжаль я спраши-,,вашь, чшо она на пяшнашцашомь году воз-,,расша своего возврашилась назадъ и была ,,безошлучно въ домъ своего ощца? "На сіе она сказала: "такъ, это я. Ма-"тушка моя тогда занемогла, и надобно "было за нею ходить, а по смерти ея так-"же и за батюшкою, которой, какъ вы ви-"дище, старъ и хворъ.

"И шакъ ощо ща самая, продолжаль я, ,,кошорая рабошою рукъ своихъ пишала сща-,,рика ощца своего и маленькую сесшру?

"Я сшаралась о семъ сколько могла, "ошвъшсшвовала она; но сіе было бы весьма "гнусно, есшьли бы кшо сего дълашь не "сталь! онъ вишь мой ошецъ, онъ меня вос"пишаль, а сестра моя не могла бы сего "сдълашь: она еще очень мала.

"Тушъ увидраъ и, что не отибаюсь, и "для того сказалъ ей: будь спокойна, до-"стойная дрвица! скоро труды твои умень-"татся.

"Сто талеровъ ты получить, и чан-"тельно не умедлить найтиться доброй "человъть, которой на тебъ женится.—Она "отвътствовала: дъло это еще не такъ "скоро сбудется! хотя мнъ ужъ дватцать "одинъ годъ, но сестра моя мала еще и не "можетъ прокормить ни себя, ни батютку.,,

Сіе расназываль священнивь объ втой доброй дівиці: изъ сего видно, кого нашь господить и наши люди признающь за добрыхь.

голувь и пчела.

Форшуна колесо кашищеесь по глади, Вершишся въ верхъ и въ низъ, покорсшвуя судьбь:

Севодня нищему ты подаль христа ради, А завтра можеть быть и онъ подасть тебь.

Упала въ воду пчелка и шонула; Увидълъ ото голубокъ, Принесъ и бросилъ ей листокъ. И койкакъ на него вспрытнула Обмоклая пчела,

И къ берегу на немъ щастливо приплыла. По нъвоторыхъдняхъ, въ смиреніи глубокомъ, Сидитъ мой голубокъ на деревъ высокомъ.

Охошникъ изъ ружья прицъляся въ него Гошовишся ему смершельную дашь муку. Явилась вдругь пчела и жаломъ шыкъ его Въ хошящую уже курокъ спускащи руку! Ружье хошя и пафъ!

Однано голубовъ шы живъ и здравъ.

повъсть

о трехь добрыхь мужахь.

г. Волшемадъ.

Прошивъ мыса Доброй Надежды лежалъ на якоръ корабль, кошорому надлежало идши въ Башавію.

Часть І.

Онъ ожидалъ благополучнаго въщра, но вдругъ подняласъ сильная буря.

Она продолжалась двои сушки: волны возносили корабль высоко въ воздухъ, а потомъ свергался онъ въ глубокія бездны.

Напоследовъ поломались у него мачшы, порвались якорные канашы, и бросило его на мель, где по несколькихъ ударахъ онъ разселся.

Жители лежащей на берегу деревни ви-

Они охошно желали бывшимъ на корабль нещастнымъ людямъ сдълать вспоможение, но не имъли судовъ. Между ими находился одинъ семидесятилътній старикъ по имени Волтемадъ.

Сей, не говоря ни слова, бъжить немедленно въ свой домъ, садится на лошадь, скачеть назадъ нъ берегу и кричить предстоящимъ: люди спасемъ людей!

Сказавъ сіе кидается сълошадью въ прнящееся море, плыветь посреди свирримхъ волнъ на корабль, отстоящій отъ берега на триста шаговъ, и принесши въ нещастнымъ помощь и отраду такъ воліеть имъ:

"Двое изъ васъ скочивъ схватишесь за "гриву моей лошади! Богъ поможетъ намъ "переплыть; потомъ возвращусь я опять за "другими.

Въ одно мгновение опа двое изъ сихъ

людей схвашились за гриву лошади его, и старинь съ ними поплыль.

Едва усполь онь благополучно привезть ихъ на берегь, какъ вторично пускается въ свиропое море, паки къ опасному плаванію своему приглашаеть съ корабля двухъ товарищей, привозить ихъ также на берегь, и такимъ образомъ продолжая спасаеть четырнатцать человокъ.

Родсшвенники его и друзья со слезами въ очахъ заклинающь его, и сами избавленные имъ почши уже просящъ, чтобъ онъ въ новую опасность не вдавался.

Но шщешны всв прозьбы!

Волшемадъ не слышишъ и не видишъ ни чего промб шбхъ, которые находятся еще въ опасности; онъ вырывается изъ рукъ умоляющихъ его, плыветъ опять къ кораблю и вызываетъ отчаянныхъ по прежнему.

По несчастію не послушавъ словъ его бросается съ корабля еще третій человъкъ; съ разлету хватается онъ за узду утомленной уже лошади, втягиваетъ голову сей бъдной твари въ море, и утопляетъ самаго себя, двухъ товарищей, а съ ними—ахъ! и великодушнаго Волтемада!

2. Бусардъ.

Не давно случилось, что одно купецкое суднишко долгое время носимо было крвпвими вътрами по морю, такъ что находившіеся на немъ нещасшные люди не имбли у себя больше ни сухарей ии воды.

Продолжающаяся буря, голодъ и безпрестаниая работа въ таное привели ихъ изнеможение и отчаяние, что они перестали управлять судномъ и предали себя на произволъ судъбъ.

Носколько времени спустя прибило ихъ къ одному Францускому порту, которой окруженъ былъ подводными каменьями и молями, весьма опасными для мореплавателей, а особливо никогда въ семъ мотот не бывавшихъ, и слодовательно не могущихъ знать, какова пути надлежитъ держаться, чтобъ пройти безбодственно въ пристанище.

Тогда наступиль уже вечерь, и темнота ночная присоединила страхъ свой нь ужасу свиропствующаго моря.

Вывшіе на семъ судниший нещасщные люди, увидя близко берегь и городокъ, часшію обрадовались, часшію же испугались; ибо приближалась минуша, опредвляющая имъ либо спасеніе либо смершь.

Напоследовъ собравшись съ последними силами сшали они держашь прямо въ городу.

Бъдные, они mого не въдали, что сей путь ведеть на каменья, гдъ лютая смерть, челюсть свою разинувъ, уже ихъ ожидала.

Городскіе жишели хошя видвли сіе суд-

вишко идущее на неизбъжную погибель, но удерживаемые страхомъ угрожающей бури, не могли инаго сдълать, какъ только сожально о находящихся на немъ нещастныхълюдяхъ.

Вдругъ сыскивается между сими жителями одинъ великодушной мужъ, которой собственную жизнь свою вознамбрился подвергнуть опасности, чтобъ спасти жизнь незнаномыхъ ему людей.

Бусардъ имя его: а состояние и чинъ?— Не больше какъ убогой лоцманъ!

Сперва хошрлъ было онъ взяшь большую шрубу и напрягши вср силы голоса кричашь судну, чшобъ оно ошъ сего опаснаго мрсша прочь поворошило; но далекое разсшояние и шумъ сшенящаго моря дрлали си намърение его шщешнымъ.

И такъ, не видя инаго способа, вырывается онъ изъ рукъ удерживающихъ его родственниковъ, садится на маленькую лодочку, и не взирая на великое волнение пускается въ море.

Но едва успрат онт ирсколько сажент отдалиться от берегу, какт нашедщій внезапу страшный валь лодну его опровинулт, и онт поглощент быль водою.

Однано нъ великому щастію его следовавшій позади стольже грозный валь въ

одно мгновеніе ока выбросиль его паки на берегь.

Сіе неудачное и опасное повушеніе ни мало не погасило въ немъ искръ жалости и человъколюбія: устремивъ всъ свои мысли къ спасенію нещастныхъ, и только того опасаясь, чтобъ судно ихъ не разбилось о каменіе и чрезъ то не сдълало помощь его поздною, ниже хотъль онъ столько промъткать, чтобъ перемънить мокрое платье свое, но тотасъ бросился искать другую лодку, и съвъ въ нее пустился вторично въ море.

Сидя на толь маленькой лодочив борется съ ввтромъ и волнами, употребляетъ все свое искуство из защищению себя отъ нападающей на него смерти, не столько собственной погибели своей стращась, сколько помня то, что въ его спасении заключается спасение и твхъ нещастныхъ.

Наконецъ присшаль онъ благополучно въ сему въ що самое время, когда оно ошъ скрышыхъ подъ водою пагубныхъ намней уже не болбе какъ на носколько саженъ находилось.

Кто можеть изобразить радость сихъ бъдныхъ мореплавателей, когда они сего мужа, какъ бы съ небесь для избавленія ихъ низпосланнаго, увидъли?

Кто можеть описать благодарность

ихъ, когда они узнавъ о причинъ опаснаго прівзда его въ нимъ, изъ ошчаннія пришли въ надежду?

Они хотбли всб упасть нъ его ногамъ, но Бусардъ говорилъ имъ: друзья мои! прежде станемъ править судномъ; я буду поворачивать имъ куда надобно, а вы между томъ управляйтесь съ парусами, и когда войдемъ благополучно въ гаванъ, тогда предадимся нашей радости.

Онъ не удовольствовался томъ, что спасъ ихъ жизнь и судно ввелъ въ гавань, но изнемогшихъ отъ многихъ трудовъ и голода позвалъ къ себъ въ шеплую избу, и тамъ къ насыщенію ихъ представилъ все, что имълъ у себя лучшаго, и что могъ достать у своихъ сосъдей.

Тогда сей великодушной избавитель посреди спасенных имъ людей, радостными слезами ему благодарность свою изъявляющихъ, вкушалъ небесное удовольствие.

3. Безъименной.

Въ Италіи находится городъ по имени Верона, а чрезъ него протекаетъ ръка называемая Эчь. Сія Эчь въ прошлую зиму замерзла.

Внезапно сдржалась шеплая погода, ледъ вдругъ распусшился, и ррка разлиласъ широко.

Несомыя быспіриною льдины разорвали

мость съ обоихъ концовъ; одна средняя часть онаго нъсволько еще держалась. На ней стоялъ маленькой домикъ, въ которомъ жилъ таможенной приставъ со всею своею семьею.

Вопль сихъ нещастныхъ, молящихъ о помощи, привлекъ великую толпу зрителей; но изъ оныхъ не выискался ни одинъ, которой бы отважился подать имъ помощь.

Между шъмъ сія осшальная часшь мосша ошчасу больше разламывалась; и каждую минушу ожидали совершеннаго ея паденія.

Внезапно явился между шолпою сожальющихъ зришелей одинъ Графъ, (Сполверини было его имя) кошорой держалъ къ верьху мьшокъ съ деньгами, объщая ощдать оныя шому, кто спасеть нещастнаго пристава и его семью.

Однакожъ ни кто не сыскался; ибо опасность жизни, въ какую надлежало вдаться, назалась каждому велика и ужасна.

Напоследовъ продражен сявозь шолиу одинъ берной земледень, о кошоромъ никшо не думалъ, чшобъ онъ былъ шакъ великодушенъ.

Сей бросился въ лодку и сщалъ грести къ колебающемуся уже остатку моста, не смотря ни на силу льда ни на свиръпство ръки.

Обълшая смершнымъ сшрахомъ семья

приставова спустилась кое какъ въ его лодку; и онъ выплылъ съ ними благополучно.

Едва вышли они на берегь, какъ отрывокъ моста и съ маленькимъ ихъ домикомъ обрушился въ ръку: воздухъ наполненъ былъ веселымъ восилицаніемъ зрителей.

Тогда подошель из нему Графъ съ объщанною избавишелю наградою.... Но ито бы не удивился, увидя сего бъднаго земледъльца, ошетупившаго назадъ и не котъвшаго принять мъшка!

За деньги, говориль онь, не ошважиль бы я своей жизни. Вошь нещасшная семья, которая теперь всего своего имбнія лиши-лась: отдайте ей, что мнв назначено было.

Сказавъ сін слова поворошился онъ и скрылся въ множествъ народа.

Имя его между людьми не извъсшно; но оно вписано на небесахъ въ книгу въчности.

науки.

Любезные дрши! молодость и свойственная артамъ вашимъ склонность къ веселію и гульбр не позволяють вамъ иногда разсуждать здраво о пользр ученія.

Часто забавы обманчивою пріятностію своею такъ васъ къ себъ привлекають, что вы только объ нихъ и думаете, не помышляя ни мало о нужныхъ упражненіяхъ и трудахъ.

Но послушайте! видалиль вы когда весною розу подль куста? преврасная роза обращаеть на себя ваши взоры, вы на нее любуетесь, и кусть съ голыми прутьями своими кажется вамъ ничто предъ нею: вы рады выдернуть его изъ земли и бросить, лить бы никто не трогаль нашу розу. Дъти, вы обманываетесь! чрезъ нъсколько дней роза увянеть и превратится въ непригожую завялую травку, а между тъмъ кустъ раскинется, одънется зелеными листками, покроется бълыми цвъточками и премножество будеть на немъ висъть сладкой малины.

Точно шакже обманенесь вы, ежели всю юность проведете въ однъхъ забавахъ: чрезъ нъсколько лътъ забавы ваши перестанутъ васъ утъшать, и ежели вы въ юности своей, пренебрегли чрезъ полезныя упражненія и труды обогашить умъ свой знаніями, возвышающими душу, приносящими честь и славу, то роза ваша исчезнеть, а малины вамъ не видать.

И такъ будьте благоразумны, любезные дъти, веселитесь, играйте, но посреди игры и забавъ своихъ помните о наукахъ, которыя нъкогда принесутъ вамъ великое утътеніе. Послушайте что говорить о нихъ сладкоръчивый нашъ писатель Ломоносовъ: Науки юношей пишающь,
Отраду старымь подають,
Въ щастливой жизни укращають,
Въ нещастной случай берегуть;
Въ домашнихъ трудностяхъ утрха,
Ивъдальнихъ странствахъ непомрха,
Науки пользують вездь:
Среди народовъ и въ пустынь,
Въ градскомъ шуму и на единь,
Въ поков сладки и въ трудь.

НЕВИННОСТЬ.

Васинька чишаль ощцу своему книжку; и между прочимь попалось ему слово невинность, при которомь онь остановился и сказаль: не знаю для чего, батюшка, только я отминно ото слово люблю, и хотя нажется довольно его понимаю, однакожь можеть быть заключаеть оно въ себь но обльше нежели я себь представляю, и для того желальбы я знать точное его знаменованіе.

Я очень радь, мой другь, отвъчаль отець, что слово это тебь нравится; оно дъйствительно изображаеть многія добродьтели: невинность значить незлобіе, тихость нрава, добросердечіе. Но чтобъ лучте дать тебь почувствовать разумь и силу этова

слова, що я подарю шебь сшишки: вовони! на прочишай ихъ. Сшишки сін был сльдующаго содержанія:

Невинность зависти не знаеть,
Охотно хвалить, но не льстить;
Невинность въ спорт уступаеть,
Обидъ не дрлаеть, не мстить,
Довольна завсегда собою,
Не платить за вражду враждою,
Не трубить въть себт похваль;
Невинность совтети послушна,
Трудолюбива, добродушна:
Прещастливъ ею старъ и малъ.

вогъ.

Безначальный, присносущный, безконечный, благій, праведный, всемогущій, Богь и Господь нашь есшь: люди молишесь ему! сошворшаго небо и землю силы небесных пойше! первобышному, несозданному, единому, имъ же вся бысшь, исшочнику милосердія, глубино премудросши, жизни и своща подашелю—шому, швари покланяйшесь! шы, его великій, просшранный, преврасный, преудивишельный, мірь, со всоми швоими огненными шарами—шебя не было! онъ повслодъ: и шы сшаль!—духомъ усть его созлодя.

данный сшаль бышь, и се ныно существуешь, великолопный, огромный, пышный, безпредъльный!-- твари, предъ создавшимъ его падише ницъ! сто пысячь пламенныхъ небесныхъ шрлъ, возсіявшія предъ нимъ, шекушъ каждое предписаннымъ ему пушемъ! сто шысячь земныхъ шаровъ, волю его исполняющіе, шествують вращаясь на своихъ осяхь! сто тысячь безплотныхь ангеловь и херувимовъ стоять въ кругь его престола!-спудный разумъ нашъ не умбешъ иначе его уподобишь, какъ царю царей съдящему на пресшоль, но онъ не царь! не князь! онъ существо превыше всрхъ существъ! онъ Богь, вездосый, вся исполняяй! престоль его вселенная? подножіе ногъ его небеса!--швари, молишесь ему! Кшо быль свидотелемь драв его ? кому повелрав онв пришши и видоть-видоть, какъ онъ все сіе сотвориль? Кшо бездну премудросши его проникъ? кшо знаешь, нако повинуемся ему океянь, повинуется толико, что изъ безчисленной глубины водъ его ни единая капля не смветь выступить изъ предписаннаго ей предъла? кто знаеть, како ни въ чему не присоединенная и высоко въ горнемъ воздухъ плавающая луна, ни упасть, ни отъ пути своего уклонишься не дерзаешь? Ахъ! ни ишо, ни кто не можеть того сказать, какь онь все сіе сділаль! - твари, покланяйтесь ему!

отъ тобя, о ши калый шарикь, съ котокго мы сто тысячь миліоновь шаровь свінащихся шамо видимъ, до шебя, о шы великій солнечный шаръ, и ошъ шебя до Сиріуса, въ миліонъ разъ еще и шебя большаго, холия бъдному червю земному единою нюкио шочкою кажущагося! — опъ meба о шы мальйшая мошва, до шебя, живая горы слонъ, и ошъ всрхъ васъ до шого, кошорый есть существо встхъ существъ, Богъ!-о жолико степеней! о коликое неудобъизивримое пространство !-- а тамо, во встхъ сихъ миліонахъ, шамо, во всемъ дышущемъ и не дышущемъ теряется мой умъ! О единственный, всяческая встхъ, Богъ и Господъ нашъ! нівари молишесь ему!

нечаянное свиданіе.

- Англинской купець, по прозванію Эдмувдь, отправился въ Тунисъ.

Съ нимъ побхалъ одинъ юноша, лото около четырнатцати, котораго взялъ окъ себъ вмъсто сына. Имя ему было Карлъ, а прозвище его не извъстно.

Этоть юноша любиль учиться.

Для того часто хаживаль онь вездь, в осматриваль все, что ему вь чужой земь примъчания достойнымь назалось.

И навъ онъ умвлъ уже рисоващь, що ходилъ иногда за городъ, чтобъ снимать виды и положенія прекрасныхъ сторонъ.

Между швиъ усыновившій его купець надемашриваль за всвии его двлами.

Однажды, идучи сквозь прівшный льсокъ неподалеку ошъ моря лежащій, увидьль онъ сшараго человька, сидящаго печально близъ источника.

Одежда его показывала, что онъ одинъ изъ сихъ нещастныхъ людей, которые въ семъ мъсть, подобно какъ и въ нъкоторыхъ другихъ, носять на себъ имена невольниковъ и съ ними какъ съ безсловесными шварями поступаютъ.

Подлъ него лежалъ давно уже завялый вънокъ, кошорой онъ ошъ времени до времени бралъ въ руки, печально на него смошрълъ и проливалъ слезы.

Любопышство и сожалbніе понудили юнаго Англичанина въ нему приближиться.

Онъ началъ дружелюбно съ нимъ разговаривать, сълъ подлъ него, и спрашивалъ о причинъ его печали.

Спарикъ воздохнулъ, посмощрълъ на юнаго чужестранца гореспиыми очами и сказалъ:

Не принуждай меня, о юноша, разсказывать тебр о моихъ принлюченіяхъ: естьли ты жалостливъ и можещь сочувствовашь мов нещасшія, що я повіствованіемь оныхь возмущу швое спокойствіе.

Юноша, кошораго жалость и любопышство симъ паче умножились, пожалъ у него руку, и просилъ неошступно расказать ему о своихъ нещастіяхъ.

Старивъ началъ:

Знай же, добросердечный юноша, что сей холмъ подлъ котораго мы сидимъ, сокрываетъ въ себъ тъло одной изъ добродътельнъйшихъ, изъ върнъйшихъ женъ, которую нъкогда я называлъ моею.

Она ошважилась бхашь со мною за море, пошому что не могла безъ меня жишь.

Жесшовая буря принесла насъ нъ Африканскимъ берегамъ, гдр напали на насъ морскіе разбойники и взяли всрхъ въ плрнъ.

Богъ уменьшилъ наше нещастіе тьмъ, что мы не были разлучены: ибо я съ добродьтельною моею женою и купно съ груднымъ еще нашимъ младенцомъ, прода за были одному господину.

Возложили на насъ шликіе шруды, и часто безчеловічнымъ образомъ съ нами поступали.

Но мы судьбу свою сносили шерполиво: любовь въ сшраданіяхъ нашихъ подавала намъ ошряду и ушошеніе.

Танимъ образомъ жили мы два года, какъ вдругъ угодно сшало Богу..... Тушъ залился сшарикъ горькими слезами, и ръчь его въ усшахъ пресъвлась.

Что мив тебв сказать, о юноща? продолжаль онь напоследокь.

Ты видишь холмъ сей, и онъ небь все сказываетъ! въ немъ лежитъ погребено все щасте и спокойстве моей жизни!

Новым у меня еще оставалось, которое печальную душу мою прилопляло къ своту.

То быль дражайшій залогь любви нашей, маленьной сынь мой, ошрада и ушфшеніе сшаросши моей, кошораго лишился я нь-сколько лфшь шому назадь.

Когда бывало садился я подлё сего священнаго для меня холма, дабы пролишіемь слезь горесшное сердце мое облегчишь, шогда невинное сіе дишя лежало спокойно на моихь колёняхь, и обнимая меня ручоннами, просило чшобь я не плакаль; шогда въ лицё его распознаваль я чершы дражайшей его машери, и прижимая его съ горячносшію къ моей груди, думаль въ немъ лобызашь образь возлюбленной моей супруги. О! шогда во умиленіи чувсшвь моихь, горесшную сію и купно для меня сладчайшую минушу, не промёняль бы я на обладаніе цёлаго свёша!

Однажды какъ я, по обыкновенію моему, въ шакоежъ какъ шеперь полуденное время, въ кошорое мнр позволяющь носколько ош-

Часть I.

дыхать, сидьль здысь и горести моей предавался, любезной малютка мой быталь и рваль цвытки, чиобъ сплести вынокъ, которой хотылось ему повысить надъгробомъ своей матери.

Въ намбреніи нарвать побольше цвотковъ, оставиль онъ у меня вонокъ свой почти уже готовый, и побожаль къ берегу.

Внезапный крикъ, въ которомъ слышился мнр голосъ его, возбудилъ меня отъ задумчивости.

Я бросился тотчась къ берегу, и — о Боже! увидоль любезнаго сына моего въ рукахъ безчеловочныхъ разбойниковъ, отвалившихъ уже отъ берега и распустившихъ парусы свои!

Тщетно призываль я на помощь небо и землю, Бога и человъковь; тщетно трепещущія руки мои простираль къ немилосердымъ хищникамъ, прося ихъ, чтобъ они по крайней мъръ взяли и меня съ собою!

Они были уже шакъ далеко, что не могли слышать моего вопля: и сынъ мой, нещастный сынъ.....

Онъ здрсь въ швоихъ объящіяхъ!—Вскричаль молодой Англичанинъ, бросясь въ безмърномъ восторгъ къ старику на шею.

Долгое время ожващясь руками пребыли они безмолвны, доколь наконецъ сильное

движение чувствъ излінність радостныхъ слезъ не упротилось.

Родишельское сердце вскорт по встыть признакамъ нашло и удостовтрило щастливаго старика, что онъ не мечтою ослъпленъ, но подлинно любезнаго сына своего паки обрътщагося въ объящіяхъ держить.

Когда по укрощеніи первыхъ движеній могли они разговаривать, шогда расказаль Карлъ, что онъ помнить, какъ ходилъ за цвітами и какъ увезли его разбойники, но что въ продолженіе времени не могъ онъ упомнить ни имени своего отца, ни той земли, въ которой жилъ съ нимъ во время своего малолітства.

Разбойники привезли его шогда въ Америну и продали одному Гишпанцу.

А Гишпанецъ продаль одному Англинскому купцу, кошорой вскорт полюбиль его какъ сына, привезъ съ себою въ Англію, и будучи самъ бездтшенъ, сдтлалъ его наслъдникомъ всего своего имтнія.

И сей-то благодотель его вибств съ нимъ, какъ мы уже видоли, по нокоторымъ торговымъ доламъ прібхаль въ Тунисъ.

Сіе повъствованіе часто прерываемо было новыми обниманіями и новымъ изъявленіемъ сердечной радости и сына и отца.

Потомъ спртиль обрадованный юноша

сыскать своего благод в и увъдомив его о нечаянномъ своемъ щасніи.

Едва сшарикъ и Эдмундъ успъли поздоровашься, какъ взоры ихъ неподвижно другь на друга усшремились.

Скажи мнb, какъ швое прозвание? — спросиль купецъ.

Меня называющь Эдмундь, сказаль сшаринь, а тебя?—

Меня — швоимъ щасшливымъ брашомъ! вскричалъ младшій Эдмундъ, и бросплся безгласенъ въ объящія удивленному сшарику.

Молодой Карлъ съ ошверсшыми усшами и усшавленными на нихъ глазами сшоялъ, подобно окаментому, не говоря ни слова.

Что каждый изъ нихъ въ сіи минуты чувствоваль, того ни накимъ перомъ описать не можно.

Напосльдовъ стали разговаривать: и вышло, что младшій Эдмундъ брата своего считаль мертвымь, понеже съ самаго отвъзда его изъ Англіи не было о немъ никакова слуха, и по тому оплакавъ его, взяль онъ во владьніе къ себь все его въ немаломь количествь состоящее имьніе.

Также расказываль, что молодой Карль, когда онь его купиль, на природномъ своемь языко не умбль ничего говоришь; и для того не только не могло ему притши въ голову, чтобъ то быль его племянникъ, но

что онъ не иначе счищаль его, какъ сыномъ какова нибудь Гишпанца.

Посль сего иладшій Эдмундь побываль тотчась нь господину своего брата, и понесь съ собою за него выкупь.

"Ты свободень, любезнойшій брашь! "сказаль онь возврашившись; и завіпра мы "побдемь въ Англію.,

Но въ врайнему сожальнію своему услышаль, что брать его твердо вознамы сла остатовь жизни своей проводить на томъ мысть, гдь лежить прахъ дражайшей его супруги.

Всь уговариванія были тщетны.

И шакъ положено было на семъ мфсшф построить маленькой домикъ.

Карлъ пожелалъ остаться съ отцомъ своимъ, чтобъ соблюдать при старости покой его въ семъ домикъ.

Младшій Эдмундъ повхаль въ Англію и распродавь шамь всв свои шовары, возврашился назадь, чшобъ шакже бышь при своемъ брашв, пока жизнь его продолжишся.

СОЛНЦЕ.

Ты эрблъ ли ушра мракъ? Багряну эрблъ ли зорю, Какъ солнца красный всходъ

Она предвозвъщала?
Что сердце ощущало?
Что мыслиль ты тогда,
Кань зръль сего свътила
Великолъпный видъ?

Любовію и страхомъ, Зря Божье чудо въ немъ, Душа моя наполнись, Благослови Творца! Тамъ наждый лучь сілешъ Его щедрошы полнъ: О люди! всеблагому Воспойте Богу пъснь!

Всемощною десницей Онъ солнце сошвориль, Онъ блещущимъ украсилъ Чело его вънцемъ, Онъ ризой лучезарной Одълъ его вокругъ, Отъ шой во всю вселенну Да сыплетъ въчно свътъ!

Се мракомъ окруженно
Являещся оно:
Да наши не померкнутъ
Отъ блеску очеса,
Да зримъ колико пышно
Течетъ на высоту,

И все, что было тьмою, Преобращаеть въ свъть!

Творя Господню волю,
Что зрить окресть себя,
Во все то жизнь вливаещь
Добротою луча.
Поставленный на тверди
Вселенныя Творцемь,
Во вркъ неистощимый
Источникъ врчныхъ благъ!

Смощрише, коль высоко
Стоить вознесено!
Кто смершный взявь рукою
Поверть его туда?
Который царь уставиль
Такой ему законь,
Однимь да непрестано
Течеть всегда путемь?

Чью волю исполняеть Спросите у него! Въ неизмъримой безднъ Безмолствуя грядеть, И славословить Бога, Егоже славы всъ Вселенныя предълы Въ себъ не умъстять!

Когдажъ лице сирываетъ Отъ насъ оно свое,

Багровый свёть играеть Тогда вокругь его. Въ величестве садится, Въ другой отходить край; Не зная вёкъ покоя, Даеть намъ всёмъ покой.

птичка и птицеловъ.

Птицеловъ поймалъ птичку; птичка говорила ему: посмотри, какая я маленькая! на что я тебъ гожусь? пусти меня опять въ лъсъ; изъ благодарности я тебъ скажу нъсколько прекрасныхъ стишковъ.

Изрядно! сказаль пшицеловь, посмошримь, какимь сшишкамь можешь научишь меня чижикь.

Птичка обрадовалась и сказала пшицелову: воть мои ститки:

,,Разумной можеть заблуждаться, ,,Равно какъ человъвъ простой; ,,Однако же спъшить хвататься ,,Онъ паки за разсудовъ свой , ,,И тьмъ себя во въкъ не станеть мучить злобно, ,,Чему событься не удобно.

Хороши стишки! сказаль птицеловь, каждой робеновь ото знасть. — Но добро! быть такь, я тебя пущу.

Пшичка взлетввъ на ввшку ближняго дерева размышляла: посмощримъ, человвкъ эшошъ, которой стишки мои такъ уничто-жаетъ, выдержитъ ли надъ собою опытъ!

О глупинькой! сказала она пшицелову, чижикъ шебя обмануль! знай что внутри меня есть драгоцонный камень: дво бочки золоша стоить онь, а шы меня упустиль!

Сказавъ сіе пшичка улешьла, а пшицеловъ—впаль въ превеликую печаль.

шерстовой андрей.

Андрей, веселый шерстобой,
Доволень будучи собой,
Съ великою всегда охотой,
Въ гульбъ и за работой,
Хоть хльба чуть кусокъ имъль,
Но цълый день все пъсни пълъ.
Всякъ стройной звонкости дивился,
Съ какою гласъ его носился;
Мужъ говорить женъ своей:
Чу, слышишь ли поетъ Андрей!
Съ нимъ рядомъ жилъ богачъ спъсивый,
Изнъженный, празднолюбивый,
Кой ночью пировать охочъ,
Изъ дня частенько дълалъ ночь.
Но долгимъ бдъньемъ изнуренны,

Свои звинцы ушомленны Едва онъ закрывать начиешь, Какъ вдругъ Андрей нашъ запоешъ! Чорть побери швою работу, И заую горло драшь охошу, О ты провлятой терстобой! Ворчить богачь сердяся мой. Коль сонъ какъ шолкъ бы продавался, От прсень не просыпался. Проходящь ушро и объдъ, Богачъ првия из себр зоветь, И говорить: Андрей. веселый, Въ прудахъ проводишь пы день цвами, Скажи, какой своимъ шы въ годъ Досіпанешь ремесломь чоходь? На вашу ръчь, сударь, я оту Дать право не могу отвъту, Сказаль Андрей; какъ можно намъ Щитать доходы по годамъ? А вошь: что добыль ввечеру, То съблъ севодня по утру; И шавъ доходъ мой въ сущемъ двлв Семь пообъдащь разъ въ недълъ.-"Однаноже безъ всякой ажи По скольку, право, въ день? скажи."-Въ васъ видно любопышенно бродишъ. День на день, сударь, не приходить, А какъ случится, такъ и есть; Кусовъ мясца всегда мив въ честь; Вошъ праздники меня събдають,

А особанво какъ бывающъ Дни по два или по шри въ рядъ, Ну шушь ужь я и харбцу радь! Богачь для своего покоя Узнавши то от шерстобоя, Что онъ кота большой првень, Но очень голый молодень, Пошель накь будшо для прогулки, И выняль изъ своей шкашулки Соть съ пять серебряных рублей, Принесъ и говоришъ: Андрей! Возми щы эту денегь груду, Но долженъ шы мив слово дашь, Во въни пъсенъ не орашь, Доколь я жишь на свршр буду. Првейт по стипа зачьожать, Ему назалось що мечшою: Онъ сшолько денегъ предъ собою Ниже во сив когда видалъ. Ошъ радости въ немъ сердце таетъ; Онъ съ деньгами мішонъ хвашаешь, Ошврся богачу повлонъ, Давъ кляшву соблюдащь законъ, Что впредь уже не токмо громко, Ушамъ богатаго грубя, Прше прсии оне, ниже шихонеко Мурлычашь будещь про себя. Съ мъшкомъ веселый шерстобой Въ восторгь побъжаль домой; Прещасшливымъ себя счишаешъ,

Не можеть щоту деньгамь дать, Все съ нова хочешся счишать; Мъшокъ цалуешъ, обнимаешъ; Не можеть досыть наглядоться, Не въдаетъ куда съ нимъ дъться, Въ коробку прячешъ, въ сундучокъ, Боишся что собыють замокъ, Несепъ ихъ въ новые запворы, Но мнишъ: и шамъ украдушъ воры. Всю въ спракв ночь безъ сна лежинь; Собака чушь пошевелишся, Иль кошка мимо пробъжишь, Онъ вскочешъ и ему ужъ мнишся, Что нътъ сокровища его; Вдругь вора бишь спршишь нь полрну, Но часто быется лбомь объ ствну, Въ пошьмахъ не видя ничего. Впосабдовъ онъ примъщилъ ясно, Что льстился щастіемь напрасно, Что щастіе не въ барышахъ, Но въ крошкихъ царствуетъ душать, Что выгоды его суть плохи: Онъ прсни промрняль на вздохи, И что лишась веселыхъ дней Онъ нынъ скучный сталь Андрей. Однакожъ вскорт онъ очнулся. Въ немъ прежній духъ вострепенулся, Бъжить проворно въ богачу И говоримъ: ньть, не хочу, Для всвхъ сокровищей я боль,

N. Въ такой жестокой быть неволь, Чтобъ вивсто пвть и ухъ и ахъ, Стоять у денеть на часахъ! Не прочны ваши мив соввшы. Извольше взяшь свои монешы Обрашно, баринъ, опъ меня; Боюсь я этова огня: Онъ все спокойствіе снідаеть; Желаны въчны въ насъ рождаетъ. Пускай завидуеть вамъ всякъ, Я вашимъ щастьемъ не плоняюсь, На вашу пышну жизнь никакъ Своею скудной не моняюсь, И быть хочу, любя покой, Андрей, веселый шерстобой.

ГН в В Ъ.

Тимоша быль добрый мальчикь; не проходило дня, чтобъ онь чему не научился, или бы не поправиль себя въ своихъ погръшностяхъ.

От однаго только порожа долго не могь онъ отстать, и чуть было не довель себя чрезъ то до страшнаго раскаянія.

А именно: онъ былъ очень вспыльчивъ, и тотчасъ осердится, коли кто изъ товарищей нечаянно ему досадить.

Начнетъ толкаться, весь покрасиветъ,

насилу моженть говоришь, и словомъ поквяшся въ немъ вст знави бтонующагося и разумомъ своимъ не владтющаго человта. Учищели сколько ни сшарались, не могли его воздержащь ошъ сего порока.

Случилось однажды, что одинь изъ его товарищей показываль ему начто такое, что онь самь у своего учителя переняль.

Тимошино любопышсшво шанъ было велико, чшо онъ все свое вниманіе обращиль на що, чшобъ слушашь.

Къ нещастію прибъжаль маленькой Өедюша и дернуль его раза два за полу, зовя играть съ собою въ садъ.

Тимоща вдругь осердился, шолкнуль его от себя, и такъ кръпко, что бъдной Оединька не устояль на ногахъ и треснулся головою о камень.

Онъ расшянулся шушъ на мъсшъ безъ чувсшвъ—И какъ у камня былъ осшрой уголъ, о кошорой онъ ударился, що кровь изъ головы у него пошекла ручьями.

О Боже! какая минуша для нещасшнаго Тимоши, кошорой любиль Оединьку и ошнюдь не быль въ намбреніи сділать ему какое либо зло!

Онъ упалъ на него и причалъ громко:

ахъ умеръ! умеръ! — и убилъ Оединьку! — и

вмъсто чтобъ помышлять о способъ помочь

ему, онъ лежалъ подлъ него и рыдалъ.

По щастію одинь изь учишелей сида подлв окошка услышаль этоть прикъ.

Онъ шошчасъ выбъжалъ, взялъ не говоря ни слова маленькаго Оедюшу, ошнесъ его на посшелю, и прыснувъ на него холодною водою, привелъ его чрезъ нъсколько минушъ въ чувсшво.

Тимошу нѣскольно сіе ушѣшило, однакожъ онъ былъ въ чрезвычайномъ сшрахѣ о его жизни.

Рану освидъщельсшвовали и нашли, что она была не смершельна.

Позвали льнаря, ноторой ее перевязаль. Къ Оедють пристала горячка: онъ началь бредить.

Тимоща день и ночь безошлучно сидьль у его постели, какъ на смерть осужденный, безмолвенъ и въ крайнемъ уныніи. Никто не говориль съ нимъ ни слова! ибо никто утівшить его не могь, а упрекать ему въ семъ случать было бы жестокосердо.

Лишь Оединька часто ему въ бреду кричаль: — "Любезной Тимоша! — что я тебь ,,сдълаль, что ты меня такь больно убиль?— ,,Виновать! виновать! впредь я тебя ни ,,чъмь не огорчу:

Сін слова до шого умножили Тимошину горесшь, что онъ быль въ жалчайшемъ состояніи нежели самъ больной.

Напоследовъ далъ Богъ, что горячка

прошла, рана стала заживать, и трезъ тостолько дней Оедюща могъ уже сидъть и постель.

Кто можеть изобразить радость Тимошину? Тоть развь, кто бы могь чувствовать страхь его во время опасности Оедюшиной.

Радость его была несказанна, однакожь смътена съ такимъ раскаяниемъ и съ такимъ твердымъ намърениемъ впредь отъ сего порока воздержаться, что она была въ немъ почти не примътна.

Когда Оединька совершенно выздоровъл, тогда Тамоша сталь по прежнему весель; онъ сдержаль данное себъ слово, и ужъ поварищи его никогда не имъли причины жаловаться на его вспыльчивость.

Онъ былъ щастливъ, что заплатилъ въ семъ случав недорого за избавление себя отъ толь опаснаго порока: ибо у Оединьи рана зажила, и только остался маленькой рубчикъ на вискв, котораго Тимоша не могъ никогда безъ жалости видвть, и часто цаловалъ его, благодаря провидвние.

Выжъ, любезные дъши, есшьли кшо изъ васъ подверженъ пороку гнъва, подумайте, не лучшели заблаговременно себя исправить, чъмъ приключить самому себъ или другому смертную опасность?

утренняя пъсня.

Бращцы всшавайше! день разсвошаеть, Солнце высоко входишь на верьхь; Ногу осшавьше; блескомъ пріяшнымъ Свошлый насъ будишь солнечный лучь.

Пышно, прекрасно, тамъ надъ зеленымъ Рдвясь сіяеть лугомъ оно. Путь простирая светить поль свету, Сладкой поль света тенью хладить.

Свътъ и веселье сыплеть на землю, Сонъ прерывая жизнью дарить, Знойными поле гръя лучами Плодъ производить красенъ и зрълъ

Се, добродотель, образъ твой точный! Естьли и спроеть облакъ его, Мрачныя тучи сквозь проницая Къ намъ низсылаетъ щедрость свою.

Божья премудрость съ томъ сотворила Солнце и мосяцъ, землю и твердь, Воздухъ и воды, насъ человововъ, Всяко дыханье, всякую тварь,

Киждо да будешъ крайнею силой Свъту полезно въ званьи своемъ. Мыжъ человъки Богу подобны, Намъ ли пристойно свътъ тяготить? Часть I. 25 Правда, жы малы, ахъ, неспособны Дравть большія въ мірт драв! Даромъ! мы можемъ многимъ ученьемъ Умъ пригошовишь въ важнымъ драмъ.

Эй посмотрите! солнце высово: Вся веселится здршня страна, Часъ возвращенья всякъ поздравляя Гласомъ усерднымъ славитъ Творца.

Бращцы всшавайше! поснь благодарну Вышнему Богу мы принесемь; Въ общемъ весельо слышень да будетъ Также и дошскій ножный нашъ гласъ.

САМОЕ ТЯЖЕЛОЕ И САМОЕ ЛЕГКОЕ.

Изъ семи разумныхъ Греческихъ мужей, которыхъ семью мудрецами называють, одинъ именовался Өалесъ. Сего нъкогда спросили: что всего тяжелье, и что всего легче?

Всего шяжелье, ошвычаль онь, знашь самаго себя и свои порони: всего легче знашь пороки другихь людей.

Тошъ же Өзлесъ поклонился однажды встрешившемуся съ нимъ челокеку весьма учтиво, но человекъ этотъ не откланялся ему и прошелъ гордо мимо его.

Пріятели Өалесовы думали, что онъ за

это осердится, и что ему, какъ мужу знаменитому, должно быть обидно, для чего тоть ему не откланился.

Но Өзлесъ говорилъ имъ: развъ это мнъ обидно, что я его учтивъе?

ЕЗОПЪ.

Прохожій усмотря Езопа на пуши, Спросиль: жань скоро я могу дойши Отсель до перваго ночлега?

Поди: сказаль Езопъ.— Прохожій повшориль я знаю самъ конечно, Чшо есшьли не пойду, шакъ шамъ не буду въчно;

Но шы мно объяви, во сколько и часовъ....
Такъ инъ поди! сказалъ опять Езопъ.
Прохожій про себя ворчитъ и разсуждаетъ:
Я толку отъ него какъ видно не добьюсь,
Отъ сумасшедтаго скоро отвяжусь;
Зачоть правищельство таких незапираетъ?
И больше не спросивъ Езопа ни о чемъ,
Поворотяся онъ пощелъ своииъ пущемъ.
Гей! гей! вскричалъ Езопъ, чрезъ два часа
иль менъ.

Ты будешь тамъ, повърь; Прохожій удивясь такой въ немъ перемънъ, А почемужъ, спросилъ, ты знаеть то теперь? Я зналь, сказаль Езопь, далеколь до ночлеть. Но скороль шы придешь, шого узнашь не могь,

> Не видя бъга Твоихъ я ногъ.

лучшій подарокъ.

ученики Соврата приносили иногда къ нему подарки, каждый по своей возможности. Одинъ только Эсхинъ былъ изъ нихъ такъ бъденъ, что ничего ему принесть не могъ.

Я ничего шакова не имбю, говориль окъ Сокрашу, чоть бы я шебя подаришь могь, и для шого шолько и сожалою о моей бодносши. Однакожь я все шебо даю, что имбю—самого себя. Не отвергай сего малаго подарка, и помни, что другіе хотя много шебо дали, но еще больше у себя оставили.

Сопрать отвътствоваль:

Ты не малой мир даешь подаровъ, Эсхивъ, хота не ставишь себя за велико. Я вср силы употреблю возвратить тебя самому тебр назадъ гораздо въ лучтемъ состояніи, нежели въ какомъ тебя получаю.

лисица и оселъ.

Ослу лисица говоришь:
Признашься надлежищь,
Что конь прекрасная скотина:
Какой предлинной хвость!
Какія ноги, грива, поступь, мина!
Какой высокой рость!
Смотри, какъ этоть важно выступаеть!
А тоть, что на лугу играеть,
Какъ ръзовъ и красивъ!
Давно позорища не зръла я такова.—
Куда же ты осель? посмотримъ на часокъ,
,,Чево смотръть пустова:
,,Я мастеръ прыгать самъ,
,,И лучшему коню не уступлю ни

Ты прыгашь, шы? шакова чуда не бывало.—
"Такъ въръ же шы своимъ глазамъ.—
По сихъ словахъ пошла пошъха:
Оселъ сшалъ бодро выступать,
И прыгашь и сканашь:
Лисица чуть не умерла отъ смъха.

къ увядшей розъ.

Не давно, нъжна роза, ты Гордилась въ пышности собою; Теперь лишемиа красощы Стоить бледиа передо мною.

Тебъ подобна буду я, Мнъ часто батюшка въщаеть, Минется молодость моя, Котора нынъ всъхъ прельщаеть.

Коль правилами дёль благихъ Душа не будешь украшенна, Лишася прелестей своихъ Я буду такъ какъ ты презрённа.

странная благодарность.

Нънто богатый и знатный Китаецъ гордился тью, что носиль на себь платье, усаженное драгодыными каменьями. Старый и худо одытый Бонза (такъ называють духовныхъ людей въ Китав) ходиль за никъ по всыть улицамъ и кланяяся низко благодариль его неоднократно за бриліанты.

Другъ мой, сказалъ однажды богашой, не знаю, за что ты меня благодарить, яни когда тебь бриліантовъ моихъ не давалъ.

Это правда, отвътствовалъ Бонза; но вы всегда подаете мнъ случай ихъ видъть а другова изъ нихъ употребленія и сами вы

сдълашь не можете. И шакъ нътъ между нами иной разности, кромъ что вы имъете трудъ носить ихъ и беречь а я никакова о нихъ попеченія не имъя, столькожъ какъ вы ими наслаждаюсь.

РОСА НА РОЗОВОМЪ ЛИСТКЪ.

Взгляни на эшу перлу, Какъ въ солнечныхъ лучахъ Она блисшаешъ свъшло На розовомъ лисшкъ!

Вчера во время грому Я видълъ сей цвъшокъ; Въ него ревъла буря И сильной дожживъ лилъ:

Казалось разлешяшся
Всб врознь его лисшии;
Но буря миновала,
Умолкъ и вбшръ и громъ.

Се въ солнечномъ сіяньи Румянецъ умножав, По прежнему гордишся Лисшочками она.

Невинности есть образъ Сей розовой цвътонъ. He ръдко въ жизни бури Намъ пагубой грозятъ.

Въ бъдахъ не будь ошчаянъ, И въ щастьи не взносись: Ихъ случаи приносять И случаи берупъ.

Но добродътель твердо Храни всегда въ груди; Она узда во щастьи Она въ нещастьи щитъ.

дъяние справедливости.

Весьма ошибающся, ежели думающь, что одни знашные люди удобны двлать и мыслить благо. Часто въ покрышой соломою хижинв больше скрывается добродвтели, нежели въ огромныхъ палатахъ! послушайте, что недавно сдвлалъ одинъ мужичокъ, живущій въ окружности города Цириха.

Онъ трудами своими и бережливостію собраль себт небольшое имтинице. Предъ недавнымъ временемъ почувствовавъ слабость здоровья захотть онъ распорядить свои вещи.

Танимъ образомъ роясь нъногда въ сшарыхъ бумагахъ нашелъ онъ давно уже заплаченной щошъ одного плошника, кошорой ему изъ своего лъсу спроилъ домъ и со всъми нужными къ пому приспройками.

При первомъ взглядь показалось ему, что сумма подведенная въ семъ щеть мала въ разсуждени верхнихъ числъ; и такъ начавщи повърять нашелъ онъ, что плотникъ ощибся въ сложени, и взялъ съ него пятью-десятью талерами меньте, нежелибъ надлежало.

,,Ахъ, Боже мой! говориль онъ самъ себъ, какую ошибку одълаль этоть доброй человъкъ! Какъ мнъ жаль, что я по незнанію моему такъ много ему не доплатиль, и сію ошибку теперьлишь, спустя тритцать льть посль его смерти, примъчаю!

Одновожъ я могу ее поправишь: посль него живушъ дъши и внучаща, имъ деньги сіи должны бышь ошданы."

Сказалъ и сдълалъ. Не могши самъ выходить изъ дому просилъ онъ одного изъ своихъ пріяшелей, чтобъ тоть сіе число денегъ доставилъ плотниковымъ наслъдникамъ. Сей самый пріятель его насъ о семъ увъдомилъ: а честной этотъ мужичокъ самъ ни кому о томъ не сказываетъ.

Дъти! разсуждая по надлежащему, дъло сіе можеть назваться просто справедливостію, а не благодъяніемо и не великодушіемо. Но естьли бы всякой человъкь быль шольно шакъ справедливъ, какъ бы хорошо было жишь въ обществъ сълюдьми!

пъсня

юнаго мореплавателя по утишении бури.

Море гладко и сілешь Фебовь ясный лучь въ сей чась, Рыба ръзвая играешь Цълымъ сшадомъ вокругъ насъ.

Вст спокойны, вст сметошся; Весело, какъ дома, намъ, И далеко раздающся Наши прсни по водамъ.

Буря страшная ревьла, Ньсколько тому часовь; Бездна поглошить котьла. Насъ трепещущихь пловцовь.

Въшеръ вылъ, сшонало море, Всюду шьма была и мранъ, Душу всю снъдало горе, Молнія слъпила зранъ.

Разсыпаяся надъ нами Ударяль сердино громь: На колони со слезами Вср мы пали предъ Творцомъ.

Наши прозьбы досязають До жилищь, гдв ввчный день: Ввтрь и буря умолкають, Исчезаеть ночь и швнь.

Милость Божья несказанна: Звъздъ число не мъра ей, Ни же неба твердь пространна; Ни же глубина морей.

Радуйся корабль сшремяся, Воду на двое дбля: Скоро съ мачшы веселяся Закричишъ машрозъ: вемля!

смъщной ловъ обезьянъ.

При ръкъ Ореноко въ Америкъ упошребляющъ странной способъ ловить обезъянъ. Вотъ описаніе онаго:

Обезьяны находять новоторой особливой вкусь въ Индойскомъ пшено, называемомъ маисъ.

Положать сего пшена нъсколько въ сосудъ, къ которому придълана узкая трубочка, такъ чтобъ обезьяна могла только просунушь лапу. Сосудъ этоть ставять подъ дерево, на ноторомъ увидять сидящую обезьяну, и пойдуть оттуда прочь.

Обезьяна какъ скоро сіе примъшишъ, шошчасъ сойдешъ съ дерева, просунешъ лапу сявозь прубочку, и захващишъ цълую горсть пшена въ сосудъ.

Послъ сего она выдернуть уже не можеть, а пшена не хочеть выпустить чего бы ей то ни стоило.

Такимъ образомъ начинаешъ изо всей силы кричашь, словно какъ бы она была въ превеликой бъдъ, кошя совершенно въ ея волъ состоишъ освободиться.

Жадность ея такъ велика, что она лучте умретъ, нежели выпустить изълапы птено.

Охошники увъряющь, что имъ не случилось еще ни одной такой обезьяны видьть, которая бы выбросила пшеницу изълапы и ущла.

Сія чудная глупость обезьянь подала причину въ выдумир следующаго разговора:

ОБЕЗЬЯНА И НЕВОЛЬНИКЪ.

Невольникъ.

Меня дожидаещься? о безумная!

Обезьяна.

Чево щы хочешь?

Невольникъ

Хочу тебя убить.

Обезьяна.

Меня убишь? за горсшочку пшеницы? и! брашь челововь, какой шы скупець!

Невольникъ.

Я не для себя это ділаю, исполняю волю господина моего.

Обезьяна.

По этому господинъ твой самой лютой звръ, а ты невольникъ его, самая подлая тварь.

Невольникъ.

Вошь я шебь дамь лаяшься!—

Увы! что двлать? мое нещастіе велить мир умереть. Но ты признайся по прайней мврв, что стыдно быть невольникомъ, и исполнять по принужденію волю другаго; я хотя обезьяна, однакожъ я свободна.

Невольникъ.

Добро ужъ, бышь шакъ: на эшошъ разъ я шебя пощажу. Сшупай убирайся куда хочешь.

Обезьяна.

Ахъ! шы видишь, чшо я эшова сд**р**лащь не могу.

Невольникъ.

Розожми лапу!

Обезьяна.

Не льзя:, пшеница высыплишся!

О! шакъ и между звърями есть невольники! надо мною господствуеть бълой человъкъ, а надъ шобою горсточна пшена. Умри невольница! я долженъ волю господина своего исполнять щакже, накъ шы своего исполняеть.

награжденное состраданів.

Маленькая Аннушка была очень жалосшлива и сострадательна нъ людямъ и снотамъ. Лишь увидитъ нещастнаго, то и спътитъ ему помочь, чъмъ только можетъ.

Однажды вхала она домой, и подъвзжая къ мосту увидвла множество ребятитекъ, которые навязавъ бъдной собакъ пътлю на шею, тащили ее утопить въ ръкъ. Собака эта вся была въ грязи и собою очень дурна.

Постой! закричала Аннушка кучеру, к кучеръ остановился.

Тупъ она спросила у ребящищевъ, не хотяпъли они продать собаку? — Пожалуй купи отвъчали они. Она дала имъ серебряной рубль, велъла собаку вымыть и посадила ее съ собой въ коляску.

Нянюшки ея находили, что собака очень дурна, и совъщовали ей выбросить ее назадъ, однако Аннушка сказала имъ: я не смотрю на то, худа ли она, хорошали; она бъднинькая въ жалкомъ состояніи, и это побуждаетъ меня взять ее подъ мое попеченіе. Я помню, гдъ то въ Священномъ Писаніи сказано: блаженъ иже и скоты милуетъ.

Дома вст смтялись надъ ея постельною собачкою, называя шакъ ее въ насмтшку; но Аннушка на то не смотрта. Она всякой день сама ее кормила, и собака шакъ привыкла къ ней, что ни на минуту не отходила отъ нее прочь.

Однажды когда Аннушка въ вечеру легла спать, и заснула уже, собака вскочила вдругъ на постелю къ ней, схватила ее зубами за рукавъ, трясла головою и выла такъ громко, что Аннушка проснулась. Она испугалась, и накъ собака не переставала ворчать и лаять, и все смотръла подъ кровать, то напослъдокъ она принуждена была встать и кликнуть людей.

Люди прибъжали и нашли подъ вровашью—ково бы вы думали?—вора, кошорой повинился, что онъ хотьль Аннушку убить и обокрасть. И такъ спасеніемъ своимъ обязана было она состраданію, какое имбла нібкогда къбідной собакв.

угорь и змъя.

Главу имбя гордо вознесенну,
Въщала угрю шавъ змъя:
Взглянико угрь, не чудналь красоща моя?
Видалъли кожу шы шолико изпещренну?
Твоя хошя гладка,

Однако отъ моей гораздо далека, Моя прекрасна и гладка, Сосъдка, отвъчалъ ей угрь, конечно Прекрасна ты, я худъ и не пригожъ; Да отъ чегожъ,

Позволь спросить тебя чистосердечно, Всрмъ сносенъ образъ мой, А ты съ твоею красотой Стратев всякаго урода, Гнушается тобой природа, И пеструю твою кто лишь увидить кожу.

Во всю шошь мочь?

Бржить скорре прочь,

Отворотивши рожу?

То правда, говорить змря,

Но для чего бргуть, сама не знаю я;

А угорь ей: загадочку такую,

Коль кочешь, я шебь, сосьдка, разшолкую: Прекрасна шы на взглядь, Да въ сердць у шебя и жолчь и ядъ.

вуря.

Съ какою люшостью, чело свое нахмуря, На крилахъ пламенныхъ несешся грозна буря! Предъ нею страхъ лешить, и дымъ и пыль столпомъ;

Въ ед ушробъ вихрь и молнія и громъ. Что встрьшить на пуши, все ломить, низвергаеть:

Се ведръ высовій ей прошивустать дерзаеть; Но врбивій силами, стоящій много льть, Исторжень изъ земли со препетомъ падеть. Воззри на глубину, какъ тамъ смятенья

Тъснящся, мечущся, другь друга давящъ волны,

Уподобляяся що бездив що горамъ, Изъ пропасщи корабль кидающъ къ облакамъ. Се сввилый день она въ нощъ шемну превращаешъ,

Жизнь изливающій лучь солнца погашаєть, И мілою черною покрывь небесный сводь, Съ багровыхъ крилъ своихъ стрясаеть море водъ,

Часть І.

26

Текущихъ пошонишь въ садахъ цабитую; крины,

Разрушинь хижины, опусшошинь долины, Изъ шварей дышущихъ исторгнуть робий духъ:

Се плавающь уже и стадо и пастухь! Убійца лютая! доколь будещь злиться? Ахъ! вскорь вся земля въ пустыню преврашится.

Внидь въ сожальніе, отвергни злость свою, Дай солнечнымълучамъ проникнутьночь сію, Мы погибаемъ всв.—Но кто сей бурв темной Изъити повельль изъ храмины подземной? Ито тяжкія ся оковы разрвшиль? Парь неба и земли, властитель горнихъ силь. Тебв ль, живущему среди надежды, страха, Тебв ли, о червь! имъ созданный изъ праха, Тебв ли, человвкъ, двла его судить? Твой долгъ есть инцълежать, святую волю чтить,

И зря на чудное подсолнечной строенье, Премудрость познавать и почерпать смитенье:

Твой разумъ данъ meбb от щедраго Творца На то, чтобъ ты въ немъ врълъ, и Бога и от во во славъ страшенъ онъ: перунъ въ его деснить!

Но съ протостью съдящь во свътлой ба-

Ошъ преисполненныхъ любви его очей

Ліется щастіе и радость твари всей. Когда онъ росу въ намъ, иль дождь низпосылаеть,

Иль землю солнечнымъ лучемъ обогръваетъ, Иль легкимъ душь велишъ съ прохладой въшеркамъ,

Чтобъ дать нагимъ въ лъсахъ раскинутся древамъ,

Чтобъшьмой обогащить поля произрасшеній, Не въстники ли то его благотвореній? Но что же бури суть? тъжь въстники щедтоть.

Тъжъ проповъдники всевышняго доброшъ. И мразы зимніе, и шеплый солнца лучъ, И ясность свъшлыхъ дней, и мраки шемныхъ

шучъ,

И бури и зефиръ и молніи и грады, У потребляєть онъ для общей встхъ отрады. Господь нашъ праведенъ: стращиться намъ чего?

Спокойно жребій свой возвержемь на него, И потуша въ себь уныніс дущевно, Увъримся изъ благь ліющийся вседневно, Что Богь, и въ радостный и въ страшный самый часъ,

Всегда есшь Богь благій, пекущійся объ насъ.

Конецъ первой части.

